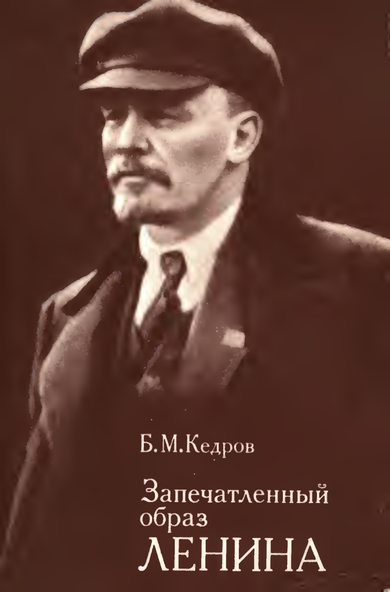

Б. М. Кедров
Запечатленный
образ
ЛЕНИНА

Б. М. Кедров

Запечатленный образ ЛЕНИНА

(Автобиографические очерки)

**Москва
Издательство
политической
литературы
1986**

13.5
К 33

Кедров Б. М.

К33 Запечатленный образ Ленина: (Автобиогр. очерки). — М.: Политиздат, 1986. — 239 с., ил.

О Лениие, его жнзнн и деятельности написано множество книг, статей, воспоминаний. Эта книга является иовым вкладом в мемуарную леннннану; в ней показано, как образ Лениниа воспрнннмался современником — Б. М. Кедровым — сыном профессионального революционера, с юиых лет связавшим свою судьбу с леннннской партией. По мере формирования созиания автора книги — в детстве, отрочестве и юности — этот образ все более полно раскрывал перед ним свое глубочайшее внутреннее содержание.

Эти воспоминания н о детстве и юности самого автора. Всю свою дальнейшую жизнь академик Б. М. Кедров посвятил разработке н пропаганде теоретических трудов В. И. Леннна.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К $\frac{0103020000-005}{079(02)-86}$ 50–86

13.5
3К26

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый,
Века пронизывающий взгляд?

1923 *Н. Полетаев*

Юным ленинцам –
нашим внукам и правнукам

От автора

Среди рассказов, слышанных в раннем детстве, мне запомнилась одна маленькая история, которую сопровождают две картинки. На первой из них изображена молодая мать, и у нее на коленях сидит четырехлетний сынишка. Вечер. В окне видно черное небо, а на нем большая яркая комета. Вторая картинка изображает глубокого старика, одетого в черное, он играет на клавесине. В окне то же черное небо и та же яркая комета. Комета вернулась спустя три четверти века. Ее появление на земле обозначило начало и конец человеческой жизни. Так на склоне лет мы вспоминаем то, что было на заре нашей жизни. Однако никакая комета не может сравниться с ярчайшим впечатлением, с тем, как я в детстве и юности встретил В. И. Ленина и как потом через всю жизнь пронес его образ, думал и работал над его идеями и трудами. Ведь комета, появившись однажды, уходила на многие десятилетия, оставив о себе только одно воспоминание. Для меня образ Ленина, его мысли и завещания, подобно звезде, светили всю жизнь без перерыва. И сегодня, оглядываясь на пройденный мною путь, я убеждаюсь в том, какое на мою долю выпало редкое счастье –

много раз видеть и слышать Ленина в годы революции. К тому же в те годы я работал некоторое время с его сестрой Марией Ильиничной и смог узнать о Владимире Ильиче и о его семье нечто такое, что сейчас может показаться интересным и важным. И вот теперь мне хочется рассказать о том, каким запечатлелся образ Ленина в моем сознании — сначала детском, а потом отроческом и юношеском, какое огромное место в моей жизни на всем ее протяжении он занимал. Конечно, в моей памяти сохранилось множество самых разнообразных событий, которые ни прямо, ни косвенно не имели отношения к образу и мыслям Ленина, хотя и были важны для меня самого. О них я буду говорить или очень мало, или совсем ничего, а выделю то, что непосредственно или более отдаленно связывалось у меня с Владимиром Ильичем. Однако местами мне все же приходится писать о себе самом: ведь речь идет все-таки о моей жизни постольку, поскольку она прошла так, что оказалась в чем-то связана с именем Ленина и его идеями.

Добавлю, что в свои очерки и заметки я буду включать некоторые материалы, ставшие мне известными позднее и касающиеся моего отца и его отношений с Лениным, а также его рассказов и рассказов моей матери и других близких или знакомых мне людей о встречах с Лениным в те самые дни и в тех же местах, когда и где я видел и слышал его. Я счел также возможным в ряде случаев воспроизводить слышанные и запомнившиеся мне выступления Ленина по памяти, а не по тексту опубликованных его работ.

Когда я писал эти очерки, я все время старался изо всех сил ничего от себя не примыслить и не выдать за виденное или слышанное мною то, чего я в действительности не видел, не слышал и не пережил

когда-то. Невольно я следовал в этом отношении мудрому совету: „Говори всегда только правду, и тебе не нужно будет тогда что-либо запоминать". Не нужно – потому, что правда, действительность помнится сама по себе, а специально запоминать надо только придуманное, дабы не сбиться и не допустить ошибку. Этому мудрому совету я и старался следовать в этих очерках. Все же то, что я почерпнул из позднейших источников, каждый раз оговаривается особо. Это относится прежде всего к прологу и первым двум циклам очерков.

Начну с воспоминаний детства. Они составляют первый цикл запомнившихся мне эпизодов – это 1907–1916 годы („Глазами мальчугана"). Второй цикл охватывает 1917–1919 годы („Глазами подростка"), третий – 1920–1924 годы („Глазами юноши"). Образ Ленина запечатлевался во мне все богаче и глубже по мере того, как я сам становился старше и сознательнее. Это само собой понятно. Но при всем том в живом образе Ленина мое внимание всегда привлекали как его внешние черты и проявления, так и его внутренняя глубокая человечность. Вот это-то и запечатлелось наиболее ярко и выпукло. В какой-нибудь другой книге расскажу о том, как в течение шестидесяти лет после смерти В. И. Ленина я занимался разработкой и пропагандой его взглядов, выполнял клятву, данную себе в траурные дни в январе 1924 года.

**Это обращение к читателю
было написано в марте 1985 года.
10 сентября Бонифатия Михайловича Кедрова
не стало.**

Пролог

Порой изнывали вы в тюрьмах сырых...
Революционная песня

Судьба человека может сложиться так, что уже в его первые детские годы происходят такие события, которые определяют всю его дальнейшую жизнь. Так это было и со мной.

Я родился в семье профессиональных революционеров-большевиков. Отец — Михаил Сергеевич Кедров, мать — Ольга Августовна Кедрова, в девичестве Дидрикиль. Активное участие в революционном движении с молодых лет принимали мои родственники — сестра матери, Мария Августовна Дидрикиль (тетя Мери), и Подвойские — Николай Ильич, его жена, Нина Августовна, младшая сестра моей матери, а дядя Саша — Александр Августович Дидрикиль, брат матери, и Августа Августовна Фраучи-Дидрикиль, сестра матери, им сочувствовали и помогали.

Вскоре после моего рождения (а я был первенцем) отец получил большое наследство и отдал его все большевистской партии для организации партийного издательства, которое он и возглавил вместе с моей матерью. Издательство называлось „Зерно", и помещалось оно в Петербурге в доме № 110 по Невскому проспекту на втором этаже, в квартире № 2, где жили и мы.

Событие, повлиявшее на всю мою жизнь, о чем я сказал уже выше, связано с судьбой издательства „Зерно". Именно тогда, в 1907–1908 годах, мое детское ухо впервые уловило имя Ленина из разговоров взрослых. С тех пор это имя я слышал от них много раз.

„Зерно" просуществовало недолго и было разгромлено на моих глазах в апреле 1908 года. О том, как это произошло, я расскажу не по своим личным воспоминаниям, а по документам, которыми я располагаю, и по рассказам матери.

Так как события тех лет – арест отца, судебная расправа над ним, длительное заключение его в крепость – оказали исключительно важное влияние на последующую судьбу всей нашей семьи, я расскажу о них подробнее, используя позднейшие, не связанные со мною документы. Я приведу два основных материала, касающиеся этого дела. Причем главным образом по той линии, которая имела отношение к изданию моим отцом трудов В. И. Ленина. Это, во-первых, воспоминания отца, которые я взял у него „Из красной тетради об Ильиче". А во-вторых, найденный в архиве департамента полиции обвинительный акт, составленный по делу отца и Н. И. Подвойского. Отец вспоминал: „Первые деловые отношения с Владимиром Ильичем возникли у меня при следующих обстоятельствах.

Имея намерение в 1907 году издать „Календарь для всех", издательство „Зерно", которое я возглавлял, обратилось к Владимиру Ильичу с просьбой дать статью для „Календаря", причем послало ему проспект и список участников (товарищи Батурин, Ольминский и другие). В ответ на обращение Владимир Ильич прислал небольшую статью, специально написанную для „Календаря", – „Международный социалистический конгресс в Штутгарте", статью,

к слову сказать, долгое время остававшуюся мало известной и вошедшую лишь в XX том 1-го издания Собрания сочинений[1]. Присланная статья по сравнению с другой статьей под тем же названием, напечатанной в „Пролетарии"[2], как предназначенная для читателя-массовика, отличалась большей популярностью и давала характеристику не только Штутгартского конгресса, но и всех предшествующих конгрессов.

„Календарь" представлял собой, как и следовало ожидать, форменную нелегальщину. В первый же день представления его в цензуру он был запрещен к распространению и подлежал конфискации. Впрочем, явившейся для наложения ареста полиции удалось захватить всего несколько десятков экземпляров, предупредительно оставленных нами ей на съедение. Вся же масса календаря, 60 тысяч экземпляров, давно уже гуляла по фабрикам и заводам, по казармам и крейсерам.

Можно с уверенностью сказать, что ни одна статья товарища Ленина не имела такого широкого распространения вплоть до 1917 года.

Первый удачный опыт с легальным изданием нелегальной литературы в период уже разошедшейся вовсю реакции укрепил уверенность в возможности издания и распространения и большевистской литературы, и был намечен к изданию ряд популярных брошюр, как, например, „Донское казачество прежде и теперь", „Казна и народ", „Откуда смута" и т. д., а также капитальные издания, и в первую очередь Собрание сочинений Владимира Ильича в 3 томах под названием „За 12 лет"...

Все мы ликовали: будем переиздавать статьи Ленина, большинство которых видело свет только

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 79–89. *Ред.*
[2] См. там же, с. 67–74. *Ред.*

на страницах зарубежных „Искры", „Зари", „Пролетария"!..

В I том „За 12 лет" вошли зиамеиитые работы В. И. Ленина „Что делать?", „Шаг вперед, два шага иазад", „Две тактики" и другие. Поэтому ие мудреио, что вскоре после выхода из печати сбориик „За 12 лет" был коифискован и вынесено постановление о привлечении к ответственности издателя.

Незадолго до того один человек изъявил желание принять иа себя ответствеииость за издание. Его условия — 36 рублей в месяц со дня привлечення к судебиой ответственности и, кроме того, в случае лишеиия свободы единовременное пособие в 100 рублей. Условия были приияты, и он был отмечеи в книге типографии как заказчик и издатель сочииений Вл. ИльиIна.

Но вот, когда следователь по особо важным делам Петербургского окружного суда вызвал этого человека в камеру, иачал сиимать с иего допрос и собирался предъявить ему обвиииеие по 129-й статье Уголовного уложения, каравшей лишением всех прав состояния и ссылкой на поселеиие, тот сдрейфил и заявил, что первоиачально, действительио, намеревался принять участие в издании, ио затем одумался и запись в книге произведеиа без его ведома и согласия...

Раз издатель не находился, ответствеииость ложилась иа распространителя, и следователь взялся за нас. Месяцев шесть тянулось следствие; когда иаступил момеит, чтобы засадить меня по 129-й статье, то оказалось, что я сижу в Доме предварительиого заключеиия и что излишие судить меня по 129-й статье, когда иалицо уже 102-я статья, сулившая каторжные работы.

Тотчас после объявления „За 12 лет" запрещенной книгой пришлось все издание перевезти на

иелегальный склад и продавать кингу с большой осторожиостью. Распростраиеиие ее почти прекратилось. Киготорговцы боялись прииимать кингу даже иа комиссию, публикаций тоже иельзя было делать. Высылалась оиа только едииичным заказчикам.

Чтобы обезопасить II том Сочииеиий Владимира Ильича от коифискации, издательство „Зерио" решило разбить его иа две части. В первую часть II тома включить все легальные статьи, во вторую часть — статьи из иелегальных изданий и иаписанные после 1905 года, которых иесомиеино ожидала участь первого тома. В тех же целях решеио было отказаться для второго тома от общего иазвания „За 12 лет".

В иачале 1908 года вышла из печати первая часть II тома под заглавием: Вл. Ильии. Аграрный вопрос. Ч. I. Главиое содержание зтой книги составили „Экоиомические зтюды и статьи", изданные под таким иазванием в коице 90-х годов...

Вторая часть II тома испытала участь миогих зиаменитых книг, преданных сожжеиию „святой" иикв изицией.

Вот как зто случилось.

Набиралась и печаталась зта кинга в „Русской скоропечатие" (Екатерииииский канал, 94). Корректура доставлялась в издательство „Зерно". После разгрома охранкой издательства здесь была устроеиа засада, и, по-видимому, таким путем попали в руки жандармов отдельные корректуриые оттиски, принесенные иа просмотр, а по ним и вся рукопись Владимира Ильича. Впрочем, ие исключеиа возможность, что провал книги произошел не без участия шпиков, которые под видом типографских служащих были посажеиы в то время во все типографии.

Как бы то ни было, рукопись Владимира Ильича, содержавшая в себе только что написанную обширную работу „Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов", которой предшествовали в хронологическом порядке несколько статей более раннего периода, лежала на столе у жандармского ротмистра, когда меня ввели к нему на допрос. Тут же лежали оттиски одного-двух листов этой книги.

Придвинув ко мне объемистую рукопись, написанную убористым шрифтом на листах большого формата, жандарм спросил, не я ли издатель вот этой книги. Бегло просмотрев, я ответил утвердительно и выразил возмущение, что книга научного содержания, явно не предназначенная для широкого читателя и к тому же в наборе, задерживается печатанием. По-видимому, делается это умышленно, чтобы разорить издательство.

Ротмистр обиделся... Он отводит приписываемые ему низменные побуждения. Означенная рукопись является явно преступной... В подтверждение своих слов жандарм нагнулся к рукописи и, перелистав несколько страниц, ткнул пальцем на несколько строк в примечании, подчеркнутых жирным синим карандашом.

– Вот прочтите!

То была переписанная от руки статья из журнала „Заря": „Аграрная программа русской социал-демократии", написанная в 1902 году. Подчеркнуто было следующее место: „Мы говорим: „создать", ибо старые русские революционеры никогда не обращали серьезного внимания на вопрос о республике... (особенно жирно подчеркнуто слово „республика". – *М. К.*)... На нашу долю (если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов), на долю социал-демократов, выпало распрост-

ранить требование республикн в массе н создать республиканскую традицию среди русских революционеров"[1].

Я перелнстывал рукопись. Еще кое-где нашел отмеченные карандашом отдельные места, нспугавшие жандармов, но все пометкн относились лишь к первым статьям, расположенным в хронологическом порядке, на основной же статье тома следы жандармского сыска отсутствовали. По-видимому, жандармы, уловнв несколько страшных слов, прностановилн дальнейшне понскн, считая свою миссню законченной, н возбудили ходатайство об уничтожении зловредной рукописи.

Уничтожена была рукопись, насколько помню, определением С.-Петербургской судебной палаты в 1908 году; черновик, однако, сохранился у Владимира Ильича. Книга появилась в печати только в 1917 году.

Когда после отбытия почти трехлетнего одиночного заключения в крепостн я в 1911 году вышел на свободу, тотчас же прнступил к ликвидации громадных книжных запасов, и в первую очередь нелегальных. „За 12 лет" предложил Петербургскому комитету нашей партии безвозмездно, но получил ответ, что распространить ее комитет не имеет возможности. Часть конфискованной литературы вынужден был продать на бумагу, так как никто не решался принять ее на храненне. Большую часть революционной литературы, состоявшую нз нзданий „Донской Речи", „Молота", „Колокола", „Зерна" и других, также „Аграрный вопрос" и небольшое количество „За 12 лет" удалось сложить на склад писчебумажной фабрнки

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 319. *Ред.*

„Сокол", где она благополучно дождалась Февральской революции.

В марте или апреле 1917 года, когда в революционной книге ощущался форменный голод, всю эту литературу, в том числе и Сочинения Владимира Ильича, я передал в распоряжение ЦК нашей партии и ее военной организации, причем книги Ильича были расхватаны в течение 2–3 недель и в таком количестве, в каком они едва разошлись в предшествующие десять лет".

Прямое отношение к этим воспоминаниям имеет письмо Ленина моему отцу, написанное в конце ноября – начале декабря 1907 года и посланное из Финляндии в Петербург. Приведу его тоже полностью.

„Уважаемый товарищ! Согласно нашему условию, материал для II тома должен быть сдан к 1/X, для III – к 10/X. Первый том задержался. 12 листов для II я сдал, дальнейшие 7 готовы и еще дальнейшие (около 5 или 7) могу сдать очень скоро. Но я хотел бы знать, нужен ли Вам действительно так быстро весь этот материал? приступите ли Вы тотчас к набору? сдали ли Вы уже в набор 12 листов II тома? задержится издание, если я позже представлю конец II тома? Если да, я могу представить конец II тома немедленно, если Вы этого хотите. Но у меня есть план: написать в заключение II тома большую работу о распределении земли в России (по новым данным, статистическим, 1905 г.) и о муниципализации (приняв во внимание IV том „Капитала" или „Theorien über den Mehrwert"[1], вышла тоже в 1905 году). Я думаю, эта вещь представила бы большой интерес для публики и была очень своевременна. Материалы для работы почти все у меня уже подоб-

[1] – „Теория прибавочной стоимости". *Ред.*

раны и частью уже обработаны. Для окончания надо несколько недель; надеюсь, что смогу в несколько недель написать эту работу.

Итак, сообщите мне: желаете ли Вы представления II тома немедленно без этой новой статьи — или предпочитаете, чтобы II том был представлен, примерно, через месяц — $1^1/_2$ с новой статьей"[1].

Так писал Ленин моему отцу по поводу подготовки издания в „Зерне" первого собрания его сочинений. А теперь обращусь к „Обвинительному акту о дворянине Михаиле Сергееве Кедрове", который был составлен „Ноября 13 дня 1908 года в городе Санкт-Петербурге" товарищем прокурора. Обвинительный акт гласил (привожу из него подробные выдержки):

Обвинительный акт
о дворянине Михаиле Сергееве Кедрове
и сыне священника
Николае Ильине Подвойском

„Ввиду имевшихся в С.-Петербургском Охранном Отделении сведений, что книжный склад „Зерно", помещающийся в доме № 110 по Невскому проспекту, является складом социал-демократической литературы и выполняет загородные заказы по транспортированию в провинцию партийной литературы, 27 апреля 1908 года там был произведен обыск. В квартире, занимаемой складом, проживали: заведующий складом дворянин Михаил Сергеев Кедров, отсутствовавший в момент обыска, и сын священника Николай Ильин Подвойский, назвавший себя чинам полиции конторщиком склада.

При обыске всех помещений склада было найдено: 1) свыше шестнадцати тысяч семи сот (16 700) экземпляров брошюр девяносто двух различных

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 116–117. *Ред.*

наименований, по содержанию своему возбуждающих к ниспровержению существующего в России общественного строя". Дальше идет перечисление названий различных брошюр, в том числе: брошюра „Пить или не пить" — в 1111 экземплярах. В ней проводится мысль, что искоренить пьянство при современном строе невозможно и, только „когда водворится социалистический строй, человек не будет нуждаться в этой обманчивой спасительнице...". Далее обнаружено „письмо из Цюриха от 2 марта 1908 года, адресованное книгоиздательству „Зерно", такого содержания: „Мы согласны взять на себя агентуру по распространению юбилейного сборника „Памяти Маркса" (со статьей Ленина. — *Б. К.*). Ввиду того что распространением будет заниматься партийная большевистская группа, просим, кроме 5% комиссионных, сделать нам, как и другим партийным организациям, еще некоторый % скидки..." — с оттиском печати внизу „Группа Большев. Р.С.Д.Р.П. Цюрих"...

Далее было сказано, что 29 апреля был арестован Кедров... „При осмотре невостребованных грузов, отправленных складом „Зерно", в посылках, полученных на ст. Симской Самаро-Златоустовской железной дороги и на станции Керчь, оказалась нелегальная литература. В первой — два пуда тридцать семь фунтов книг и брошюр книгоиздательства — „Донская Речь", „Новый Мир", „Молот" и других различных наименований... Во второй посылке оказалось 40 экземпляров упоминавшегося выше „Календаря для всех".

Привлеченные на основании всех этих данных в качестве обвиняемых Кедров и Подвойский не признали себя виновными.

Кедров показал, что он вступил в заведование складом „Зерно" в мае месяце 1907 года и был

фактическим его владельцем, хотя юридически ему ои ие принадлежал. К социал-демократической рабочей партии его склад никакого отношения ие имел и содержался им единолично, без участия пайщиков. О существовании издательства Московского социал-демократического комитета ои никогда ие слышал. Письма Подвойского ои объясняет себе его болезиенным состоянием в 1906 году, когда после избиения его члеиами „союза русского иарода" ему пришлось лечиться в санатории. Его склад был исключительно коммерческим предприятием и при издании книг ои руководился только коммерческими соображениями".

В заключеиие говорилось: „На основании изложенного дворянин Михаил Сергеев Кедров, 30 лет, и сыи священника Николай Ильин Подвойский, 26 лет, обвиняются в том, что в 1908 году в городе С.-Петербурге вступили в преступное сообщество, заведомо для них поставившее целью своей деятельиости иасильственное посягательство иа изменение установлеииого в России закоиами осиовными образа правлеиия и учреждеиие демократической республики, причем в видах осуществления задач зтого сообщества они в книжиом складе „Зерио", помещавшемся в доме № 110 по Невскому проспекту, устроили склад преступной литературы, проводившей идеи иазваииого сообщества, и распространяли ее в столице и иных местиостях России и среди заграничных организаций того же сообщества.

Преступное деяние зто предусмотрено ч. 1 ст. 102 Угол. улож.

Вследствие зтого и иа осиовании п. 2 ст. 1032 Уст. Угол. Суд. иазванные Михаил Сергеев Кедров и Николай Ильии Подвойский подлежат суду С.-Петербургской Судебиой Палаты с участием сословных представителей.

Составлен ноября 13 дня 1908 года в городе С.-Петербурге.

Товарищ Прокурора (подпись)".

Теперь я хочу привести рассказ матери о том, как у нас на квартире рядом со складом „Зерно" был произведен обыск. У нас на стене висела гравюра Карла Маркса. Вошедший полицейский с любопытством спросил: „Это что же, ваш родственничек будет?" Мать ответила, что нет, но что это — великий человек.

В настоящее время эта гравюра висит в моем кабинете, напоминая мне те далекие годы.

Мать рассказывала также, что пришедший полицейский и наш местный дворник описывали обнаруженную на складе, как им казалось, нелегальную литературу. Полицейский читал название книги, а дворник записывал. И вот что получилось в итоге. Книга Карла Каутского „Предшественники новейшего социализма" была записана без автора под таким названием: „Предтече на вече у социалиста". В этом полиция усмотрела страшную крамолу. Из цитированного выше обвинительного акта видно, что в числе свидетелей по делу Кедрова и Подвойского значатся старший помощник пристава 2-го участка Литейной части Виктор Георгиевич Осипчук и крестьянин Кирилл Иванов Антонов. Не эти ли двое сочинили „Предтече на вече у социалиста"?

У моей матери было три имени: кроме основного Ольга еще два — Елена и Жозефина. Она рассказывала: когда во время суда над отцом судейский чиновник-немец вызывал ее на заседание суда, он с большим акцентом произнес: „Ольга, Елена Жозефо́вна Августовна". Хотя ситуация была в целом очень печальной, мать от души смеялась над этим эпизодом, передразнивая немца-чиновника.

Теперь иадо рассказать о втором подсудимом – Н. И. Подвойском, который был жеиат иа младшей сестре моей матери – тете Нине. Его же мы звали просто дядей Колей. Ои был при „Зерие" представителем Петербургского комитета большевистской партии. Именио в связи с иим я впервые и услыхал тогда имя Ленина.

Моя мать рассказывала, как в Ярославле в октябре 1905 года дядя Коля шел во главе рабочей демонстрации и иес Красиое знамя. Налетели казаки и чериосотенцы, разогнали демонстрацию, а дядю Колю жестоко избили, ои получил сотрясение мозга. И вот тогда Ленин (зто имя произиосилось как-то особенно торжествеино), узиав об зтом, послал Подвойскому и пострадавшим рабочим теплое письмо, чтобы поддержать их дух в борьбе против самодержавия. Теперь мне хочется привести это письмо, оио примерио следующего содержания: Товарищи, вы пролили кровь за рабочее дело. Вы – революциоиеры, и ваша жизнь принадлежит рабочему классу. Гордитесь тем, что вы пострадали за рабочее дело. Вы исполнили свой долг, выполнили волю рабочего класса. Этим вы приняли посвящеиие в ряды солдат революции[1].

В том же обвинительном акте, который я уже цитировал, говорится: „Подвойский объяснил, что в „Зерие" он служил корректором и лишь иногда по просьбе Кедрова исполнял обязанности конторщика. Склад существовал иа средства Кедрова... Что касается его письма от 10 октября, в котором ои писал о том, что склад „Зерио" расширяет свою деятельиость, то он сперва заявил, что совсем ие помнит зтого обстоятельства, а потом при окончании дозиания показал, что это письмо было ре-

[1] См.: Исторический архив, 1956, № 6, с. 112.

зультатом болезненного состояния, и просил приобщить к делу свидетельство, выданное ему консилиумом врачей в 1906 году..."

По собранным справкам, оказалось, что в октябре 1905 года в городе Ярославле Подвойский во время демонстрации был избит толпой, а 24 февраля 1906 года там же консилиум врачей нашел у него, как последствие тяжких побоев, заболевание нервной системы.

О письме Подвойского к его жене с датой „10.X" сказано в обвинительном акте, что какой-то „товарищ М. С. Кедрова собирается расширить „Зерно" и покупает в Москве прогоревшее издательство Московского социал-демократического комитета. „Но прежде, до оборудования Московского магазина, он предлагает мне, — пишет Подвойский, — экспедицию „Календаря для всех", который на днях выходит. Календарь этот я страшно полюбил и с удовольствием буду рассылать по России, пусть десятками тысяч расходятся помещенные там статьи Ленина, Масловского, Рожкова и других... Календарь, безусловно, будет конфискован... Так они (товарищи отца. — *Б. К.*) употребляют всю хитрость, чтобы до получения его на склад он уже из брошюровочной массами был двинут провинциальным заказчикам".

Другое письмо, написанное Подвойским жене и тоже попавшее в обвинительный акт, начинается словами: „Вдали от тебя я разбирал тебя и нашу жизнь..." Дальше он говорит об ожидаемом рождении ребенка и пишет: „В революции мы его захотели, от революции мы отняли время, пока дожидались его, пусть же он отдаст революции все, что взято для него..."

Этим ребенком, родившимся в начале 1908 года, была моя двоюродная сестра Олеся (Ольга Нико-

лаевна). Она в юности стала коммунисткой и действительно отдала революции все то, что было взято для нее от революции ее родителями.

Этим я закончу Пролог к моим повествованиям и перейду к воспоминаниям детства, в событиях которого и в моем сознании Ленин постепенно занимал все большее место.

Еще хочу добавить, что все отроческие и отчасти юношеские годы прошли под влиянием моего отца. Именно под его влиянием я сформировался и как коммунист, и как человек, и как гражданин своей Отчизны и горжусь этим. Вот почему в моих очерках большое место занимают воспоминания моего отца. Мне бы очень хотелось, чтобы люди — и среди них мои дети и внуки — больше знали о его жизни.

Цикл I

ГЛАЗАМИ МАЛЬЧУГАНА

Очерк 1

Отец расплачивается за „Зерно". Впервые слышу имя Ленина. 1907 – октябрь 1912

> Ночь тиха. Лови минуты,
> А стена тюрьмы крепка.
>
> *Революционная песня*

Воспоминания раннего детства похожи на вырезанные кадры из киноленты. Память выхватывает из длинной цепи событий отдельные случайные звенья и запечатлевает их как живые картины далекого прошлого. Такими они и сохраняются потом на всю жизнь, часто до глубокой старости. Иногда эти события – большой важности, иногда же такие мелочи, что и сам удивляешься, как они могли запомниться. Мысленно переношусь почти на семь десятилетий назад.

Смутно помню нашу жизнь в Петербурге. Рядом с нами помещается склад издательства „Зерно". Этим „Зерном" ведают мои родители. Мне еще не исполнилось четырех лет, и я впервые слышу имя Ленина, которое произносят отец и мать в разговоре между собою, а также с посетителями нашей квартиры. Из этих посетителей мне запомнились Клестов (Ангарский), П. Юшкевич и еще некоторые „дяди", имена которых не зафиксировала моя память. Среди них были, по-видимому, Батурин и Ольминский.

У меня был брат Юрик, на полтора года меня моложе. Спустя несколько месяцев, в марте 1908 года,

родился младший брат Игорь, а мама тяжело заболела и чуть не умерла. В апреле того же 1908 года арестовали моего отца. Издательство было опечатано. Меня с Юриком тетя Мери отвезла в имение „Ждани" к своей старшей сестре Августе, у которой было шестеро детей. Старший – Артур – будущий чекист Артузов.

Летом того же года мама приехала к нам с Игорем и рассказала, что папа посажен в тюрьму царем за то, что издавал запрещенные книги. И она часто пела песню, в которой говорилось о заключенном в тюрьму революционере:

Ночь тиха. Лови минуты,
А стена тюрьмы крепка.
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.
И горит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И, звеня шпора о шпору,
Ходит верный часовой.
„Часовой!" – „Что, барин, надо?" –
„Притворись, что ты заснул.
А я мигом чрез ограду
Легкой тенью проскользну.
Край родной увидеть надо
Да жену поцеловать,
А потом и в лес зеленый
На свободу убежать". –
„Рад бы, барин, да боюсь я..."

Дальше, кроме последних слов песни, я забыл, помню только, что часовой говорил, что за побег заключенного его проведут „через строй" и до смерти изобьют. Песня кончалась так:

Только труп окровавленный
На телеге увезут.

Мне тогда казалось, что, когда мама пела эту песню, она думала о моем отце, сидящем в тюрьме.

Да и она сама несколько раз побывала в царских тюрьмах за свою революционную деятельность. В одесской тюрьме она сидела в 1903 году, когда уже носила меня под своим сердцем, о чем рассказывала мне.

Итак, мы трое мальчишек, мал мала меньше, живем вместе с матерью в семье ее старшей сестры, которая замужем за швейцарским сыроваром Х. П. Фраучи. Это имение „Ждани" в семи верстах от Боровичей Новгородской губернии. Мне пять лет, Юрику — четыре года и Игорю — один год. Однажды вечером в конце лета 1909 года слышу чей-то громкий крик: „Комета!" Выбегаю на улицу и в темнеющем небе вижу маленькую яркую звездочку с небольшим хвостиком. Это и была комета. Тетя Мери говорит мне, показывая на комету: „Смотри на нее, она скоро уйдет и в следующий раз снова появится на небе только семьдесят пять лет спустя".

Отец арестован в Питере. За что — мне точно неизвестно. Разумеется, ничего из того, что издавалось в „Зерне", я не знал. Но видел самые различные книги. И среди них мне запомнились „Календарь для всех", затем сборник „Карл Маркс" в темном мягком переплете. В обеих этих книгах были помещены статьи Ленина, как это я узнал позднее. И книга его „За 12 лет", где на белой бумажной обложке заглавие было напечатано красными буквами и цифрами „12". С тех пор перед моими глазами всегда стояли эти книги, особенно две последние, хотя, повторяю, никакого представления о их содержании и о написавших их авторах, в том числе и о Ленине, я не имел. Замечу, что книга Ленина „За 12 лет" была первым томом первого собрания сочинений Ленина, которое предпринял мой отец при помощи моей матери.

Когда летом 1909 года выяснилось, что отцу и дяде Коле (Подвойскому) предстоит длительиое тюремиое заключение, было решено, что иаша семья и тетя Нина с Олесей поселятся иа Волге иедалеко от Костромы, пока ие кончится у отца и дяди Коли срок тюремного заключения. С зтой целью у помещицы Сумароковой был снят деревянный дом в ее имении Лунево. Вместе с нашими семьямн поселились на зто время тетя Мери и дядя Саша с жеиой, а весиой и летом гостила тетя Женя. По вечерам, когда мама н тетя Нина, беседуя вспомннали свою революциоиную деятельность в Ярославле н других городах, они иногда пронзносили имя Ленина. Особенно мне запомнился один случай.

Газеты нам в Лунево нз Костромы доставляли на малеиьком пароходике „Пчелка". И взрослые обычно спускались с высокого берега, на котором стоял наш дом, вниз к прнстаин. Как-то раз, уже поздней осенью 1910 года, моя мать пошла встречать „Пчелку" н, развернув свежие газеты, громко крикнула снизу: „Умер Толстой!" Потом взрослые дома долго говорилн о Толстом, и мама сказала: „А Ленинто как любил Толстого!"

Тогда же, а может быть, немного позднее я из их же разговора услышал, что Ленин изввал Толстого „зеркалом русской революцин". Из зтих слов я запомнил только то, что у русской революции есть зеркало. Я уже знал, что выражение „русская революция" озиачает — свергнуть царя и что за зто борются н мой отец, н дядя Коля, сидящие в тюрьме, и мама, н тетя Нина. Но что значит „зеркало" этой революцин, мие было, коиечио, иепонятно. У мамы было большое квадратное зеркало с широкими деревянными рамками. Одна из больших комнат в нашем луневском доме была пустой и зимой

ие отапливалась. Мы, ребята, забирались в иее, клали иа пол мамиио зеркало и глядели в иего, как в глубокий колодец. Такое впечатление производил отраженный в ием потолок. Это мы и иазвали „глядеть в зеркало русской революции". Но кто и кому дал такое иазвание, мы уже позабыли.

Мама иесколько раз ездила в Петербург иа свидания с отцом. Одии раз, ранней весиой 1911 года, оиа взяла меня и оставила у тети Жени в Москве. На обороте моей фотографии я печатными буквами коряво иаписал: „Папе от Фани", а мама сверху приписала: „Милому веселому папке руку приложил" — и отвезла мою фотокарточку отцу в тюрьму.

Осенью 1911 года иаша семья вместе с тетей Мери переехала в Перловскую, под Москву, где у отца была дача. Приближался срок его освобождения.

И вот мы живем иа даче, идет к коицу 1911 год. Скоро рождество. Мие только что исполнилось восемь лет, и я заметно повзрослел. Мы, трое братьев, с иетерпением ждем приезда отца из Петербурга. Ведь мы так долго ие видели его. Иногда мы получали от иего письма с детскими, им самим придуманными рассказиками — иебольшие листики тоикой бумаги, исписанные мелким, бисерным, почерком. На письмах стоял жирный лиловый штемпель тюремиой цеизуры. Теперь я уже хорошо зиал, за что отец был посажеи в тюрьму — за то, что боролся против царя, за то, что издавал запрещенные царскими властями книги. Среди них были и книги Ленина. Должио быть, именно в те годы, вслушиваясь в разговоры взрослых, я сиова услыхал это имя. Вот и сейчас мать говорит, что отец задерживается в Петербурге, чтобы устроить какие-то дела, касающиеся закрытого полицией издательства „Зерио". Отец приехал в коице декабря, как раз в сочельник. Навериое, когда ои рассказывал матери

о судьбе некоторых припрятанных им в Петербурге книг, печатавшихся в „Зерие", я снова услышал имя Ленина — ведь зто о его кингах и рукописях так беспокоился отец, пока отбывал тюремиое заключение.

Как-то раз, миого позднее, в марте 1918 года, когда мы с отцом переезжали из Петрограда в Москву вместе со всем Советским правительством, одна иаша хорошая зиакомая (Валя Суздальцева) сказала про нас, кедровских мальчиков: „Они коммунизм впитали с молоком матери". И зто была правда: революционные рассказы, разговоры и песни, с тех пор как я себя помню, слышались постоянно в иашей семье. Не мудреио, что уже с раннего детства мы были заражены революционной романтнкой. В такой духовной атмосфере нмя Ленина вызывало у нас необычное ощущенне — ведь оио проюносилось родителями не так, как все другне имена, а с особым, подчеркнутым уважением, както торжественно. Детское ухо очень чутко. Оно улавливает малейшие оттенки, которые взрослые часто даже не замечают.

Летом 1912 года отец часто ездит в Румянцевский музей заниматься медициной. Начал он изучать ее еще в тюрьме. У него в тюремиой камере был даже человеческий череп, пугавший надзирателей. До этого он окончил ярославский Демидовский (юридическнй) лицей н учился в коисерваторин. Теперь ему захотелось стать врачом.

Живем мы по-прежнему в Перловке, на даче, где в 1905 году формировались рабочие боевые дружины.

...Летом 1968 года мие вдруг захотелось разыскать ту дачу. Я долго бродил по изменившимся до иеузнаваемости местам, так хорошо зиакомым мне с детства, — от станции Перловская до поселка

Джамгаровка — и никак не мог найти то, что искал. Наконец все же нашел... нашел не дачу, а только то место, где она когда-то стояла. Соседи сказали, что несколько лет назад она сгорела. Теперь от нее остался только голый неогороженный пятачок, на котором играют местные ребятишки. Глядя на то, как весело они гонялись друг за другом, я почему-то подумал, что, может быть, спустя полвека с лишним кто-нибудь из них, уже на склоне своих лет, придет сюда же искать тот дом, в котором жил и где он, быть может, впервые услышал что-то такое, что запомнилось ему на всю жизнь, как мне запомнилось имя Ленина. Кто знает?

Вернусь к 1912 году.

У нас гостит старая подпольщица Ольга Афанасьевна Варенцова, маленькая, сухонькая женщина с удивительно приветливым лицом. Она помогает мне готовиться экстерном за третий приготовительный. Я делюсь с ней своими планами:

— Хочу стать путешественником и революционером, когда вырасту большим.

Она в ответ:

— Вот сначала вырасти, и тогда станешь, кем захочешь, даже революционером, а сейчас зубри как следует, что положено.

Все лето 1912 года прожили в подмосковном селе Тайнинском, недалеко от Перловки. Я бегал смотреть военные маневры, которые проводились по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 года.

Осенью начались у нас сборы к отъезду в Швейцарию. Отец получил заграничный паспорт для себя и всех членов нашей семьи. Но уже в Берне нас ждало уведомление московского полицмейстера о том, что заграничный паспорт отцу был выдан по ошибке, что отец должен был находиться под

иаблюдением полиции и поэтому полицмейстер просит его срочно вернуться в Россию.

По-видимому, ие сработала полицейская бюрократическая машина царизма: извещение в Москву из Петербурга шло, вероятно, более года после отбытия отцом положенного срока тюремиого заключения. Отец ответил, разумеется, отказом вернуться в Россию, и с этих пор иаша семья стала эмигрантской, вериее, полуэмигрантской, поскольку покинули Россию на „законном осиовании", хотя с „законностью" отцу просто повезло. Вот уж справедливо сказано: „Нет худа без добра".

Перед выездом за границу мы на иесколько дней остановились в Петербурге у Подвойских. У них в 1911 году родился сыи Лева. Потом мы на несколько дней остановились в Пскове у дяди Эдуарда, другого маминого брата, он жил со своей дочкой Лялей, которая была немного старше меня.

Мне хорошо запомнился момент пересечеиня русско-германской границы. Вершбалово было последней русской станцией, Эйдкунеи — первой иемецкой. При этом у меня сжалось сердце, как будто я расставался с самым близким мие человеком. Так начиналась у меня тоска по родине, которая продолжалась в течение всех лет, проведенных в Швейцарии. „Когда же мы вернемся иазад?" — думал я тогда.

Очерк 2

**Год в Берне.
Первая встреча с Лениным.
Ноябрь 1912–1913**

„Вырастешь, Саша, узнаешь...“
Н. А. Некрасов

В конце осени 1912 года вся наша семья: отец, мать и трое ребятишек — приехали в столицу Швейцарии — Берн. Здесь знакомимся с семьей Шкловских. Они живут на Фалькенвег, 9, на первом этаже, в центре города, недалеко от вокзала. Здесь у них бывал Ленин.

Григорий Львович — небольшого роста, худощавый, с острым носом. У него три девочки, младшая — рыженькая Женя — примерно одного со мной возраста. Имя Ленина иногда упоминается в разговорах. Шкловские рассказывают, что он очень любит детей, а своих у него нет. Девочки нам сообщили по секрету, как величайшую тайну, что иногда Ленин приходил, когда родителей не было дома, и они вместе с ним устраивали веселые и шумные игры, строили „баррикады“. Но к приходу родителей все оказывалось в порядке и никаких следов от проходивших недавно „сражений“ не оставалось.

Почему-то образ Ленина становится теперь более ощутимым, словно я Ленина уже где-то видел. Иногда Шкловские бывают у нас на самой окраине города, в маленьком домике на Мурифельдвеге. Мы ходим по окрестностям Берна, поднимаемся на

гору Гуртен, гуляем по лесу Бремгартен, пьем воду из холодного ключа Гляссбруннен. Позже, когда Ленин поселится в Берне, он не раз посетит эти места.

...О Шкловском и его девочках я вспомнил совсем недавно, когда при чтении XXXVIII Ленинского сборника случайно наткнулся на запись, сделанную во время беседы Ленина с Г. Л. Шкловским, которая состоялась в 1920 году: „Поговорить еще с **Енукидзе** (секретарь ВЦИК. – *Б. К.*), нельзя ли для *детей* Шкловского достать обеды (в виде продуктов) из столовой СНК". И я подумал: наверно, беседуя со Шкловским, Ленин в тот момент вспоминал, как много лет назад он играл с его детьми в их бернской квартире.

Впервые я увидел Ленина летом 1913 года. Мы переехали на другую квартиру, поближе к университету, где учился отец. Живем теперь на Мульденштрассе, 57, на третьем этаже, тоже на самой окраине города, около леса Бремгартен. 1 Мая первый раз я участвую вместе с родителями в демонстрации, идем под Красным знаменем в колонне большевиков („отдельно от этих меньшевиков", как выразился отец). Поем революционные песни. Накануне на шапирографе были размножены тексты некоторых песен. Я помню, что тогда впервые прочитал написанную бледными лиловыми чернилами песню „Смело, товарищи, в ногу". Писавший сделал ошибку – в тексте стояло:

В царство дороги свободу
Грудью проложим себе.

Бeз исправления падежей слова „дороги" и „свободу" были переставлены. А в самом конце слово „гнет" я прочитал как „шлем":

Свергнем могучей рукою
Шлем роковой навсегда.

Я даже нарисовал большой шлем с конским хвостом (какой я видел на картинке, где был изображен пушкинский Руслан, сражающийся с Головой). А по шлему со всей силой ударяет сжатая в кулак громадная рука рабочего. Так мне тогда образно представлялось свержение царизма.

Пришло лето. У нас гостят две сестры матери – родная и двоюродная – тетя Мери и тетя Женя с племянницей Лялей (дочерью дяди Эдуарда). У тети Жени есть толстая тетрадка в черной клеенчатой обложке. В ней записано много революционных и вообще свободолюбивых стихов. Мне очень нравится поэма Некрасова:

Раз у отца в кабинете
Саша портрет увидал,
Изображен на портрете
Был молодой генерал.

Память у меня прекрасная. Почти с первого раза я запоминаю даже очень длинные стихи, особенно некрасовские: они так музыкальны, так мелодичны. А музыки в нашем доме более чем достаточно. Отец на взятом напрокат пианино вечерами подолгу с увлечением играет. Звучат гордые сонаты Бетховена, его величественные „Эгмонт" и „Кориолан", льются звуки шопеновского полонеза, Первой баллады, нежного прелюда „Дождевая капля", который отец называет просто „Каплей", гремит „Лесной царь" Шуберта – Листа, веселый моцартовский „Турецкий марш" сменяет изящная лядовская „Музыкальная табакерка". Мы, как зачарованные, слушаем музыку и нередко засыпаем под нее в соседней спальне.

Однажды – это было в середине лета – слышу, как отец говорит матери, что он видел Ленина и что

Ленин скоро придет к иам послушать его игру. Я вижу, как горд отец, как радуется и сияет мать, а сам думаю: „Какой ои, этот Ленин?"

Вечером звоиок. Мы всей гурьбой, как и обычно, бросаемся открывать дверь. За дверью через матовое оранжевое стекло видеи силуэт. Входит иебольшого роста, крепкий человек с круглой головой. То ли оттого, что отсвечивает матовое стекло, то ли вообще от вечериего освещения, ио лицо его и волосы кажутся мне красноватого оттенка, словио человек долго стоял у пышущей жаром печки. Это был Леиин. Мы с любопытством разглядываем его, а ои иас.

„Я и не зиал, что вы так богаты сыиовьями!" – радостно и словно удивленно говорит ои, обращаясь к отцу. Такое вступление для иас, мальчишек, как бы сигнал к наступлению на гостя. Надо себе представить, как мы умели буквально облепить поиравившегося нам „дядю" и засыпать его самыми иеожиданными вопросами. „Ох, уж очеиь они у иас приставучие", – оправдывалась обычно мать, когда гостю становилось ие по себе от подобиой атаки с иашей стороны.

Коиечио, я миогого уже ие помню из того, что говорилось в тот вечер. Помню только, что буквальио прилип к Ленину, стараясь узиать у него, был ли ои иа Северном полюсе и скоро ли свергнут в России царя („свергнут могучей рукою шлем роковой навсегда"), а зиачит, скоро ли будет Россия свободиой и когда иакоиец водрузят иад землею „красиое знамя труда"?

Посадив меия к себе иа колени, Леиии слушал улыбаясь мои вопросы, а потом спросил – но ие меня, а родителей, – показывая иа меня кивком головы:

„А как его зовут?"

„Фаней".

„Ну вот, – обращаясь уже ко мне, сказал Ленин знакомым некрасовскнм стихом, – вырастешь, Фаня, узнаешь, все расскажу тебе сам".

И так на протяжении всего вечера вместо ответа на все мон „прнставучие" вопросы Ленин говорил мне одно н то же: „Вырастешь, Фаня, узнаешь". Но разве такой ответ мог меня удовлетворить тогда?.. А потом отец играл, долго, вдохновенно, как не играл, возможно, никогда в жнзни. Сначала он пытался объяснить смысл нсполняемой вещи (он любил зто делать н, как мне казалось, очень верно передавал словами то, что чудилось потом в его игре). Но Ленин сразу же сказал, что зто не нужно.

Весь вечер Ленин просидел на диване не двигаясь, охватив голову руками, погруженный в сказочный мир чудесных звуков. Как уходил Ленин, я не помню. Наверное, нас заставили лечь спать.

Мать была знакома с Надеждой Константиновной. Крупская прнехала в Берн с Лениным, ей нужно было сделать операцию у профессора Кохера. Через несколько дней стало известно от Надежды Константиновны, что, вернувшись от нас, Ленин сказал: „Надя, как он играет!"

Об зтой встрече с Лениным в нашей маленькой квартире на Мульденштрассе остались воспоминания моего отца и тетн Женн. Мне хочется их здесь привести, с тем чтобы одно и то же событне было освещено не только так, как оно запечатлелось в глазах мальчугана, а н двумя взрослымн людьми: старым уже тогда большевнком-партийцем, моим отцом, н молодой религиозно настроениой учительницей – тетей Женей.

В своих воспоминаниях, называя их „Из красной тетради об Ильиче", отец писал:

„С Владимиром Ильичем я впервые встретился в Швейцарии, в Берие, если ие ошибаюсь, в 1913 году.

Владимир Ильич пришел на концерт, устроенный кассой взаимопомощи русского студенчества, где я участвовал в качестве пианиста.

– А хорошо вы играете. Я и ие предполагал в вас таких талантов, – сказал Владимир Ильич с добродушной усмешкой.

Мы сидели за небольшим столиком в буфете. Разговор коснулся периода издательства. Ильич спрашивал о судьбе издательства и последней рукописи его, попавшей к жандармам, а также о том, с кем из товарищей я сидел в тюрьме. Я рассказал все, что выше описано, сообщил также, что разгром издательства произошел ие без участия провокатора некоего Михаила Львовича Шиеерсоиа, работавшего сперва иаборщиком в заграничиой „Искре", а впоследствии – в Петрограде управляющим типографией Безобразова.

Начались танцы. Ильичу было скучно, и вскоре он ушел. Прощаясь, сказал: „Как-нибудь зайду к вам... музыку послушать".

Действительио, через иесколько дней Ильич пришел. Настолько просто и по-товарищески держал себя, что через какие-нибудь полчаса ребята мои уже обступили его со своими игрушками и делами, а взрослые готовы были поведать ему самые сокровенные тайны.

Среди взрослых жили у иас старуха тетка и двоюродная сестра (тетя Женя. – *Б. К.*), которая в то время ухитрялась примирять учение коммунизма с верой в бога. Ильич над таким странным сочетанием долго и добродушно смеялся.

– Вот понять ие могу, – говорил Ильич, – совершенно непостижимо, чтобы интеллигентный чело-

век, да еще кончивший университет, смог проповедовать такую нелепость.

Тетушка, человек старых взглядов, и та была всецело на стороие Владимира Ильича, очаровавшего ее своим умом н простотой.

Помню также, как мой 9-летний сынишка (речь идет обо мне. — *Б. К.*) вмешался в разговор и задал какой-то очень мудреный вопрос. Владимир Ильич погладил его по голове н, улыбаясь, процитировал в ответ иекрасовский стих:

Вырастешь, Саша, узнаешь —
Все расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал...

В этот вечер мне пришлось миого играть. Больше всего нравилась Ильичу музыка Бетховена. Его сонаты — Патетическая н de moll, его увертюры „Корнолан" и „Эгмонт". Но комментарни к музыке, которые миою не совсем удачно делалнсь, вызывали нронические замечания со стороиы незабываемого слушателя: „Только без комментариев". С большой охотой слушал Ильич также некоторые пронзведеиия Шуберта — Листа („Лесной царь", „Прнют"), прелюдин Шопена, ио не нравилась ему чисто внртуозная музыка, н вовсе не выноснл он слащавых „Песен без слов" Мендельсона.

„Замечательио нграет!" — отзывался Ильич о моей игре н рекомендовал Надежде Константиновне обязательно послушать мою игру.

Думаю, не в моей игре, которая не заключала в себе иичего особенного, а в самом Владимире Ильиче и его настроении лежала разгадка.

В описываемый период Владимир Ильич приехал в Бери на побывку, н обстановка, в которой он находился, тяжелая болезнь и предстоявшая опера-

ция Надежды Константиновны, а также жизнь в гостях отвлекали его от обычных напряженных занятий и позволяли ему послушать музыку и оценить величие бетховенских творений.

Еще несколько раз Владимир Ильич заходил к нам слушать музыку. В последний раз, вероятно в праздничный день, Ильич пришел с Корнблюмом. Он был в хорошем настроении и много острил. Просил сыграть те же сонаты и увертюры, которые я уже не раз ему играл. Сидел он на балкончике, откуда открывался чудеснейший вид на белоснежные вершины Оберлянда: Юнгфрау, Эйгер, Глетчер...

После того не пришлось мне больше играть Владимиру Ильичу. Правда, в конце 1918 года и в начале 1919 года, когда я был с докладом у Владимира Ильича, он спросил:

– А вы продолжаете заниматься музыкой?

На мой ответ: „Немного, да и то после часу ночи" – заметил:

– Хотелось бы мне вас послушать.

Разумеется, зто было только добрым словом, но словом, врезавшимся в память на всю жизнь".

Так писал мой отец вскоре после смерти Ленина. Впоследствии Надежда Константиновна, характеризуя воспоминания и биографические материалы о В. И. Ленине, писала, что мой отец о встречах с Лениным сделал „воспоминания очень хорошие и сильные"[1].

А теперь послушаем рассказ тети Жени о тех же встречах с Лениным, которые происходили в нашей бернской квартирке.

Звали мою тетю Евгенией Александровной, а ее мать, которую отец называл то „старухой теткой", то „тетушкой", – Жозефиной Юльевной. Фамилия

[1] Исторический архив, 1957, № 2, с. 27.

их была Дидрикиль. Тетя Женя потом вспоминала (я привожу выдержки): „Хотя я видела тов. Ленина в 1913 году всего лишь трн раза, я считаю своим долгом поделнться воспоминаниямн о своих встречах с тем, кому судьба судила стать вождем революционного пролетарната всех стран н народов.

Лето 1913 года. Я, провинциальная учительница, год тому назад окончившая Московскне Высшне женскне курсы, прнехала на время летних каникул из уездного русского городка в Швейцарню, в семью родственников...

Берн – город тихий. Пролетариата там немного. Кроме пары шоколадных и шелковых фабрнк, крупных предприятий почтн нет.

Жизнь течет по старому руслу размеренным темпом и не выходит нз берегов.

День начннается рано: в 5–6 часов населенне тянется уже на работу. Летом – в седьмом, зимою – в восьмом часу утра бегут детишки в школу. Спешат студенты в университет.

В десять вечера город совсем смолкает. Закрываются собрания. На террасах запрещаются громкнй разговор, музыка н пение. Все погружается в сон.

В зтом-то тихом зеленом Берне, на фоне мерной будничной жнзни, летом 1913 года появился Владимир Ильич.

Прибыл туда нз далекого городка Галицин, с русской границы, нз-за болезнн Надежды Константиновны...

В первый раз я увидела Ильича в роли докладчика...

Ухожу с доклада как зачарованная. В ушах продолжает звучать слегка картавящий голос. Звучит убедительно-властно, покоряя сознание изумительной логикой.

Через несколько дней встречаюсь с товарищем Лениным в частной, домашней обстановке у Кедровых.

Вхожу в маленькую комнату, служившую одновременно и кабинетом, и гостиной, и столовой. За столом мать моя хлопочет около чая.

На стуле – Ильич, человек „неумолимой логики", в скромном потертом пиджаке. Мать угощает его чаем, предлагает то того, то другого. Ильич умел находить общий язык со всеми. Завязался между ним и матерью сначала несколько односложный, потом довольно оживленный разговор.

И сила ленинского ума умела внушить к себе уважение со стороны этой женщины, абсолютно чуждой не только большевистских, но и вообще социалистических идей.

Кедровы знакомят меня с Ильичем. Вот, мол, новоиспеченная учительница, в прошлом году окончившая высшие курсы. Приехала из „расейской" глуши, из уездного городка Владимирской губернии.

Владимир Ильич глядит на меня испытующе... смеющимися... глазами. Принимается с интересом расспрашивать о жизни в русской провинции. Особенно интересуется тем, что делается на фабриках и заводах среди пролетариата.

– Как прошло нынче Первое мая в фабрично-заводских пунктах Владимирской губернии? – спрашивает он меня между прочим.

Я ему рассказываю все, что знаю об организации маевок, о митингах в лесах, о репрессиях со стороны царской полиции. Слушает с большим интересом, не пропуская ни одной детали. Засыпает меня все новыми и новыми вопросами.

В этом чрезвычайно живом интересе сквозило желание самому побывать там, в стране царско-

жандармского гнета н насилия, повестн борьбу с эксплуататорами на месте н ускорнть развязку.

Потом настает мой черед спрашивать.

Задаю ему вопрос о западных социалистических партиях. Прошу совета н указаний: что читать по социал-демократической литературе, где, какне достать социалнстические книгн н т. д.

Отвечает внимательно, ласково, но без обидно снисходительного отношения старшего к младшему. Не похлопывая покровительственно по плечу, не подчеркивая своего неизмернмого превосходства, а просто, по-товарищескн, как с равным себе собеседннком.

Вспоминается мне отзыв его о „Мемуарах социалисткн" Лиллн Браун.

– Лилли Браун – пустая болтушка, занятая собой н нсказившая образ Клары Цеткин! – заявил он.

После моего ухода Ильич сказал Кедровым, что считает меия за „своего" человека. А когда Кедровы сказалн ему, что я еще не успела в то время нзжить кое-каких пережитков старого мнровоззрения, он, улыбаясь, ответил:

– Мы ее отучнм от зтого!

Ильич оказался прав. Прошло немного лет, и мне удалось стряхнуть с себя все остаткн старой рухлядн.

Я встретилась с Ильичем снова у Кедровых.

Ясный летний солнечный день. Дверь на балкончик открыта. Воздух прозрачен, н цепь Бернских Альп как на ладони. На сапфировом небе вырнсовываются контуры белоснежных гнгантов. Вот Эйгер, Менх, Юнгфрау и другие соседнне с ними горы.

На балконе – тов. Ленин с тов. Корнблюмом.

Кедров, хороший музыкант, садится за пнанино...

Из комнаты доносятся через открытую дверь бурные звуки Семнадцатой сонаты. Мне кажется, будто я слышу рокот назревающей революции, сначала гул подземных сил ее, переходящий в оглушительный взрыв, потом поступательное шествие революции победоносной.

Смотрю на Ильича. Он всецело занят беседой на политическую тему и как будто не слушает музыки.

Звуки смолкают.

Сестра моя, т. Кедрова, зовет всех чай пить. Ильич заявляет Кедрову, что он не знаток музыки. Однако, придя к Надежде Константиновне, он сказал ей (по словам Надежды Константиновны) об игре Кедрова:

– Надя, как он играет!

А как любил Ильич природу! Он предпринимал прогулки в Бремгартенвальд и другие места.

За столом заговорили в тот раз, между прочим, о животных. К своей радости, я обнаружила, что тов. Ленин – большой друг звериного царства.

– Особенно любит у нас животных Надежда Константиновна, – сказал он с улыбкой. – У нас (он назвал галицийский городок, в котором жил в то время) в доме почти что зверинец: и котята, и щенята. Прямо так и бегут к нам. Однажды пришла к нам даже целая лошадь.

Читая впоследствии письма Розы Люксембург из тюрьмы, проникнутые великой любовью к природе и к животным, я вспоминала, что те же черты присущи и Ильичу.

Больше не приходилось мне встречать тов. Ленина в домашней обстановке".

Но вернемся теперь к моим собственным воспоминаниям.

Однажды мы с матерью шли по нашей Мульден-

штрассе в центр города. Мы перешли мостик через железную дорогу и около кохеровской клиники встретили Ленина. Улица или, точнее, аллея здесь была обсажена тенистыми липами, и Владимир Ильич по ней гулял, ожидая, очевидно, сведений о состоянии здоровья Надежды Константиновны. Он снял шляпу и подошел к матери. Никогда не забуду, как у нее при этом засветилось все лицо, — я никогда не видел ее такой раньше. Мать спросила, как здоровье Надежды Константиновны.

Ленин ответил, что операция прошла, кажется, хорошо, но была очень трудной. Мать просила передать больной самый сердечный привет. Ленин поклонился и зашагал снова по липовой аллее. Я несколько раз оглядывался и видел его коренастую фигуру, то исчезавшую за липой, то появляющуюся вновь.

„Мама, а кто такой Ленин?" — спросил я.

Мать подумала и сказала: „Ты этого сейчас не поймешь. Помнишь, как он тебе говорил: „Вырастешь, Фаня, узнаешь".

Когда Ленин, приходя к нам, беседовал с моими родителями, или с тетей Женей, или же с бывавшим у нас часто в гостях Корнблюмом, я обычно тут же вертелся и внимательно прислушивался к разговору взрослых. При этом мое детское ухо чутко улавливало каждое новое, незнакомое мне слово, и я потом приставал обычно к матери: „А что это такое?"

И вот я уловил у Ленина в его разговоре слово „антисемиты", „антисемитизм". Оно было произнесено Лениным особенно резко, а может быть, гневно и как-то сопоставлялось с черносотенцами. Я знал уже давно, что черносотенцы — это царские слуги, погромщики, которые избили дядю Колю чуть не до смерти. Я знал также, что „анти" значит „против", „наоборот": антипатия, антициклон, антихрист. Но об „антисемитах", о которых так гневно ото-

звался Ленин в разговоре, я слышал впервые. И я пристал к матери с вопросом: „Что это значит?"

Мать ответила, что антисемит — это тот, кто ненавидит евреев. Меня это поразило. „А разве евреи не русские? Ведь они же говорят по-русски, как и мы? Не то что немцы или французы?"

Мать мне долго объясняла.

До сих пор в моих ушах звучит голос Ленина, произносящий презрительно-возмущенно слово „антисемит". И я твердо решил, что когда вырасту, то буду бороться всеми силами не только против царя и черносотенцев, но и против антисемитов.

Пришла осень. Новое направление моих мыслей получило неожиданно богатейшую пищу. Я говорю о „деле" Бейлиса. В Берне мы получали по подписке газету „Русское слово". Как только приходила новая почта, отец вслух читал о судебном процессе в Киеве над Бейлисом. Он был затеян черносотенцами-антисемитами в погромно-провокационных целях, чтобы вызвать злобу и ненависть к евреям.

На меня этот процесс произвел тогда потрясающее впечатление, и я на деле понял, что такое антисемитизм. В моей памяти ярко закрепилось на всю жизнь то, что читал тогда отец в „Русском слове". Вот что я запомнил с тех пор: черносотенцы-антисемиты решили обвинить Бейлиса, а в его лице евреев в том, что они ради своих религиозных обрядов убивают христианских детей и достают из них кровь.

Дело было состряпано грубо, топорно, как выразился, помню, отец, шито белыми нитками. Царские судьи упорно, но тщетно пытались доказать виновность Бейлиса. Однако возмущение русской общественности было настолько велико — и это выражала редакция „Русского слова" своими комментариями, — что судьям пришлось вынести Бейлису оправдательный приговор. Процесс с треском провалился.

Но он оставил после себя зловещий след, свидетельствуя, до какой подлости, до каких преступлений способны дойти царизм, черносотенцы, чтобы сеять национальную рознь и ненависть. Это я, мальчишка, понял тогда с полной ясностью. А толчок моей мысли в этом направлении дал Ленин.

К своим воспоминаниям о далеком прошлом мне хочется добавить несколько слов, касающихся недавнего времени.

...Летом 1967 года, когда я находился в научной командировке в Швейцарии, мне удалось при содействии сотрудников нашего посольства в Берне проникнуть в нашу старую бернскую квартиру на Мульденштрассе, ту самую, где летом 1913 года Ленин слушал игру моего отца. Какое непередаваемо странное чувство испытываешь, когда уже на склоне лет входишь туда, где протекали твои детские годы. Ведь с тех пор прошло больше полувека, это целая жизнь и даже больше чем целая жизнь, если вспомнить, какие это были годы... Я сфотографировал комнату, где когда-то стояло пианино, на котором играл отец, сфотографировал и то место, где у стены стоял диван, на котором в тот памятный вечер сидел Ленин. В Берне я запечатлел на фотопленке многие места, запомнившиеся мне с детства, — и дом на Фалькенвег, где жила семья Шкловских и где бывал Ленин, и Гуртен и Бремгартен, где он любил гулять, и ту липовую аллею, где мы с матерью встретили его возле клиники, в которой после операции лежала Надежда Константиновна. Внешне здесь почти ничего не изменилось, и я легко находил знакомые места. Но мне не давала покоя мысль о том, что почти никого из свидетелей и участников событий тех лет теперь уже нет в живых...

Та часть Мульденштрассе, где стоит дом, в кото-

ром мы тогда жили, вошла под № 36 в новую Вальдхеймштрассе.

И последнее. В 1914–1915 годах Ленин создал свои „Философскне тетради". Он работал в бернской Национальной бнблнотеке. Я попытался представнть себе путь, каким он тогда ходил по Берну. Может быть, когда он шел в бнблиотеку, то проходил по большому высокому мосту Кирхенфельдбрюкке, с которого виден почти весь город. Под мостом бурлят н пенятся потокн быстрой холодной рекн Ары. Вполне возможно, что Ленин любовался, стоя на мосту, бурным теченнем реки, ее водоворотамн. Вот н появился в „Фнлософских тетрадях" дважды повторенный образ реки. Рассуждая о соотношении существенного н несущественного, Ленин проводит параллель: несущественное – это что-то поверхностное, проходящее, кажущееся, оно не так „крепко сидит", оно все время нсчезает, оно не так „плотно" держится, зто как бурная река н на ее поверхностн пена. Пена сверху, а под ней – глубокое течение, как бы устойчивая сущность быстро сменяющихся событнй. Но н пена, говорнт Ленин, есть выражение сущности.

Несколько страниц спустя Ленин возвращается к тому же образу. Теперь он пишет о движении рекн и движении отдельных капель воды в зтой реке. Он прослеживает днижение каждой каплн, ее связь с другимн каплями, направление ее движения: днижение как прямое, круглое, крнвое, движение вверх, движенне вниз; человеческие понятия выступают прн этом как учет каждой нз сторон движения отдельной капли, струи, которые являются частями всего данного потока. Такова прнблнзительная картнна мнра, согласно логике (диалектике) Гегеля, – резюмирует Ленин.

...Мне все зто удивительно понятно.

Очерк 3

Два года в Лозанне. Война.
Возвращение в Россию с депешей Ленина.
1914 – май 1916

Внимая ужасам войны...
Н. А. Некрасов

Лозанна – тихий швейцарский городок на берегу Женевского озера (Lac Leman). В начале 1914 года мы переехали туда – отец хотел изучить не только немецкий, но и французский язык. Поселились мы, по обыкновению, на самом краю города – квартиры здесь были дешевле.

Тут рядом стояли два дома, похожие один на другой, оба назывались тогда „вилла Ружмон" (что значит „красная гора"). Мы поселились на вилле Ружмон-два, а напротив нас, на вилле Ружмон-один, жила семья большевиков Ривлиных – Лазарь Самуилович, его жена Елизавета Исаевна и их сын Юзя (Иосиф).

В одном из писем тех лет Ленин просил прислать ему ответ на адрес: Ривлину, вилла Ружмон, Шайи возле Лозанны. Для него. Номер виллы не был указан: работники почты тогда хорошо знали фамилии тех, кто жил на обеих виллах. Когда режиссер Г. В. Александров снимал фильм о Ленине в Швейцарии, то вместо виллы Ружмон-один, где жили Ривлины, была снята вилла Ружмон-два, где жили мы и куда Ленин не просил направлять для него

писем. Ошибка объяснилась просто: сейчас виллу, где жили мы, купил какой-то лозаннский архитектор, и он сохранил название „Ружмон" только для своей виллы, а соседняя вилла, где жили Ривлины, теперь уже так не называется. Сейчас вся улица, ведущая вверх, к Шайн, называется улицей Руврза, и прежняя вилла Ружмон-один теперь обозначается просто как ул. Руврза, д. 28, а наша вилла — как ул. Руврза, д. 26 Ружмон. Вот почему оператор, снимавший лозаннские места, связанные с именем Ленина, решил, что в данном случае снимать надо дом под № 26 по названной улице.

Кстати, М. В. Ильина в своих воспоминаниях „Встречи в кругу товарищей" приводит любопытный эпизод. Однажды, зайдя к М. И. Мовшовичу, жившему в Лозанне недалеко от Шайн, Ленин застал у него нескольких товарищей и спросил, как ему пройти в Шайи. Мовшович (по партийной кличке Володя) объяснил дорогу, указывая рукой, как туда можно попасть. Ленин в ответ на это спросил, как называется та улица, по которой надо идти в Шайи. Никто из присутствующих не знал ее названия. Его хотели проводить, но Ленин сказал: „Не надо! Один доберусь". Наступила пауза. Ленин спросил: „Сколько лет вы здесь живете?" — „Восемь", — тихо сказал Володя. Владимир Ильич повернулся к нему всем корпусом. Брови сдвинулись, глаза как щелки, на лице гнев. Произнес отрывисто, жестко: „Направо-налево, направо-налево! Живете здесь восемь лет, по этой улице ходите восемь лет и не удосужились узнать, как она называется! Работнички! Организаторы! Конспираторы!"

„Конечно, — добавляет М. В. Ильина, — это относилось не к одному Володе. Все стояли, не зная, куда деваться. Впервые они поняли, какое значение

имеет такая „мелочь". И запомнили, конечно, на всю жизнь"[1].

По этому поводу я хотел бы сказать, что Мовшович действительно не мог знать названия улицы, так как в то время она была еще безымянной. Значит, Ленин был совершенно прав, упрекая Мовшовича и других товарищей в невнимании к „мелочам"; они даже не знали, что улица не имела своего названия.

Итак, мы живем в пригороде Лозанны, Шайи, на вилле Ружмон-два, высоко над самим городом. Часто ходим в близлежащий лес, а иногда совершаем пешие прогулки до шильонского замка и обратно...

Мы, мальчишки, ходили в народную школу, отец — в университет. Летом вспыхнула война. Все русские политические эмигранты раскололись на два лагеря — на оборонцев и пораженцев. Мне было тогда уже десять лет, и я довольно хорошо разбирался в том, что оборонцы — это те, которые хотят победы царской России над вильгельмовской Германией, а пораженцы — это те, которые хотят поражения царя в этой войне, чтобы сбросить потом и его самого. В первые дни войны об этом только и говорилось, и мы были не менее взрослых захвачены нахлынувшими событиями мировой войны. Сама Швейцария как бы раскололась на две части: немецкая ее часть была на стороне Германии, против России, французская — на стороне Франции, а значит, на стороне России.

Помню, в самом начале войны родители собрались на реферат о войне, который для русской колонии в Лозанне должен был прочитать Плеханов.

---

[1] О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900–1902 года. М., 1963, с. 187.

Я просился пойтн с нимн, уверяя, что хорошо уже разбираюсь во всем, но онн меня не взяли, сказав, что это вещь серьезная, а не забава для детей.

Я слышал, что Плеханов оборонец, но знал и то, что он большой ученый н был когда-то крупным революционером. У тети Мери хранилась фотография, на которой Ляля, когда ей было пять лет, была снята с Плехановым в Италии. Плеханов стоит высокнй, в соломенной шляпе н держнт за руку маленькую, хрупкую девочку в беленьком платьнце. Но Плеханова я не видел.

Когда родители вернулись поздно вечером с реферата, мать рассказала нам, как он прошел: „Мы сидели в самом конце зала. Когда Плеханов начал говорить, мы с папой услышалн позади себя шепот: „Сидите тихо, не поворачивайтесь". Это был Ленин, он, как нам показалось, не хотел сразу обнаружить своего прнсутствия, чтобы не помешать Плеханову высказать все до конца, раскрыть все свое предательство. Плеханов говорил долго, цветнсто, призывал к поддержке войны протнв кайзеровской Германнн, взывал к чувствам патрнотизма. Когда он кончил, многне нз присутствовавших, разумеется оборонцы, ему захлопали. Но тут вдруг порывнсто поднялся Ленин. Для Плеханова зто было, по-видимому, неожиданно, н он очень смутился, даже растерялся и, как нам показалось, нспугался. Ну н досталось же ему от Ленина на орехн! И поделом — не будь нзменником делу революции, делу интернационалнзма!"

Рассказывая зто, мать от душн смеялась н в лицах нзображала, как Ленин просил их сидеть тихо и не показывать виду, что он тут, как он потом внезапно встал н пошел на трнбуну, какое лнцо было в тот момент у Плеханова и как Плеханов буквально застыл на трибуне с открытым ртом, увидя быст-

ро идущего на трибуну Ленина. И хотя мы не были на этом реферате, но рассказ воспроизвел нам всю сцену очень выразительно и ярко, как это умела делать в таких случаях моя мать.

Мне снова хочется привести свидетельство отца. В своих воспоминаниях он писал: „Событие, о котором я хочу рассказать, имело место в сентябре (октябре по н. ст. – *Б. К.*) 1914 года, то есть вскоре после возникновения империалистической войны.

В Лозанну, куда я в то время перебрался на жительство, приезжал из Женевы Плеханов, чтобы в тесном кругу своих единомышленников сделать доклад о войне. Надо ли говорить, что доклад представлял исключительный интерес, и особенно потому, что было уже широко известно, что в вопросе о войне Плеханов, как и большинство вождей II Интернационала, занял предательскую позицию.

Почти все русские доклады происходили в Народном доме (Maison de peuple), небольшом и довольно невзрачном помещении. Это же помещение было арендовано и для доклада Плеханова. К назначенному времени народу собралось довольно много. В воротах Народного дома я встретил Владимира Ильича, беседующего с группой товарищей. Владимир Ильич, знакомя меня с товарищем Инессой (Арманд), сказал: „Вы, кажется, оба москвичи, знакомьтесь". Также познакомил он меня и с товарищем Крыленко, известным тогда больше по кличке Абрам.

Я прошел в зал и занял место в одном из последних рядов, недалеко от входа.

Время шло, а Плеханова не было. Тут и там среди присутствующих начинали проскальзывать иронические нотки: „Не приедет! Не решится!" Среди устроителей заметно было некоторое волнение...

„Обещал, обязательно приедет... вероятно, поезд запоздал"... Действительно, немного спустя по залу разнеслась волнующая весть: „Приехал, приехал... Идет сюда!"

Плеханов, окруженный целой свитой приверженцев и почитателей, медленно прошел через зал к трибуне. Он успел уже заметить, что вместо тесного круга товарищей в 10–15 человек, для которых приглашали его устроить собеседование, собралась чуть ли не вся русская колония. Впрочем, такое обстоятельство мало смутило его. Он начал доклад с экскурса в гоголевские „Мертвые души". „Ваше почтенное собрание, – с ехидной улыбкой и точно любуясь собой говорил он, – напомнило мне происшествие, имевшее место с Чичиковым, который, путешествуя в гости к Манилову, спрашивал проезжавших мужиков: „Далеко ли тут деревня Заманиловка?" И получил ответ: „Маниловка, может быть, а не Заманиловка? Заманиловки никакой нет..." Вот и мне хочется задать вам тот же самый вопрос".

В начале доклада я, повернувшись в сторону, заметил Владимира Ильича, который сидел пригнувшись, будто прячась за моей спиной. Приход его, видимо, не обратил на себя внимания.

– Сидите прямо, не оборачивайтесь, – довольно строго сказал мне Ильич.

Он не хотел смущать своим присутствием Плеханова и стеснять его открыто высказывать свои социал-шовинистические взгляды.

Успех Плеханов имел большой, и не мудрено, так как среди разношерстной публики большинство составляли интеллигенты и буржуа, приехавшие из Кларана, Монтрё, которым льстила основная мысль Плеханова о спасении при помощи русских казаков и свободных республиканских войск Фран-

ции западноевропейской цивилизации, попираемой германским фельдфебельским сапогом.

Кстати сказать, первой части речи, в которой Плеханов обличал предательство германской социал-демократии и ее вождей, усиленно аплодировал и сам Ильич.

Но вот Плеханов окончил свой доклад, и ие успели смолкнуть бурные аплодисмеиты, как Владимир Ильич вскочил со стула и попросил слово. Какое впечатлеиие произвело иа Плеханова иеожиданиое появление Ленина, который жил в то время в Берие, судить ие берусь. Теперь ои с бо́льшим правом смог жаловаться иа Заманиловку.

В пламенной, бичующей речи Лении разоблачил иепоследовательиость и фальшь плехановской точки зрения, забвение им самых злемеитарных марксистских истии...

– Плеханов вполне правильио критиковал германских социалистов, – говорил Ильич, – за их поддержку кайзера и войны, ио защищать подобные же действия французских патриотов, оправдывать участие их в правительстве, принимать всерьез мошеннические выдумки о иападающей и обороняющейся стороне иедостойно революциоииого марксиста. Ведь иачавшаяся войиа ие являлась иеожиданной, даже срок был предсказан, когда имеиио оиа вспыхнет. Нет, честный социалист ие последует совету Плеханова... Ои в первую очередь будет обличать оппортунистов своей страны, бороться со своим правительством... Так постунает в Германии Либкиехт, так поступил социалистический депутат в сербской скупщине, один из всех открыто голосовавший против воеиных кредитов.

По мере того как говорил Ильич, поведение социалистического большинства во всех странах раскрывалось во всей своей гнусиости... II Ин-

тернациоиал умер и иикогда больше не возродится.

Лении кончил. Казалось, каждый созиательный социалист должеи признать правоту Ильича, так неотразимы и ясны были его доводы. Но собрание было оскорблеио и возмущеио в своем патриотическом дурмане. Раздались редкие, единичные хлопки. То было иачало периода, когда Ильич с маленькой группой своих единомышленников был, казалось, изолирован от всего остальиого мира.

Здесь нелишне провести маленькую параллель между докладами Плеханова и Ленина. Доклады первого обычно обставлялись большой помпой, собирали полные аудиторин; публика ломилась, дорого платила за билеты; масса расфуфыренных дам с птичьими гиездами иа голове были завсегдатаями собраний, где выступал Г. В. Плеханов.

Доклады Ленина посещала прежде всего партийиая, рабочая и студенческая беднота, у которой ие было даже десятка су, чтобы заплатить за билет. Расходы по устройству ие всегда оплачивались.

Вскоре после „блестящего" доклада Плеханова состоялся и доклад Владимира Ильича. Благодаря объявлению, что вход бесплатный, публика пришла в достаточном количестве.

В своем докладе Леиин вскрыл причины и сущиость империалистической войны и, ссылаясь на пример Парижской коммуны, виовь провозгласил бессмертный лозунг, затоптанный в грязь социал-предателями, о превращении империалистической войны в войну граждаискую. Лозунг, к слову сказать вызвавший ожесточенные иападки не только открытых социал-патриотов, но и цеитристов „Нашего Слова", к каковым принадлежали Троцкий, Раковский, Мартов и другие.

После доклада мы возвращались домой вместе с Ильичем. Поднимаясь в гору Шайи, Ильич спросил меня: „Скажите, вы сразу же разглядели истинные причины войны и составили определенное к ией отиошение?"

Я ие скрыл, что первую иеделю во мие жили сомиения, но что я быстро разрешил их и теперь всецело и бесповоротно разделяю точку зреиия Ильича. Ильич кивнул головой... Ои и без того видел мысли и чувства каждого из иас".

Так вспомииал об зтом отец.

В своих воспомиииаииях о рассказе матери об зтом событии я хотел иаписать только то, что сам запомнил, ие прибавляя иичего из прочитанного мною позднее.

Хочу добавить, что миого лет спустя, когда я работал над трудами В. И. Лениив, с большим интересом прочитал письмо Ленина к В. А. Карпиискому, которое касается тех же событий: „Дорогой друг! Сегодня я говорил здесь иа реферате Плеханова против его шовинизма. Собираюсь читать здесь реферат во вторник. Хотел бы читать в Жеиеве (Европейская войиа и европейский социализм) в среду. Устройте, обсудив дело, – по возможиости конспиративнее, т. е. чтобы ие требовалось разрешения (конечио, желательно также, чтобы было maximum публики). Как зто сделать, Вам виднее. Соединить maximum публики с minimum'ом полицейской огласки и полицейского вмешательства (или полицейской угрозы). В Берие я читал для члеиов групп и гостей по их рекомендации (120 человек – 130 и т. п.), без афиш и т. п. Не лучше ли зтот порядок?

Ответьте тотчас иа адрес. Mr. Ryvline. Villa Rougemont. Chailly sur Lausanne. Для меня. Во вторник я читаю здесь, в Лозаиие, и Ваш ответ должеи быть здесь во вторник днем. Увидимся и побесе-

дуем подробнее о наших делишках. Итак, если требуется разрешение в Женеве, то 10 раз обдумайте, не лучше ли закрытый. Вообще, конечно, решайте Вы. Если в среду удастся (вечером в среду устроить реферат), я в среду утром приеду.

Жму руку. Ваш *Ленин*"[1].

Письмо написано 11 октября 1914 года

Промелькнуло несколько месяцев.

Шел 1915 год. Выдалось жаркое лето. Война продолжается вот уже целый год. Снова школьные каникулы. Отец собирается в Берн и берет меня с собой. Предстоит выйти из дому в два часа ночи и пройти пешком довольно большое расстояние до Фрибурга. Оттуда поездом до Берна. Обратно — тем же путем. Я слышу разговор родителей. Когда мать спрашивает отца: „Застанешь ли его в Берне?" — мне кажется, что „его" — это Ленина. Много лет спустя я узнал, что как раз в это время Ленин работал в бернской библиотеке над своими „Философскими тетрадями". В Берне мы пробыли несколько дней, отец куда-то ходил, но виделся ли он с Лениным, я так и не узнал. Может быть, отец все еще считал меня маленьким и не доверял мне серьезных вещей?

Второй раз в том же году, но уже осенью или в начале зимы, я услышал, как родители между собой говорили, что в Лозанну должен приехать Ленин. Мы страшно обрадовались, помня посещение Лениным нашей семьи в позапрошлом году в Берне. „Мы снова увидим вождя революции!" — торжественно провозгласил я. Но отец почему-то рассердился и сказал нам, что мы должны заниматься своими

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 9–10.

делами и не соваться в дела взрослых и что он нас на встречу с Лениным не возьмет. Помню, как мы расстроились от этого отказа.

И я опять-таки не знаю, виделся ли отец с Лениным, когда Ленин приезжал в тот раз в Лозанну.

В сапожной мастерской старого большевика Мовшовича, которую, как я знал, частенько навещал Ленин, когда бывал в Лозанне, и куда я зашел за чем-то с матерью, я увидел цветной антивоенный плакат: на нем было изображено братание между немецкими, французскими и русскими солдатами. Побросав свои винтовки, солдаты радостно обнимались между собой. Внизу плаката помещались лозунги, только я уже не помню, на каком языке.

Это был первый антивоенный плакат, который я видел, причем именно большой плакат, а не маленькая листовка. Я стоял перед ним как зачарованный. Хозяин заметил, какое впечатление произвел на меня плакат, и спросил: „Что, нравится? Только зря нарисовано здесь, что солдаты бросили свои ружья. Вот товарищ Ленин учит, что ружья-то эти надо направить против своих угнетателей, всяких там царей Николашек!"

Вмешалась мама, и тут я впервые услышал слова (полный смысл которых понял позднее) о превращении войны империалистической в войну гражданскую и что эти слова идут от Ленина.

Наступил 1916 год. Русская меньшевистская и беспартийная колония в Лозанне решила по этому случаю повеселиться. Помню, мне попало в руки приглашение на встречу Нового года, напечатанное на шапирографе, где в качестве эпиграфа к меню стояло: „Кутить так кутить!" — сказал Пушкин, умирая".

И как это можно шутить так, подумал я, когда везде льется кровь?

...Итак, идет 1916 год. Мне уже 12 лет, я заметно повзрослел, и родители мне стали доверять больше. Отец кончил Лозаннский университет, написал и напечатал выпускную диссертацию о работе сердца. Теперь он с семьей собрался возвратиться в Россию. Он должен везти от Ленина какие-то важные директивы петроградским большевикам (среди их руководителей – Николай Ильич Подвойский). Ехать придется кружным путем – через Францию, Англию, Скандинавию, Финляндию, предстояло переплыть Ла-Манш и Северное море. Какие это директивы и каким способом повезет их отец, я, конечно, не знал. Только потом, уже после революции, мать мне рассказала, что Ленин передал отцу материалы, связанные с Кинтальской конференцией (апрель 1916 года); они были написаны на особой бумаге вместе с указаниями, как надо вести борьбу против войны в условиях России. Эти материалы отец заделал в подметке своего ботинка.

Вторая международная социалистическая конференция (первая проходила в Циммервальде в начале сентября 1915 г.) состоялась в Кинтале в самом конце апреля 1916 года по новому стилю. Именно в это время, как теперь стало известно, Ленин интересовался сроками выезда нашей семьи из Швейцарии в Россию. В одном из писем, относящихся к первой половине апреля 1916 года, Ленин спрашивает: „Узнайте поточнее, когда едет Кедров? В Берне ли он еще? В Лозанне ли его жена?"[1] Письмо шло из Цюриха и было адресовано в Берн. Возможно, Ленин интересовался тем, как передать отцу предназначенные для петроградских большевиков материалы. Но где, кем и при каких обстоятельствах они были ему переданы, я не знаю. Только пом-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 212.

нится, что накануне отъезда отец действительно ездил из Лозанны ненадолго в Берн для оформления соответствующих виз.

Зная мою отличную память, отец заставил меня запомнить много явочных адресов — как в Швейцарии (женевские адреса), так и в России.

„Записывать их ни под каким видом нельзя, будет очень плохо, если жандармы их найдут, так что ты их уж постарайся твердо запомнить", — сказал мне отец.

И я, гордый тем, что мне доверили столь важное дело, затвердил сообщенные мне адреса.

16 мая мы выехали из Лозанны в Париж, где провели несколько дней. Жили недалеко от Люксембургского сада. Помню, в Париже один русский эмигрант просил мою мать отвезти в Москву его жене конверты и писчую бумагу с красной каемкой. При этом он сказал: „Когда в России начнется революция, пусть моя жена на этой бумаге напишет мне письмо: „Приезжай! У нас — революция!"

Прибыли в Лондон. Встретились с Людмилой Сталь. Она много рассказывала о своей лондонской жизни. Спустя восемь лет, осенью 1924 года, мы с матерью снова встретились с ней в Крыму, когда я лечился от туберкулеза. Вспоминали ту нашу встречу.

В Лондоне чувствовалась война. Верхние стекла уличных фонарей были закрашены черной краской (от налетов немецкой авиации). В русском посольстве, где мы получали визы, услышав наши разговоры, к нам подошел солдат в английской форме и спросил: „В Расею?" В глазах и в голосе чувствовалась тоска по далекой родине. Как он оказался в рядах английских войск, мы так и не узнали.

В маленькой гостинице, где мы остановились, за столом с нами сидела бельгийская беженка. Она

рассказала, как в начале войны в ее родном местечке в Бельгии погибли все ее родные и близкие. И нам, которые в Швейцарии не чувствовали непосредственно дыхания войны, было тяжело и страшно слушать этот рассказ. Моя мать не выдержала и горько разрыдалась.

В Лондоне пробыли несколько дней. Потом — Ньюкасл, оттуда — через Северное море в Берген (Норвегия). Ночью наш пароход был остановлен каким-то военным судном. Сначала думали, что немецкая подводная лодка, надели спасательные пояса. Оказалось — английский военный корабль.

Перед русской границей мать нас предупредила: „Возможно, что папу заберут на границе жандармы, так как он революционер и выехал из России без разрешения властей. Если заберут его, то вы не волнуйтесь". Но проехали благополучно Торнео и скоро приехали в Куоккала, к Подвойским. Ленинские директивы были доставлены по назначению.

А ведь наша поездка могла закончиться не так благополучно, и только неповоротливость царского полицейско-жандармского аппарата нас выручила и на этот раз, как она выручила осенью 1912 года при нашем выезде из России в Швейцарию.

Дело в том, что русское посольство в Берне, когда отец выправлял для нас выездные визы из Швейцарии, транзитные визы для проезда через Францию и Англию и въездную визу в Россию, очевидно, дало знать об этом в Петроград в жандармское управление для принятия „соответствующих мер". И вот тут-то возникла непредвиденная царскими слугами загвоздка. Она состояла в том, что во время войны из Англии можно было приехать в Россию двумя путями: один был кружной, морем, вокруг Северной Скандинавии и Кольского полуострова и далее

через Белое море в Архангельск. Это был сравии-тельио безопасный путь, по которому шли военные грузы в Россию из Англии.

Второй путь был более опасным, и пролегал он через Севериое море, иепосредствеино доступное для германских подводных лодок, которые ие раз топили в ием гражданские суда противников. Переплыв море, далее следовали от Бергеиа через Христиаиию (Осло) и Стокгольм на север к границе Финляндии (станция Торнео).

Царские служаки решили, что мы иикак ие стаием рисковать (ведь было трое ребятишек!) — ехать вторым путем и что, следовательио, поедем через Архангельск. В результате такого умозаключения в Архангельск из петроградского жандармского управления полетела телеграмма, обиаружеиная иедавно в Государственном архиве Архангельской области, следующего содержания:

„Архангельск Петрограда 27 мая 1916
На днях выехал Лондоиа Петроград или Москву возможно партийным поручением проживающий Лозанне соц.-дем. доктор Михаил Кедряв, возможио Кедров, с жеиою двумя детьми. Случае проезда подвергните тщательиому таможениому досмотру результатам, при отсутствии преступного сопровождайте иаблюдателем № 788

Вице-директор Деп. пол. Смириов".

В этой телеграмме три неточности: первая — вместо Кедряв надо Кедров; вторая — ие с двумя, а с тремя детьми; третья — ие упомянута старшая сестра матери, которая вернулась вместе с иами, — Мария Августовна Дидрикиль.

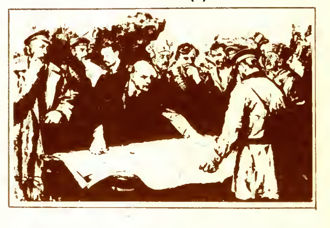
Итак, мы благополучно мииовали жандармские ловушки. В троицын деиь приехали всей семьей иа дачу Подвойских в Куоккала.

Летом 1916 года отец сдал в Харьковском университете положенные экзамены на врача и ему выдали диплом, дающий право быть доктором. Он получил назначение главным врачом в военный госпиталь в городе Кашине Тверской губернии, куда забрал и нас, двух старших своих сыновей. В конце года отец решил ехать на фронт (он отправился на Кавказский фронт, был главным врачом в лазарете в местечке Шериф-Ханэ, что на озере Урмия). Мы с братом остались одни: брат ходил в реальное училище, а я готовился экстерном. В маленьком городке, занесенном глубоким снегом, жизнь текла тихо, спокойно и ничто, казалось, не предвещало бурн, которая вскоре разразилась в России и смела вместе с домом Романовых все старые порядки, „старый режим", как тогда говорили.

С этими событиями кончилось мое детство. Мне уже исполнилось 13 лет, и я вступал в пору своего отрочества. Это проявилось, в частности, в том, что уже с конца 1916 года я стал самостоятельно готовиться к сдаче экстерна за первые четыре класса реального училища, сам разработал программу и расписание своих занятий и составлял подробные конспекты по пройденным предметам. Да! Беззаботное детство для меня закончилось.

Цикл II

ГЛАЗАМИ ПОДРОСТКА

Очерк 4

Год двух революций.
Ленин – гений революции.
1917 – март 1918

Пусть сильнее грянет буря!..
М. Горький

1917-й... Когда думаешь об этом годе и вспомииаешь даже малейшие события, относящиеся к тому времени, кажется, что все зто случилось ие с тобой, а с кем-то другим, что ты зто только слышал от кого-то другого, кто рассказывал тебе, как рассказывают воспомииания о великом переломе в жизни всего человечества.

Семнадцатый год! И неразрывио слито с ним имя Ленииа. Оно – боевой лозунг, оио – боевое зиамя всей пролетарской революции. Образ Ленина становится собирательным образом всей революции.

Ои – это сама революция. Сама революция – это ои. Весть о Февральской революции дошла до Кашииа, мы были вне себя от восторга. Сосед, служащий банка, почтительно-тихим голосом сказал: „Говорят, государь подписали отречение".

Для иас же ои был ие государь, а Николашка. Вскоре приехала мать и увезла нас в революциоиный Питер. Мы были иа похоронах жертв революции иа Марсовом поле, ходили к дворцу Кшесинской, где был штаб петроградских большевиков, часто встречались с Подвойскими. Потом вериулись в Кашин. Тот же сосед тем же тихим голосом сообщил нам

вскоре: „Говорят, в Питер приехал Ленин и проповедует анархию". – „Неправда это, ложь!" – закричали мы с братом. „Не знаю-с, так говорят-с", – последовал ответ.

Вскоре мать снова забрала нас из Кашина, и мы поехали в Москву, а оттуда – в Ярославскую губернию, к нашим родным. В Ярославле мы оказались 18 июня и участвовали в мирной большевистской демонстрации против Временного правительства под лозунгами: „Долой войну!", „Долой власть капиталистов!", „Вся власть Советам!"

Проездом с фронта в Петроград появляется ненадолго в Ярославле отец. Слушая его, я убеждаюсь в правоте большевиков уже не только чувством, как это было раньше, но и разумом. Мое полудетское сознание быстро крепнет, так быстро, что я сам на себе начинаю это замечать. Теперь я уже отлично отдаю себе отчет в том, кто такой Ленин, о чем я спрашивал мать так по-детски наивно всего четыре года назад. Быть за Ленина – значит быть за революцию. Мой двоюродный брат, инженер, только что окончивший институт, хвалит Плеханова за революционную умеренность, за понимание судеб России и духа русской интеллигенции. А Ленину он уже приписывает крайности. Я же горячо возражаю, вспоминаю, как Ленин разбил Плеханова в начале войны на диспуте, говорю, что Плеханов – враг настоящей революции, а настоящая революция – это Ленин. Мы долго и раздраженно спорим, и каждый из нас остается при своем мнении. Где бы ни возникали разговоры, споры, митинги, имя Ленина было тогда на первом месте: у одних оно вызывало злобу и ненависть, скрежет зубовный и желание оклеветать, опорочить идеи большевиков, обвинить Ленина в том, что он, дескать, немецкий шпион, что его не зря в Россию пропустили немцы. К хору злоб-

ных клеветников присоединил свой голос и Плеханов.

Но зато у других имя Ленина вызывало восхищение, оно олицетворяло собой веру в победу рабочих н крестьян, веру в большевнстскую партню н ее лозунгн, простые, доходчивые, понятные всему трудовому народу, всем солдатам, нзмучившимся от почти трехлетней кровавой бойни за чуждые нтересы. Хлеб — народу, землю — крестьянам, фабрнки — рабочим, а главное — мир — вот что требовали большевикн во главе с Лениным. Эти требования находили самый живой отклик в сердцах большинства людей — н молодых, н старых, н одетых в солдатскне шинелн, и в рабочие блузы, н в крестьянскне армяки. Имя Ленина в зти дни стало знаменем самых заветных чаяний народа. Это чувствовалось во всем, и мы с братом вели агнтацию, как моглн н где только моглн, за большевнков, за Ленина.

Помню, в набитом вагоне на полке лежит солдат н говорнт: „Слухайте во всем большевиков, слухайте Ленина — онн всего, по чем вы исстрадались, вам добьются. Слухайте их!"

И сразу же вспыхивает страстный, горячий спор о том, кто прав, куда ндтн России.

Из Персин отец прнвез нам, ребятам, тюбетейки н восточные сладости, которые мы пробовали впервые. Взрослым он рассказывал о положенин на фронте, о Шернф-Ханз, где был главным врачом военного госпиталя н где его застала Февральская революция. Внд у отца был весьма чудной, но мы, ребята, зтого тогда не понималн: отец был военный, фронтовнк, так не все лн равно, как он был одет? На нем были погоны военврача, криво пришнтые на солдатской гнмнастерке; на кармане были нацеплены два знака об окончанин юрндического лнцея н медицинского факультета университета, прн-

чем царские орлы у обоих знаков были заделаны красной материей. Кроме того, на груди висела красная лента с надписью: „Председатель Совета рабочих и солдатских депутатов района Шериф-Ханэ".

Теперь я понимаю, что отец даже по тем временам выглядел достаточно живописно. Потом он рассказывал, что, когда приехал в Питер в том же июне 1917 года и пришел на квартиру к Ленину, Надежда Константиновна невольно воскликнула с удивлением: „Ой, какой вы разукрашенный!"

Он также рассказывал, что весь Кавказский фронт оказался в руках меньшевиков, и когда в Тифлисе (так тогда назывался Тбилиси) состоялся краевой съезд Кавказской армии, то единственной большевистской группой на этом съезде были делегаты из района Шериф-Ханэ с отцом во главе. „Мы портили собою фасад меньшевистского съезда", – шутливо говорил он и добавлял, что меньшевики дразнили их „Шерифханской республикой". Отец рассказывал, как в первые же дни после известия о Февральской революции он организовал и возглавил местный Совет, который взял в свои руки всю власть, объединив вокруг себя и военных, и рабочих.

Впоследствии он не раз вспоминал, как рассказывал все это Ленину во время первой встречи с ним в Петрограде после Февральской революции. Рассказывал также, что накануне июльских дней 1917 года Ленин предупреждал членов „Военки"[1] против преждевременного выступления большевиков в Петрограде. (Председателем „Военки" был Н. И. Подвойский, а членами – К. А. Мехоношин, В. И. Невский, М. С. Кедров и другие.) Членам же „Военки" казалось, что благоприятный момент для взятия власти большевиками почти назрел. Потом отец рассказы-

[1] Военная организация при ЦК РКП (б). *Ред.*

вал про сами июльские дни и последующие печальные события. Но, как это нередко случается в жизни подростка, мне почему-то запомнилась особенно ярко одна совершенно незначительная деталь из его рассказов. Жаркий июльский день в Петрограде. Белые ночи в разгаре. Отец сидит в своей комнате в квартире Александровых на Большой Дворянской (ныне ул. Куйбышева), что на Петроградской стороне. Душно. Окно, выходящее во двор, открыто. Во двор входит шарманщик с надтреснувшей шарманкой и играет избитую песенку (ее мелодию):

На солнце оружьем сверкая,
Под звуки лихих трубачей,
По улице, пыль поднимая,
Проходил полк гусар-усачей.

По-видимому, особое тревожное, а может быть, и грустное состояние, охватившее в тот момент моего отца, слилось в одно с пустяковым мотивом этой песенки, в единый комплекс ощущений, и этот комплекс возникал у него снова и снова, как только он слышал этот мотив. Так я решил, когда он просил меня пропеть ту песенку, мотив которой он сам никак не мог запомнить и воспроизвести. „Вот странно! – думал я. – Ведь он музыкант, пианист, а такой простенький мотивчик не может запомнить".

Летом 1917 года я приобрел первую книгу Ленина, вышедшую незадолго перед тем в свет, которая называлась „Империализм, как новейший этап капитализма" (теперь она называется иначе: „Империализм, как высшая стадия капитализма"). Меня немного удивило поставленное на ней имя автора: „Н. Ленин" и в скобках – „Вл. Ильин".

Я же знал уже тогда, что настоящая фамилия Владимира Ильича Ульянов, что Ленин – это псевдоним, а начальную букву „Н" перед „Лениным" никак не мог объяснить.

Попробовал было читать купленную книгу, но оказалось, что это для меня слишком трудно, подготовки не было никакой. Так что ленинская книга осталась тогда непрочитанной. К ней я вернулся только в 1919–1920 годах. Но зато уже после Октябрьской революции я прочитал ленинскую брошюру „Удержат ли большевики государственную власть?", написанную еще накануне Октября, все понял и подивился, как точно наперед Ленин все смог предвидеть и рассчитать и вместе с тем написать об этом так доходчиво и просто. Решил собирать выходящие и уже вышедшие в свет ленинские работы. Еще со времен „Зерна" у нас сохранились две книги, содержавшие работы Ленина: „За 12 лет" (в светлой обложке) и сборник, посвященный памяти Карла Маркса (к 25-летию со дня смерти Маркса), где была помещена статья Ленина „Марксизм и ревизионизм" (сборник в темной обложке). Теперь к ним я стал присоединять новые работы Ленина, его брошюры и вырезанные из газет статьи, речи, доклады и выступления. Некоторые из этих материалов сохранились у меня до сих пор. Что же касается названных выше двух книг, выпущенных издательством „Зерно", то я их в 1939 году передал отцу в подарок.

Я отвлекся от темы о Ленине и спешу вернуться к ней.

Уже после Октября в Петрограде помню такой случай. На улице стихийные митинги. Где-то на Петроградской стороне, на Большом проспекте, человек в матросской одежде разглагольствует, что он слышал от самого Ленина, будто Петроград скоро будет сдан немцам. Кругом начинаются крики – кто верит и подливает масла в огонь, а кто кричит, что это бессовестная ложь и клевета.

„Ты точно слышал это от самого Ленина?" – в упор спрашивают „морячка".

„Как перед богом, как тебя сейчас вижу, в Смольном это было".

„Ну если так, то скажи, какой из себя Ленин?" (Тогда еще ленинские портреты не были широко известны.)

„Во волосищи!" – отвечает „морячок" и показывает обеими руками, какая у Ленина огромная грива. По-видимому, он спутал Ленина с Марксом.

Конечно, тут же под громкий смех „морячок" разоблачен и вынужден ретироваться.

Ленин – это революция, а революция – это Ленин. Такая мысль осознается все яснее и яснее. В сентябре мы с отцом едем в Сибирь, его посылает туда партия наладить связи с сибирскими большевиками. Октябрьскую революцию встречаем где-то в районе Бийска или Барнаула. В ноябре мы снова в Петрограде. Сразу с вокзала едем в Смольный. Здесь – штаб революции, здесь – Ленин. Дзержинский выписывает пропуск, и вот мы в длинных прокуренных коридорах Смольного, где туда-сюда быстро двигаются вооруженные люди, кто-то кого-то вызывает, и снова люди, люди и люди – творцы Великой Октябрьской революции.

Мы поселились на Петроградской стороне на Кронверкской улице, у Подвойских. Отец стал народным комиссаром. Я же, влившись в бурлящий Петроград, впитываю в себя жадно, как губка, все, что происходит в этом городе, который потряс весь мир. Мне исполнилось 14 лет, и я уже не прежний мальчик, каким был еще в Кашине, чувствую себя уже совсем взрослым. Детство как-то внезапно кончилось, вернее сказать, оборвалось. И я сразу как бы перескочил через всю пору отрочества и юности в зрелый возраст. Но в действительности это было

не совсем так. Я стал подростком со взглядами почти взрослого, почти сознательного участника революционного движения. Но все же я оставался еще долго подростком, и все события последующих бурных лет преломлялись у меня не как у взрослого, а как у подростка. Может быть, поэтому многое запомнилось мне не так, как если бы я был тогда совсем взрослым. Это касается и образа Ленина. Обо всем этом я и расскажу в этом цикле эпизодов из моей жизни. Но сначала я хотел бы рассказать о двух эпизодах, связанных с Лениным, о которых рассказывал отец. Оба они произошли в конце 1917 года, и оба возникли в связи с демобилизацией старой армии, которую должен был осуществлять Демоб, возглавлявшийся моим отцом.

Надо сказать, что в распоряжении Демоба оказались громадные материальные ресурсы старой армии, которые переходили теперь в распоряжение молодого Советского государства. Их не надо было национализировать, как фабрики и заводы, они были национализированы, так сказать, с самого начала. И вот у отца возникла идея: для строительства социалистической экономики в нашей стране использовать прежде всего эти ресурсы, которыми Советская власть уже располагала. В особенности он мечтал на этой базе начать электрификацию страны и буквально носился с этой идеей, говоря, что с этим планом или замыслом надо обязательно пойти к Ленину. Он добился приема у Владимира Ильича, после которого вернулся домой очень расстроенным и сердитым на самого себя. Сказал, что ничего не вышло и что Ленин разругал его. Подробностей не сообщил, как его ни расспрашивали. Только много позднее из его воспоминаний стало ясно, в чем было тогда дело. Отец писал:

„Расскажу один из не совсем приятных для меня эпизодов...

Для меня, комиссара по демобилизации старой армии, одна из важнейших задач заключалась в том, чтобы возможно безболезненно эвакуировать солдат демобилизуемых возрастов с фронта на родину и предупредить возможное скопление демобилизованных, потерявших связь с деревней, в больших городах, где они в качестве безработной, деклассированной силы представляли бы большую опасность.

Для организации общественных работ в Техническом управлении демобилизации армии были доработаны имевшиеся старые планы электрификации Волхова, подобрана группа инженеров-строителей, составлена примерная схема и смета работ, которые были опубликованы в „Вестнике Армии и Флота" в конце 1917 года. Разумеется, и калькуляция, и сметы были весьма примитивны и очень мало походили на тот замечательный план, который два года спустя был положен в основание электрификации страны.

Оставалось получить санкцию Владимира Ильича. Созвонившись и условившись по телефону, я прихватил на подмогу из нашего финансового управления т. Косушкина, очень настойчивого и немного надоедливого человека, которого Ильич вовсе не знал. В назначенное время мы вошли в кабинет Ильича в Смольном.

Не ограничиваясь существом дела, мы пытались изложить и самую технику электрификации. На самом интересном месте, как мне казалось, Ильич внезапно отрубил:

– Идите в Высший совет народного хозяйства!

– Владимир Ильич! – пробовал я продолжать разговор. – Ведь ВСНХ недавно только организовался.

– Товарищ Ленин! – вмешался Косушкин. – Куда вы нас посылаете? ВСНХ – ведь это пустое место.

– Вот ка-ак! – иронически произнес Ильич, прищурив глаз. – Пустое место?! В самом деле?!

– Да, пустое место. А между тем электрификация – дело исключительной важности, – и Косушкин пустился расписывать всю необходимость и прелесть электрификации.

Я заметил, что Ильич начинает терять терпение. Я понял, что сделал глупость, взяв с собой Косушкина, который начинал уже пересаливать, и поторопился подобру-поздорову ретироваться.

В тот же вечер Ильич говорил одному из наркомов:

– Передайте Кедрову, чтобы он мне больше не морочил головы такими делами. Мало того, привел с собой какого-то Косушкина. Если он будет так впредь поступать, я не буду его больше пускать к себе.

Тогда мне казалось обидным, что Ильич выругал меня, отнесся так недружелюбно к проекту об электрификации. А сколько неоценимого времени отнималось у Ильича всякими пустяками, мелочными раздорами, ведомственными дрязгами, – это я понял только значительно позже".

Второе событие, о котором он рассказывал охотно и очень подробно, касалось созыва в Петрограде Общеармейского съезда по демобилизации старой армии. Руководители съезда пригласили Ленина сделать делегатам доклад. Но он не смог, так как был очень занят. Когда съезд должен был уже закрываться, его организаторы попросили Ленина встретиться хотя бы с небольшой частью делегатов, которые представляли бы различные фронты армии и военный флот. Отец рассказал, что Ленин на это согласился и во время встречи не столько говорил сам, сколько расспрашивал делегатов, задавая им самые

различные вопросы. Вся беседа Ленина, в сущности, вращалась вокруг одного вопроса: продолжала ли существовать старая армия как целое, боеспособна ли она. И пока Ленин беседовал с делегатами, он одновременно набрасывал своего рода вопросник, на который присутствующие должны были ответить в письменной форме. Ленин это сделал потому, что среди делегатов были и такие, которые считали старую армию сохранившей свою боеспособность, а потому были настроены воинственно. Вопросник был заполнен, и оказалось, что, за редким исключением, вся старая армия находилась в ужасающем развале. Фронтов фактически не было. Солдаты массами самовольно покидали фронт. Только в отдельных случаях, да и то с большими оговорками, можно было считать, что незначительная часть армии сохраняла еще боеспособность. Отец говорил, что после этой беседы Ленин еще более укрепился в мысли, что действительная военная сила отсутствует, фронты открыты, вести дальше войну мы не способны, что мир нужен нам до зарезу.

1917 год кончался. Однажды Н. И. Подвойский сказал мне, чтобы я съездил на их дачу в Куоккала и привез оттуда оставшийся там микроскоп, так как дачу могут ограбить. Он добавил, чтобы я не рылся в его бумагах, а только убедился, что они целы, — за этими бумагами он сам, по его словам, собирался приехать, когда подвернется удобный случай. Однако время было такое горячее, что удобного случая так и не представилось, и все его бумаги, находившиеся на даче, там и остались.

Так как дороги к даче я не знал, то в качестве проводника со мной поехала старшая дочь Николая Ильича Олеся. Ей тогда было около десяти лет. Помню смешной эпизод во время нашего путешествия: мы сидели с Олесей на Финляндском вокзале и го-

ворили о том, как за несколько месяцев перед тем сюда из Швейцарии приехал Ленин. Мы так увлеклись разговором, что не заметили сразу, с каким интересом нас рассматривала группа молодых людей и девиц, сидевших в зале ожидания напротив нас. Они о чем-то шушукались, спорили и хихикали. Вдруг одна из девиц подошла к нам и, обращаясь ко мне, сказала: „Простите, пожалуйста, но мы поспорили, кто вы: мужчина или женщина?" Я был одет в шинель „реалиста" с черными пуговицами, на голове у меня была солдатская папаха. Лицо же, как я теперь понимаю, у меня было полудетское, и потому я мог производить впечатление бойца из женского батальона.

На даче в Куоккала мы пробыли несколько часов, в течение которых я изучал огромную библиотеку Николая Ильича. В ящике письменного стола и в шкафах обнаружил много бумаг и документов. Но, помня указания Николая Ильича, я в них не рылся...

Наступил 1918 год. Это был первый Новый год после Октябрьской революции. Мы его отпраздновали в тесном кругу семьи Подвойских. Было хотя и голодно, но весело. А через пять дней, 5 (18) января, в Таврическом дворце, где раньше заседала Государственная дума, открылось Учредительное собрание. На его открытие пошли старый большевик Репков, высокий худой старик, его жена Ненила Николаевна, тетя Нина и я. На улицах было темно, строчил пулемет. Мы на Шпалерной (ныне ул. Воинова), на которой расположен Таврический дворец. Во дворце у нас на каждом шагу охрана, состоявшая из матросов, проверяла пропуска. И вот я в ложе с тетей Ниной, рядом сидели какие-то волосатые и бородатые мужчины, судя по поведению, эсеры. Наша ложа на верхнем ярусе, расположена как раз над правой

правительственной (правой от центральной трибуны). Я обратил внимание на то, что амфитеатр, где сидели делегаты, был разделен как бы на отдельные секторы. На самом левом краю сидели большевики. Следующий за ними сектор занимали левые эсеры. Весь центр был занят меньшевиками и правыми эсерами. Потом уже справа сидели кадеты, а на самом правом краю, кажется, октябристы, среди которых было много попов. Зал шумел, ожидая открытия собрания.

В это время в правую правительственную ложу вошел Ленин. Он сел в одно из передних кресел. С этого момента я не спускал с него восторженного мальчишеского взгляда. Я следил за тем, что делает Ленин внизу в ложе. Я видел, как он вынимает из кармана и читает какие-то бумаги (портфеля у него не было), делает записи, оборачивается к соседям и разговаривает с ними. То вдруг, опершись на перила находящейся перед ним перегородки, поднимает голову и смотрит то в зал, то куда-то наверх, в противоположную от меня сторону.

В это время в левую правительственную ложу входят мой отец и Подвойский. На отце желтый дубленый полушубок и огромная папаха серого цвета. Подвойский тоже в полушубке. Кругом слышу свистящий шепот: „Комиссары, комиссары! Смотрите, вот вошли комиссары, видите их?"

Время открытия давно уже истекло, и вот на центральную трибуну, или кафедру, взбирается старичок, слабенький, согнутый, и что-то собирается говорить. Эсеры и их союзники как в зале, так и на хорах громко ему аплодируют. Легко догадаться, что это старейший член Учредительного собрания и что он правый эсер, которых, как стало известно, громадное большинство среди членов Учредительного собрания. Но тут началось что-то невообразимое.

Большевики и левые эсеры повскакали со своих мест, застучали кулаками по пюпитрам и закричали: „Долой! Долой!! Долой!!!" Они хотели, чтобы Учредительное собрание открыл не правый эсер, хотя и старейший, а представитель Советской власти. Крики „Долой!" неслись также и со всех хоров, где преобладали большевики и левые эсеры. „Кричи громче", — говорила мне тетя Нина, и я присоединял свой ломающийся голос к общему неописуемому гвалту.

Стоявший на кафедре старичок пытался что-то говорить, но не мог и только разевал рот, беспомощно потрясая худыми руками. Так продолжалось довольно долго. Но вот к кафедре быстрыми шагами поднимается Я. М. Свердлов. Он в черной кожаной куртке. Подойдя к старичку, он что-то ему говорит, показывая руками, что у того все равно ничего не получится. Тот сокрушенно трясет головой, пожимает плечами и тихо сползает с кафедры. На нее всходит Свердлов. Только что бушевавший зал внезапно стихает, и в полной тишине слышится голос Свердлова, отчеканивающий каждое слово: „Исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов поручил мне открыть заседание Учредительного собрания".

Раздались аплодисменты. Далее последовали декларативные выступления представителей различных партий. Как помнится, от меньшевиков выступал Скобелев. Во время своей речи он бросил по адресу „господина Володарского" какое-то обвинение, и я сверху видел, как Володарский, сидевший в правительственной ложе, весь передернулся. Кто-то выступавший от какой-то соглашательской партии призывал к полному равенству российских граждан. Чтобы все были равны, независимо от их сословного положения, имущественного положения, их нацио-

нальности и расы... Тут из зала донеслась громкая реплика: „Кроме буржуазии!" — и по залу пробежали смешки. А я сверху все время слежу за Лениным, не отрывая от него глаз, и мне хочется увидеть его вблизи.

Наконец декларации кончились и собрание приступило к выборам председателя. Правые эсеры выдвинули своего лидера, Виктора Чернова, а мы в качестве компромисса — левую эсерку Марию Спиридонову. Началась длинная процедура голосования. В этот момент я наблюдал сверху, как к Ленину из зала подошел какой-то депутат в сером крестьянском армяке, приехавший, по-видимому, из далекой губернии. Он стал снизу тянуться к Ленину, явно выражая желание с ним о чем-то поговорить. Со своей стороны Ленин повернулся к нему, перегнувшись через перила перегородки. Возможно, даже Ленин наклонил спинку стоявшего перед ним стула, опустил ее на перила перегородки и лег на нее сам, с тем чтобы дотянуться до депутата в крестьянской одежде.

Я пристально, с огромным интересом следил сверху из хоров за этой сценой. Видно, что Ленину интересен этот разговор, и он всячески тянется навстречу своему случайному собеседнику, чтобы услышать его слово сквозь общий шум, царящий в зале во время перерыва. Я наблюдал, как Ленин что-то говорил и, очевидно, спрашивал о чем-то, что его очень заинтересовало в данный момент. Возможно, что крестьянин-депутат действительно приехал издалека, откуда сообщения в Питер приходят редко, и вот Ленин воспользовался случаем, чтобы узнать и услышать из первоисточника о том, что делается в этом далеком глухом углу России.

Так думал я, пристально наблюдая сверху за тем, что происходило внизу в правой правительственной ложе.

Наконец голосование кончилось, большинством голосов выбрали в председатели Чернова, — это означало, что Учредительное собрание в своем большинстве отказалось сотрудничать с Советской властью. Да и по своему составу оно не выражало подлинного настроения масс, сложившегося после победы Октябрьской революции, так как выборы в него происходили гораздо раньше, когда на массы действовал еще дурман соглашательских партий.

После объявления результатов голосования большевики-депутаты и гости покинули зал. Через некоторое время ушли и левые эсеры. Оставшиеся депутаты пытались еще заседать, но к ним (как рассказывал потом отец) явился матрос — начальник караула Таврического дворца (это был легендарный Железняков) — и предложил присутствующим покинуть зал, сославшись на то, что караул устал.

Разговор Ленина с крестьянским депутатом произвел на меня неизгладимое впечатление. Я видел, как Ленин на глазах у всех, пренебрегая всяким этикетом, ведет себя так свободно и просто, как будто никого кругом нет, а есть крестьянин-депутат, с которым нужно обязательно переговорить. А ведь Ленин — глава Советского правительства, вождь большевистской партии. Но ничего в нем нет от надутой церемониальности, от позерства... Вот это действительно великий человек, думал я и тогда и потом.

Я так часто об этом думал, что у меня произошла своего рода аберрация виденного мною в тот вечер в зале Таврического дворца. Мне стало казаться, что правительственную ложу от зала отделяла не просто небольшая перегородка, а достаточно широкий стол, на который Ленину пришлось облокотиться, чтобы дотянуться до собеседника. И я так ясно это видел в своей памяти, как будто такой стол существовал

в действительности. В 1947 году мне пришлось быть в Ленинграде и читать лекции как раз в том самом зале, где проходило первое и последнее заседание Учредительного собрания. Никаких примысленных мною столов возле бывших правительственных лож, конечно, не оказалось. Тогда я решил, что зал был реконструирован, но никакой перестройки, как выяснил, не было. Зал сохранился в прежнем виде. Оставалось одно: сознаться себе, что я примыслил в своей памяти такую деталь, как стол, разделявший Ленина и его собеседника-крестьянина.

Этот факт сильно огорчил меня, но вместе с тем предостерег на будущее против того, чтобы слепо полагаться на свою память. Всегда требуется найти способ объективной проверки того, что запечатлелось в памяти в качестве очевидного.

А вот что писал о том же дне мой отец.

„День Учредительного собрания... Невский проспект... Сугробы снега... Костры... Пикеты...

Жалкая, почти похоронная, „демократическая" процессия в несколько сот человек – оплот и защита открывающегося собрания. Маленькая кучка и большие плакаты с поблекшим уже лозунгом: „Вся власть всенародному Учредительному собранию!"

Прыгает автомобиль по сугробам. Вот и Шпалерная. Заставы, костры, колючая изгородь, матросы с винтовками наперевес, краткое, внушительное „Стой!".

В Таврическом дворце большое оживление. Члены Учредительного собрания спешат на открытие. Кабинет комиссара по созыву Учредительного собрания переполнен до отказа. Тут и Владимир Ильич, и Яков Михайлович Свердлов, Сталин и остальные народные комиссары. Тов. Урицкий своей своеобразной, ковыляющей походкой появляется то тут, то там, отдавая последние распоряжения.

Владимир Ильич обращается к некоторым из товарищей: „Пора начинать" – и к другим, находящимся тут же: „Вы не член ЦК, вы тоже нет?! Так выходите!" Все быстро выходят. Одного из замешкавшихся наркомов Ильич слегка подталкивает к двери: „Милости просим".

Назначенное время открытия Учредительного собрания прошло. Давно уже депутаты заняли места в большом думском зале и, не имея кворума, в виде протеста шумят и галдят, требуя появления большевистских депутатов и членов Совнаркома. А заседание большевистской фракции никак не может кончиться. Вечно кипящий тов. Рязанов разошелся вовсю и с пеной у рта доказывает колоссальную опасность, связанную с роспуском „хозяина земли русской". Излишне – вопрос бесповоротно решен: „Советы, а не учредилка; диктатура пролетариата, а не диктатура буржуазии".

Наконец все депутатские места и „министерские" ложи заняты... Яков Михайлович... проводит выборы председателя собрания". Как и у меня, внимание отца приковано к Ильичу: „В наиболее интересные моменты, – вспоминает отец, – особенно во время речи выбранного председателя собрания Чернова, прерываемой почти на каждом слове шутливыми хоровыми репликами с большевистских скамей, Ильич неудержимо хохочет. Ильич был враг всякого лицемерия, всяких этикетов и показной чинности".

Через несколько дней после роспуска Учредительного собрания в том же зале Таврического дворца проходил III Всероссийский съезд Советов. Отец и Подвойский присутствовали на нем и, придя домой, подробно рассказывали о его работе. Многое уже позабылось из их рассказов, тем более что я на этом съезде не был. А так как впоследствии я неоднократно читал выступления Ленина на съезде, то очень

боюсь смешать то, что прочел позднее, с тем, что слышал из уст родных. Но два места из доклада Ленина, в их пересказе (уж не помню кем), мне врезались в память. Первое – это то, что Ленин привел слова деревенской старушки, что солдата („человека с ружьем") теперь не надо бояться – он не обидит, а поможет. Второе – это то, что мы, русские, начали мировую революцию, а народы Западной Европы ее продолжат.

Слушая эти рассказы, я думал: „Не прошло еще четверти года, а Ленин уже отчитывается за работу Совнаркома. Вот подлинно народная власть, подлинно народные комиссары".

При закрытии съезда, как говорили отец и дядя Коля, выступил тот же матрос Железняков. Он говорил горячо и страстно о том, что где-то во Франции на русском военном корабле офицерское зверье убило несколько матросов, и предложил почтить память погибших революционеров вставанием. Отец добавил, что он редко слышал, чтобы говорили с такой неподдельной страстью. Весь зал, как один, в едином порыве, вместе с Лениным и Свердловым, встал в ответ на призыв, прозвучавший из уст моряка.

Много лет спустя, в 60-х годах, мне захотелось документально проверить этот эпизод. Я достал материалы (протоколы) III Всероссийского съезда Советов, изданные в начале 1918 года, и что же там обнаружил? Часть протоколов была утеряна еще тогда, причем не сохранилось начало речи Железнякова. Сохранился ее конец, где, увы, отсутствовали имена. Я стал рыться в литературе, в архивах и установил, что речь шла о крейсере „Аскольд", стоявшем осенью 1916 года на ремонте во французском порту Тулон. Реакционное офицерство во главе с командиром крейсера Ивановым инсценировало провокационный взрыв корабля, устроило судили-

ще, которое приговорило к расстрелу ни в чем не повинных матросов. Приговор утвердил новый командир крейсера капитан 1-го ранга К. Ф. Кетлинский.

Когда я все это установил, мне стала понятна горячность и страстность, с какой выступил Железняков на III съезде Советов, и то, почему так дружно откликнулись делегаты съезда во главе с Лениным на его призыв.

Время шло, и обстановка в стране накалялась день ото дня.

Все тот же революционный, бурлящий Петроград. Конец февраля 1918 года. На дворе холодно и ветрено. По улицам маршируют вооруженные отряды рабочих-красногвардейцев из только что созданной молодой Красной Армии. На стенах домов и на круглых башенках для афиш расклеен декрет-воззвание: „Социалистическое отечество в опасности!" Возле него — кучки петроградцев. Лица суровые, разговоров не слышно...

Мы по-прежнему живем у Подвойских. Николай Ильич — нарком по военным делам, отец — комиссар по демобилизации старой армии. Уже около месяца как подписан декрет о создании Красной Армии. В боях против немецких войск она с честью оправдывает свое назначение.

Я хорошо помню тревожные дни накануне взятия немцами Пскова и день, когда он пал. В этом городе жили тогда мои родные, среди них — мой двоюродный брат Женя Плечов (он погиб в 1941 году на фронте). Его мать лежала в те дни в петроградской больнице (где-то за Смольным). Можно представить себе нашу радость, когда в Псков вновь вступили части Красной Армии!

23 февраля был день реального рождения Красной Армии, день ее боевого крещения, когда на весь

мир разлетелась весть, что она действительно родилась, родилась как сила, способная давать отпор врагу, посягающему на наше социалистическое Отечество. Рождалась она в муках, когда старая армия быстро распадалась, и из ее лучших элементов, а прежде всего из рабочих красногвардейских отрядов стала формироваться новая военная сила молодого Советского государства.

Все хорошо знают, что Красная Армия создавалась под непосредственным руководством Владимира Ильича и ее становление с первых дней направлялось его твердой рукой. Я стал однажды невольным свидетелем этого. Как сейчас, вижу и слышу: Подвойский при мне читает отцу какую-то небольшую записку. Точного содержания ее я не запомнил, но помню хорошо, что в ней подвергалась резкой критике работа Наркомвоена. Меня тогда удивило выражение их лиц – они были какие-то смущенные, необычные. Отец сначала молчал, а потом тихо спросил: „От него?" Подвойский молча кивнул головой. И я сразу же догадался, от кого была записка, понял, что это Ленин так резко и, очевидно, справедливо критиковал или, лучше сказать, ругал и вместе с тем поправлял наркомов, требуя от них, чтобы они в наикратчайшие сроки, отведенные историей для решения великих задач, поставленных революцией, сделали все возможное и даже невозможное с точки зрения обычных человеческих сил для выполнения своего долга перед революцией, перед социалистическим Отечеством.

Мне хочется добавить, что 24 февраля (по н. ст.) – это день рождения моего отца. В 1918 году ему исполнилось 40 лет.

В феврале 1918 года началось наступление немецкнх войск. Упорные бои завязались под Псковом, Ревелем, Нарвой. Враг угрожал Петрограду. Я хорошо помню зто тревожное время, когда у всех на языке былн слова „Брест" н „мир". Однн были за, н первым из них был Ленин; другие былн против н требовалн воевать против вильгельмовской Германии. Ленин же говорил, что положение Советской России: зкономическая разруха, развал старой армии н необходимость создания новой, боеспособной Красной Армии, упрочения Советского государства – требовало мирной передышки, к тому же германская революцня опаздывает, ее еще нет, но она придет обязательно, а потому надо выиграть время, принять условия мира, которые выдвинули германскне нмперналнсты, несмотря на всю неслыханную тяжесть зтих условий. Когда же мы займемся знергично приведеннем в порядок нашего народного хозяйства, железных дорог н продовольственного дела, созданием своей крепкой армин для защиты нашей революции, к зтому временн, безусловно, подоспеет революция в Германии. Так говорилось в газетном отчете об одном нз выступлений Ленина того временн.

В марте 1918 года Советское правнтельство переехало в Москву, н мы с отцом тоже, а также вся семья Подвойскнх.

Я не видел своей матери целых полгода, пока мы с отцом ездилн по Снбнрн и жилн в Петрограде. Она работала в Моссовете, заведовала столом корреспонденцин. Братья подробно рассказывали об октябрьских днях в Москве. Наша квартнра находилась на первом зтаже дома в начале 1-го Зачатьевского переулка (ныне ул. Дмнтрневского), выходила окнами на переулок, а кухней во двор. Там засели юнкера, а напротив за церковью были красногвардейцы. Шла

горячая перестрелка, так что наши оказались буквальио между двух огней. Когда юнкера сложили оружие, мать пошла сказать об зтом красногвардейцам, ио те встретилн ее настороженно, заподозрив ловушку, а один из них, показывая на гранату, сказал: „А зтого не хочешь?"

Вскоре состоялся IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, иа котором прнсутствовала моя мать (с гостевым билетом). Она обо всем подробно поделилась с нами, по обыкновенню нзображая в лицах всех выступавших. Главным вопросом, вокруг которого вращалнсь все выступления на съезде н развернулась ожесточениая схватка между большевнками во главе с Лениным и нх разношерстными противниками, был вопрос о Брестском мире. Мать рассказывала, как Ленин сказал, что раньше мы былн пораженцами, а теперь, после Октября 1917 года, перестали быть нми, сталн на позиции защиты своего Отечества, откуда мы нзгнали буржуазию и ее прнспешников. Ленин говорил также о том, что германская революция так или иначе неизбежно победит, еслн не сейчас н не завтра, то в скором будущем. Против Ленина выступали многие правые и левые эсеры, меньшевнкн н прочие. Онн объявилн большевиков предателями, лакеямн Вильгельма II, прнказчиками германского нмперналнзма, обвннили их во многих тяжких грехах, которые Ленин, отвечая, с мрачным видом перечислял, загибая каждый раз другой палец на руке. Если все зтн обвинеиия и ругательства напечатать, говорил Ленин, то получится многопудовая тяжесть, но все зто будет для меня, — тут он немного остановился н, хитро улыбнувшись, сказал: — „как перышко".

Сказав зто, мать засмеялась и показала, как Ленин сделал двнжеиие руками, словно он смахивает со своей головы попавшую на нее пушинку. Это

шутливое движение говорило, как мало придавал Ленин значения всем оскорбительным выпадам против него и большевиков со стороны их противников. И когда присутствовавшие на съезде большевики увидели этот ленинский жест, они, по словам матери, облегченно вздохнули, так как до этого, когда Ленин перечислял по пальцам выдвинутые против него обвинения, он говорил нарочито хмуро и мрачно. Оказалось же на поверку, что он ни во что не ставит истерические вопли своих противников. Вот как можно было одним-единственным метким ленинским жестом свести на нет все злобные выкрики и обвинения со стороны врагов.

В семье решили: мне уже 14 лет и я мог бы поступить на работу. Я так и сделал. Это был шаг к тому, чтобы окончательно выйти из детского возраста и стать хотя бы наполовину взрослым. Странно, что тогда так хотелось скорее повзрослеть!

Очерк 5

Год работы в „Правде" (с двумя перерывами). Штрихи дорогого образа сестры Ленина. Март 1918 – май 1919

– А кто ее спрашивает?
– Скажите, что брат.

Разговор по телефону

Март 1918 года. В редакции „Правды" в иностраниом отделе работает моя двоюродная тетя Евгеиия Александровиа Дидрикиль. В „Правде" ие хватает технических работииков. Как-то раз Мария Ильиничиа (сестра Ленина) попросила ее порекомендовать хотя бы подростков, ио достаточно грамотных. И вот я впервые вхожу во двор бывшей Сытинской типографии в доме № 48 по Тверской, поднимаюсь по железиой лестнице на четвертый этаж; пройдя светлый коридор со стеклянным, как помнится, потолком, вхожу в небольшую, заваленную газетами, рукописями н пнсьмамн комнату секретаря редакции. Встречает меня небольшого роста, немолодая женщина (ей тогда было 40 лет) с очень приветливым лицом и ласковыми глазами. У нее гладкая прнческа, голова ее иаклонена немного набок, словно она все время к чему-то прислушивается, слегка прижимая голову к плечу. Радушно жмет руку, спрашивает, как зовут. Голос иегромкий, скорее тихий и какой-то задумчивый[1]. Вспоминает:

[1] Недавно я слушал запись выступления Марии Ильиничны на каком-то совещании. Чувствовалось, что она не привыкла к такнм выступлениям н поэтому говорит слишком

„В прошлом году летом ваш отец показывал нам в „Правде" ваш семейный паспорт, по которому ваша семья возвращалась нз Швейцарии в Россию. Так там на каждой странице печатей столько было понаставлено! Видела н вашу фотографню". Сказав зто, она засмеялась, и тут же ее лнцо потеплело, словно засияло нзнутри.

Потом я заметил, что, когда она смеялась, у нее светилось все лицо, особенно глаза. Вспоминая 1917 год, она добавила: „А знаете, какое трудное время тогда было, сколько лилось ненавнсти и злобы к нам, большевнкам, к правдистам. Бывало, в редакции – телефонный звонок. Берешь трубку, слышишь голос: „Это откуда?" Отвечаешь: „Газета „Правда". А из трубкн злобное шипенне: „Правда"? Это – действнтельно правда? А не ложь?.."

И она опять засмеялась, но уже как-то по-другому. Я понял так: „Что, взялн? Не вышло по-вашему!" Это – по адресу наших врагов.

Итак, я начал работать в „Правде". Это моя первая настоящая работа, н я впервые стал зарабатывать как взрослый. Сотрудников в редакции было тогда очень и очень мало. Я – технический помощник у Марии Ильиничны. У нее помощником был поначалу только я один, некоторое время помогал ей еще мой брат Юрий. Надо было прнннмать н отправлять почту, подходить к телефону, часто ездить с ее поручениями, делать вырезкн нз газет н наклеивать на большие листы твердой бумагн, распределяя их по странам: ей хотелось, чтобы сразу можно было увидеть все, что печаталось в последнее время об

громко, напряженно и резко. Так обычно говорнт тот, кому приходится вдруг переходить от привычного для него тихого голоса во время беседы к публичному выступлению с трибуны на большом собрании.

Англии, Франции, Италии, Дании и других странах в виде телеграмм и статей.

А поручения были самые различные, иногда совсем неожиданные. Помню, раз испортился у иас в редакции телефои, что в те времеиа случалось иередко. Мария Ильинична очень сердилась, стучала долго по рычажку, ио все было безрезультатно. Телефои бездействовал. Тогда она послала меня к Подбельскому, дала адрес и сказала: „Фаия, поезжайте к нему и скажите, чтобы он немедлеиио (она сделала ударение иа „немедленио") исправил телефои — ие может же „Правда" жить без телефоиа!"

Я помчался, думая, что Подбельский — моитер или, может быть, даже начальник телефонных монтеров. Пришел туда, куда мне сказала Мария Ильинична, и повторил ее слова: „Не может же „Правда" жить без телефоиа, подумайте сами!" Подбельский подтвердил: „Конечно, коиечно, сейчас исправим". И когда я вернулся, телефон уже работал.

„А кто этот Подбельский?" — спросил я Марию Ильиничну. „Да ои — наркомпочтель[1], разве иначе так скоро бы починили иам телефои", — сказала она своим тихим голосом. Вот почему стоило мне сказать секретарше Подбельского, что я из „Правды", от Марии Ильиничны, как меня сразу же пустили к „самому" наркому, да еще по такому, казалось бы, пустяковому делу, как исправлеиие телефона...

А вот другое поручеиие. В канун 1 Мая 1918 года (или, может быть, сразу после иего) из Петрограда в редакцию „Правды" пришла большая кипа иового журиала „Пламя" с портретом Карла Маркса на обложке (в связи с его 100-летием). Мария Ильинична снарядила меня, моего брата и мальчика — курьера

[1] Нарком почт и телеграфов. *Ред.*

редакции продавать этот журиал с рук, прямо иа московских улицах. И вот мы бегаем по Москве и кричим: „Новый журиал „Пламя"! Столетие Маркса! Товарищи! Граждаие! Покупайте иовый художественный и общественио-политический журиал „Пламя"!"

Мария Ильинична иногда во время работы делилась отрывочными воспоминаииями о семье Ульяиовых, своей юиости и молодом Владимире Ильиче. Но это только невзначай, мимоходом и словио стесняясь. По-видимому, я и брат иапоминали ей что-то из ее далекого прошлого.

Имя Леиина произносилось в редакции часто. Помню, как однажды Мария Ильинична привезла пачку листов бумаги, исписанных острым, косым, по-видимому, очеиь быстрым почерком, без всяких помарок. В этот момеит в ее комнату вошел, по обыкиовеиию сутулясь и глядя через пенсие близорукими глазами, Николай Леонидович Мещеряков, члеи редколлегии „Правды". И она ему сказала: „Вот, иовая статья Владимира Ильича". Это была, кажется, рукопись леиинской статьи „Очередные задачи Советской власти". Тогда я впервые увидел почерк Леиина и его только что иаписанную работу, прямо из-под пера.

Мария Ильинична обедала в определенное время с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной в их кремлевской квартире. „Поеду домой, обедать, а то там меня уже ждут", — иногда говорила оиа. Однажды что-то ее задержало, и оиа довольио долго еще сидела в комиате редакторов. Зазвоиил телефон. У иас было правило — ие спрашивать, кто зовет Марию Ильиничну к телефоиу, а передавать ей сразу трубку. Но на этот раз я услышал в трубке голос, похожий иа голос Владимира Ильича, и ие смог удержаться, чтобы буквальио с замиранием

сердца не задать вопрос: „А кто ее спрашивает?" — „Скажите, что брат".

Я мчусь в комнату редакторов: „Марня Ильинична, вас Владимир Ильич зовет к телефону!" Она, подхватив длинную юбку, спешит к себе, н я слышу, как она говорит: „Володя, нзвнни, что опаздываю, заканчиваем (уж не помню, что нменно), сейчас приеду". И она, быстро беря что-то со стола, торопится домой.

Я вспоминаю, как нз рук вон плохо работал в те времена телефон. Дозвонnться куда-ннбудь было очень трудно. Я навсегда запомнил, что Ленин, когда звонил Марии Ильиннчне нз своей квартиры, сам соединялся с „Правдой". И только когда звонил нз служебного кабинета, просил своего секретаря соединить его...

Вспоминается еще зпизод 1918 года, связанный с Лениным. Красная площадь у Кремлевской стены. Владимир Ильнч выступает перед демонстрантами. Я стою со знаменем „Правды" в непосредственной блнзости от Ленина и окруживших его товарищей. Знамя тяжелое, бархатное, с золотымн кнстями н бахромой на большом древке. Я пытался его нести впереди нашей группы правдистов, но не хватило сил, и я зашатался. Один нз редакторов „Правды" подхватил его и донес до Красной площади, там вернул мне, сказав: „Теперь держите".

Вскоре я заметил, что фотограф нацеливает свой аппарат так, чтобы захватнть и Ленина с окружившими его товарищами, н наш ряд, стоящий со знаменамн на ступеньках от Кремлевской стены (а сзади нас находилнсь могилы жертв революции). Вдруг мне стало стыдно: еслн я получусь на фотоснимке, то могут подумать, будто я нарочно выставился вперед, с тем чтобы меня сфотографировалн почти ря-

дом с Лениным. И я быстро спрятался за древко знамени, которое держал в руках, стараясь затесаться в глубь наших рядов.

Сегодня я простить себе не могу этой чрезмерной застенчивости и щепетильности. Не все ли равно кто и что мог подумать, глядя на этот фотоснимок: ведь я же сам никак не старался нарочно попасть в объектив фотоаппарата.

В первых числах июля в Москве вспыхнул мятеж левых эсеров. Помню, как в редакцию вбежала Мария Ильинична и воскликнула: „Мерзавцы! Только что убили Мирбаха!" Она была очень взволнована, так что даже ее шляпка съехала набок. В редакции ее обступили с расспросами: „Как? Кто? Зачем?" Она сказала, что ничего еще не известно, но что это сделано с целью сорвать Брестский мир и вызвать войну с Германией.

Вскоре после подавления мятежа, как-то идя по улицам, я заметил на афишах сверху приклеенные маленькие листочки с контрреволюционными призывами. Большая овальная печать агентства „Гонец", которое занималось расклейкой афиш, в ряде случаев захватывала и контрреволюционные листочки. Значит, тот, кто ставил эту печать, их видел уже наклеенными на афиши. Несколько экземпляров наклеек я принес Марии Ильиничне. „Надо сейчас же дать знать об этом Феликсу Эдмундовичу", – сказала она и взялась за телефонную трубку. Действия ее были стремительны и оперативны.

В начале августа 1918 года интервенты захватили Архангельск, образовался Северный фронт, а командующим Северо-Восточным участком отрядов завесы стал мой отец. Я сказал Марии Ильиничне, что еду вместе с ним и прошу ее отпустить меня. Она согласилась и сделала это чисто по-матерински...

Молодые большевики, активные участники революционного движения в Ярославле в иачале века. Слева иаправо: Александр, Нииа Дидрикиль, Ольга и Михаил Кедровы, Мария Дидрикиль (фото 1903 г.)

Дача в Перловской (под Москвой), приiадлежала М. С. Кедрову. В годы революции 1905–1907 гг. здесь формировались боевые дружииы

Вл. Ильинъ

За 12 лѣтъ

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ

Томъ первый.

[illegible]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

[illegible]

1908.

Окна квартиры
в доме № 110
по Невскому проспекту
(современный вид),
где в 1907–1908 годах
помещалось издательство
„Зерно"

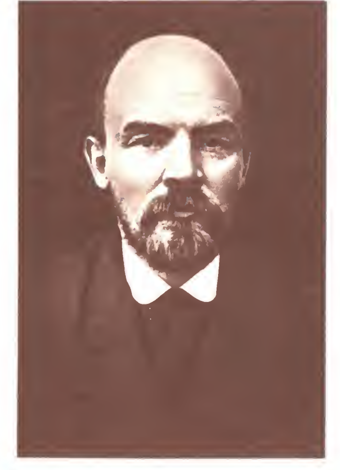
Обложка I тома
Сочинений В. И. Ленина
„За 12 лет"

Момент проводов
М. С. Кедрова на суд.
Слева от него стоят жена
и старший сын Бонифатий,
справа — тетя Мери.
В санях сидят средний
сын Юрий и Рудольф
Фраучи (в фуражке)

Берн.
Вальдхеймштрассе, 36
(быв. Мульденштрассе, 57,
дом в глубине улицы).
Здесь летом 1913 г.
В. И. Ленин слушал игру
М. С. Кедрова

Таким впервые видела наша семья В. И. Лениил

ВЛ. ИЛЬИНЪ.

МАТЕРІАЛИЗМЪ И ЭМПИРІОКРИТИЦИЗМЪ

критическія замѣтки объ одной реакціонной философіи.

ИЗДАНІЕ „ЗВЕНО"
МОСКВА
1909

Обложка книги В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм". 1909 год

Вилла Ружмон — один в Шайи (предместье Лозанны),
здесь жила семья большевика Л. С. Ривлина,
у которого в сентябре 1914 г.
останавливался В. И. Ленин.
Рисунок дома акварелью сделан
Бонифатием Кедровым в 1915 г.

М. С. Кедров
перед отъездом
на Кавказский фронт.
Рядом его жена
и сын Бонифатий.
Декабрь 1916 г.

Члены
Военной организации
при ЦК РСДРП (б),
Петроград 1917 г.
Сидят слева направо:
К. А. Мехоношин,
В. И. Невский,
Н. И. Подвойский,
П. Дашкевич.
Стоят: Б. М. Заиько,
М. С. Кедров,
В. Л. Панюшкин
(снимок 1920 г.)

товарищу
Ленину
(лично)
Ленин

Расписка В. И. Ленина на конверте, доставленном Б. Кедровым (осень 1918 г.)

Мы вернулись в Москву, мне исполнялось 15 лет, и я решил вступить в партию. Обратился за рекомендацией к Марии Ильиничне. Как сейчас, помню, поднялся я к ней в редакцию и сказал, что хочу стать членом партии, и поскольку собираюсь работать в „Правде", то хотел бы знать, не даст ли она мне рекомендацию. Она охотно согласилась, сказала, что я уже не тот юнец, каким пришел в „Правду", стал гораздо более сознательным. И добавила: вообще во время революции политическое созревание происходит гораздо быстрее, чем в годы мирной жизни. На небольшом листке бумаги своим ровным наклонным почерком она написала рекомендацию, подписалась „М. Ильина" и поставила небольшую печатку редакции газеты „Правда", которая лежала у нее в ящике письменного стола.

В декабре 1918 года меня приняли в члены РКП(б), а с 1 декабря того же года я стал снова работать в редакции „Правды".

Теперь мои функции усложнились. Главной моей задачей стало чтение почты. Я оставался все тем же техническим помощником секретаря редакции, но постепенно круг дел становился шире. Я по-прежнему выполнял любые поручения Марии Ильиничны, ездил туда, куда она меня посылала, подходил к телефону и т. п. Новым было то, что Мария Ильинична старалась приобщить меня к работе с рабкорами, давала обрабатывать письма рабочих, велела выбирать из них прежде всего те, которые следует, по моему мнению, поместить в „Правде". Она показывала, как надо редактировать письма и заметки, сохраняя стиль автора, его язык, устранять литературные шероховатости, исправлять грамматические ошибки. Учила, что рукопись надо редактировать, но не писать за автора, советовала там, где это возможно, обязательно сохранять образные и вообще характер-

ные выражения и обороты. Мария Ильинична любила говорить, что рабочие должны во всем чувствовать, что „Правда" — это их газета.

Помню, какова была моя радость, когда на страницах „Правды" появилось первое подготовленное мной письмо рабочего. Но иногда не получалось того, что требовала Мария Ильинична. Мне очень понравилось одно хлестко написанное письмо, направленное против инженерно-технического персонала какого-то завода. В письме ругали инженера, который якобы понимает в производстве, „как свинья в апельсинах". Я подготовил письмо к печати, но оно не пошло.

„Разве вы не видите, что писал его отсталый рабочий, зараженный духом „спецеедства"? — сказала Мария Ильинична, разъясняя мой промах.

Многие письма рабочих, особенно те, в которых содержались различные просьбы и жалобы, посылались на проверку или же с запросом о возможности удовлетворить просьбу. Авторам я составлял письменный ответ, который Мария Ильинична подписывала. Более пространные письма писала она сама.

Мария Ильинична буквально горела на этой работе, которая была ее любимым детищем. Своим энтузиазмом она заражала всех, и скоро благодаря ей рабкоровское движение превратилось в мощную опору „Правды", связывающую газету с самыми широкими рабочими массами.

И еще я заметил: со всеми без исключения Мария Ильинична была одинаково приветлива и проста, ко всем, включая наших курьеров — Пискунову, Пырина и других, относилась дружелюбно и уважительно, всем говорила „вы", со всеми здоровалась за руку. В ней чувствовалось настоящее человеческое отношение к людям, и оно проявлялось одинаково ко всем, независимо от того, какой пост —

высокий или совсем незаметный — занимал тот или иной человек. Скажу больше: как мне тогда казалось, в ее глазах простой рабочий был не менее, а может быть, и более важным в общественном отношении, чем „ответственный товарищ" из какого-нибудь наркомата или даже пом. или зам. „самого" наркома. О ее внимательном и заботливом отношении к людям, что сказывалось даже в мелочах, в памяти у меня осталось много живых эпизодов. Научиться быть таким человеком, как она, невозможно. Им надо было родиться...

Наступил 1919 год, пожалуй, самый тяжелый для молодой Советской республики. Под самый Новый год художник-карикатурист Дени нарисовал целую серию смешных карикатур на членов редакции „Правды", на некоторых авторов газеты и сотрудников. Их наклеили на большой лист бумаги, подписали и повесили в коридоре редакции. Тогда еще не родились стенгазеты, и все с интересом и любопытством столпились у этого прообраза будущей стенной печати.

Приехал Демьян Бедный, назвал Марию Ильиничну „хозяюшкой", шутил и острил. Помню, зашел тогда же в нашу комнату Шведчиков (заведующий трестом Главбумага, или коротко Главбум). Мария Ильинична стала жаловаться Демьяну Бедному, показывая на Шведчикова: „Видите, какую они нам плохую бумагу дают".

Демьян тут же скаламбурил:

Ну что ж! Главбум
Всегда действует наобум!

Все засмеялись, в том числе сам Шведчиков.

В ту же зиму мне пришлось побывать в кремлевской квартире Ленина, точнее сказать, на тамошней кухне. Произошло это при следующих обстоятельствах.

Время тогда было очень голодное. Зима с 1918 на 1919 год выдалась суровой, снежной. Дров и хлеба почти не было, а потому к сильному холоду прибавлялся не менее сильный голод. Однажды сотрудники „Правды" получили целый вагон картошки. Но разве это была картошка? Промерзшая насквозь, со льдом, землей и грязью. Очищенная от земли и грязи, она после варки превращалась в нечто несъедобное, подобие резины. Нужно было эту резину пропустить через мясорубку, а потом жарить на чем хочешь, вернее, на том, что было, хотя бы на касторке или глицерине. Рыбьего жира (не говоря уже о пищевых жирах) тогда не было и в помине. Каждому сотруднику полагался мешок такой вот почти несъедобной картошки.

Мария Ильинична обратилась ко мне: „Когда вы к себе завезете свой мешок, я вас очень попрошу свезти мой к нам домой, только вы входите со двора по черной лестнице, прямо на кухню, там отдадите нашей Ульяне" (кажется, так звали их домработницу). И шепотом добавила: „Скажу по секрету, у нас сегодня вечером есть нечего".

И вот тащу на спине по узкой витой лестнице двухпудовый мешок, попадаю в темную кухню кремлевской квартиры Ленина. Навстречу выходит невысокая и уже немолодая женщина и всплескивает руками от радости, узнав, что я привез картошку: „Вот, милый, спасибо тебе, сказать по правде, нам сегодня и есть было бы нечего".

Так из двух источников одновременно я узнал, что Владимир Ильич и его семья питались, как и все советские люди, получая лишь то, что положено по карточкам. В исключительном случае, наравне со всеми служащими и рабочими вплоть до курьеров и уборщиц, семья Ленина могла получить

один мешок мерзлой, грязной, неудобоварнмой картошкн...

Некоторые подробности о домашней жизнн Владимира Ильича я слышал от одной нз сотрудниц „Правды" – Сарры Крыловой. Она была профессиональной певицей н выступала на сцене. После перенесенного тифа она была без волос н, как мне говорнли, во время выступлений надевала парик. Мария Ильинична несколько раз приглашала ее в кремлевскую квартиру петь для Ленина его любнмые русские песни, которые он знал с детства. Крылова рассказывала, что у нее никогда не было более внимательного слушателя, чем Ленин, н ни для кого другого ей не было так отрадно петь.

Забегая далеко вперед, скажу, что в днн празднования 100-летия Марии Ильиничны я узнал, что Сарра Крылова жива. Я позвонил ей домой. Как странно было услышать ее голос спустя ровно 60 лет. Ведь так мало осталось в живых нз тех, кого я вндел н слышал в те легендарные годы...

А теперь вернусь к тем годам.

В редакции „Правды" я выполнял также курьерскую, но важную работу. По поручению Марии Ильиничны я доставал некоторые особо важные материалы для „Правды". Так, я регулярно ездил в Наркомпрод, в секретарнат зам. наркома А. И. Свидерского, за сводками продовольственного характера. Мне их вручала секретарь Свидерского – молодая, но очень серьезная девушка, Лиза Мнхайлова, с которой я потом учился вместе в Московском университете. Наркомпрод помещался в бывшей гостинице „Гранд-отель", которая расположена на площади Революции.

Однажды, это было в марте 1919 года, Мария Ильинична поручила мне доставку в „Правду" текущих материалов VIII съезда партии, который прохо-

дил в Кремле. Оиа сама вручала их мне в комнате, где, по-видимому, работала редакциоииая комиссия съезда, а я должеи был иемедленно, как можно скорее, доставлять их в редакцию „Правды". Помню длинные коридоры, по которым приходилось ходить в те дни за этими материалами, и какую-то особенно иапряжеиную атмосферу, которая чувствовалась и в здании, где проходил тогда партийный съезд, и во всем Кремле. Как и все поручения Марии Ильиничны, я и это дело старался выполиить как можно лучше — быстрее и аккуратнее.

Надо рассказать о ЧОНах и о их борьбе с бандитами. ЧОН — это части особого иазиачения, создавались они при партийных организациях прежде всего для борьбы против бандитизма и внутренней коитрреволюции. Вопрос о бандитизме косиулся и Леиина лично. Вскоре после иачала 1919 года приходит както раз в редакцию Мария Ильинична и рассказывает про страшный случай, происшедший с иею и Леннным иакануне. (Миого позднее я узиал, что это случилось 19 января.) Владимир Ильич, оиа и еще один сопровождавший их товарищ вечером поехали на автомобиле в Сокольннки в лесную школу, где отдыхала Надежда Коистантиновиа. Захватили для иее с трудом раздобытый бидоичик молока, который держал сопровождавший их товарищ. Темно, фонари ие горят, иа улицах заносы сиега.

За Каланчевкой кто-то остановил автомашину, закричав: „Стой!" Шофер стал объяснять, что автомашина Совиаркома: ои думал, что это патруль, оказалось — вооруженные бандиты. Кричат: „Вылезай!" Грозят револьверами. Вылезли. У Владимира Ильича выхватили бумажник, сели и уехали. Леиин сказал: „Идем скорее, ииаче оии узиают, кто мы и вернутся за иами". Так стороикой дошли до райсовета, и Владимир Ильич там крепко ругал кого-то

за то, что нет охраны, нет света, что у Председателя Совнаркома отняли автомобиль.

„А молоко Наде все-таки привезли", – добавила, улыбнувшись, Мария Ильинична[1].

Вечером дома отец сообщил нам вкратце об этом событии, о котором услышал в ВЧК. Но у отца были дополнительные сведения о поведении бандитов, завладевших ленинской автомашиной. Бандиты действительно вскоре вернулись за Лениным, узнав из захваченных ими документов, кто был у них в руках, кого они упустили. Но Ленина и его спутников уже и след простыл. Я спросил тогда отца: „А что бы эти бандиты могли сделать с Лениным?" Он подумал и ответил: „Они могли, конечно, его убить. Но могли бы потребовать огромный выкуп и для себя свободный выезд за границу. Пришлось бы удовлетворить их – ведь жизнь Ленина для нас бесценна. Хорошо, что все так кончилось, а могло быть куда хуже". И, улыбнувшись, добавил: „А ведь не растерялся Ленин в такой обстановке, вышел сам и ловко вывел своих спутников из такого положения".

Эта история имеет свое продолжение и окончание. Спустя несколько месяцев, уже летом 1919 года, чоновские отряды окружили и разгромили одну банду, убит был главарь ее. В кармане у него обнаружили записную книжку. Она была выставлена тогда в своего рода музее ВЧК, и я смог с нею познакомиться. Надо сказать, что бандитские главари того времени нередко были настроены поэтически, вели дневники „со слезой", были склонны к лирике и пафосу. Убитый был из этого сорта. Записная книжка была раскрыта на странице, датированной тем числом, когда был захвачен автомобиль Ленина.

[1] Более подробно об этом происшествии рассказывается в воспоминаниях М. И. Ульяновой в кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. М., 1984, т. 1, с. 173–176.

Здесь стояла запись, сделанная рукой бандита: „Я дал жизнь Ленину". А я подумал тогда: „Каким же беспардонным хвастуном был этот бандит, приписывая себе столь великодушный поступок. На самом-то деле он должен был с великим огорчением занести в свою писульку: „Сегодня я упустил Ленина".

Забегая еще дальше вперед, скажу, что летом 1920 года, будучи курсантом Свердловки, я купил и прочел только что вышедшую тогда книгу В. И. Ленина „Детская болезнь „левизны" в коммунизме". По поводу допустимости компромиссов Ленин привел там простое, доходчивое сравнение: „Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно... Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс „принципиально недопустимым" или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов..."

Я сразу догадался, что здесь Ленин имел в виду именно то событие, о котором Мария Ильинична рассказывала в холодное зимнее утро в начале 1919 года.

Но вернусь к зиме 1918/19 года. В это тяжелое во всех отношениях время коммунисты и рабочие в частях особого назначения учились владеть винтовкой, проходили строевую подготовку. В редакции меня выделили организатором нашего отряда ЧОН. Занятия проходили в одном из переулков, выходящем на бульвар около Трубной площади. Я горячо взялся за дело: как всякий мальчишка-подросток, я благоговел перед настоящей винтовкой и полагал, что так же должны думать и все. В ЧОН я записал не только мужчин, но и всех наших женщин, членов

партии, в том числе Марию Ильиничну и Надежду Михайловну Лукину. Они долго отказывались, говоря, что не представляют себе, как будут не только стрелять из винтовки, а просто держать ее в руках. Но я все же настоял на своем и убедил их. Я доказывал: что же они станут делать, если на них нападут вооруженные бандиты? Как дать отпор бандитам, если не владеть винтовкой? И я демонстрировал, как это легко и просто делается. Гордый тем, что сумел их убедить, я привел свой отряд на место сбора. Но как только Мария Ильинична и Лукина взялись было за винтовки, они почему-то выскользнули из их рук, а женщины замахали руками, заявив, что все равно стрелков из них не получится и что им лучше пойти в сестры милосердия. Старший товарищ (военрук-инструктор) так и решил...

Лето 1918 года и большую часть 1919 года я часто бывал вместе с отцом на фронтах гражданской войны. Каждый раз по возвращении в Москву я заходил в редакцию „Правды" к Марии Ильиничне и рассказывал последние новости из своей особоотдельской жизни, а она ужасалась тому, как мой отец не боится брать меня с собой в такие опасные поездки. Я же гордо улыбался и говорил: „Мария Ильинична, теперь я уже большой!"

В Москве есть улица Марии Ульяновой, выходящая на Ленинский проспект. Каждый раз, бывая на этой улице или проезжая мимо нее, я вспоминаю ту, имя которой она носит. Сегодня, хотя минуло с тех пор, как я работал в „Правде", столько десятилетий, дорогой мне образ Марии Ильиничны, как живой, словно искрящийся каким-то внутренним светом, встает перед моими глазами, и слышится ее тихий, немного глуховатый голос, посылающий меня к Подбельскому с просьбой починить редакционный телефон...

Очерк 6

Первые месяцы гражданской войны. К Ленину с донесениями. Май – сентябрь 1918

По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.

Красноармейская песня

В предыдущем очерке я рассказал о своей работе с Марией Ильиничной в 1918 и 1919 годах. Теперь я должен поведать о событиях тех лет, но не связанных с моей работой в редакции „Правды". Прежде всего я коротко расскажу о восстании в Москве анархистов, которые занимали ряд особняков на Поварской улице (теперь ул. Воровского). Над их особняками развевались черные флаги.

Мы жили тогда на Новинском бульваре, в доме № 101, бывшем особняке князя Шереметева, где разместился Наркомат военных дел (Наркомвоен). Тетя Женя после переезда из Петрограда жила в Леонтьевском переулке, и мы, ребята, нередко забегали к ней. Однажды, идя по Поварской, я увидел грузовик с военными. Он подъехал к особняку, занятому анархистами. Из него вышли несколько вооруженных людей, зашли в особняк, вывели оттуда растерянных бунтарей-анархистов, сняли со здания черный флаг и поехали к следующему очагу анархистского восстания. Так они за короткое время ликвидировали весь очаг восстания. Ни одного выстрела не было произведено.

Я простоял иа тротуаре до конца операции по очищению всей Поварской от анархистов и только потом пошел к тете Жене.

Три года спустя я вспоминал об зтом событии, когда в 1921 году в Москве хоронили теоретика анархизма Петра Кропоткина. Я провожал его гроб от Колонного зала Дома союзов до Новодевичьего кладбища и шел в колонне анархистов, выпущеиных иа один деиь из тюрьмы под честное слово для участия в проводах своего вождя.

4 июля 1918 года в Большом театре открылся V Всероссийский съезд Советов. Моя мать с гостевым билетом слушала доклад Леиина иа зтом съезде — отчет Совнаркома. Вернувшись домой, оиа рассказывала, что обстановка иа съезде была очень напряженная. Левые зсеры устроили во время речи Ленина обструкцию: орали, не давали ему говорить, выкрикивали всякие оскорбления. В зале стоял несмолкаемый шум. Перед докладом Ленина выступила вождь левых эсеров — Мария Спиридоиова, которая своей истерической речью и обвинениями по адресу Ленина и большевиков постаралась накалить обстановку. Во время ее выступления делегаты хотя и прерывали ее речь, ио уж во всяком случае ие выкрикивали никаких оскорблений. Когда же начал говорить Леиии, левые зсеры буквальио взбунтовались, кричали. Но Ленин ие реагировал иа зто. Сохраняя огромную выдержку, ои стоял иа трибуие, спокойно продолжая прерванную речь, и этим в коице коицов заставил утихомириться разбушевавшихся было левых эсеров.

Потом был объявлеи перерыв для заседания партийных фракций съезда. Большевики должны были собраться в отдельиом помещеиии, левые зсеры — в зале Большого театра. Это касалось и гостей. Мать говорила, что к ией подошел представитель больше-

вистской фракции и шепнул: „На выход". Она вместе с большевиками какими-то боковыми и черными ходами вышла на улицу. После этого все двери Большого театра были заперты, всюду выставлена вооруженная охрана, и вся левоэсеровская головка оказалась в ловушке. Никого из Большого театра больше не выпускали.

Все это мы узнали от матери, когда она со съезда вернулась домой.

6 июля был убит германский посол Мирбах. Я уже упоминал, что узнал об этом от Марии Ильиничны. Начался левоэсеровский мятеж.

Помню, что в этот день я шел по Большой Никитской (ныне ул. Герцена). Где-то около консерватории появился броневик и открыл пулеметную стрельбу вдоль улицы. Народ бросился врассыпную.

Потом Н. И. Подвойский рассказывал, каким был Ленин в эти опасные для Советской республики часы. Он был весь в движении, собранный и нацеленный на быстрое принятие мер и решений для быстрейшего подавления вспыхнувшего мятежа. Главное для него было – не потерять ни одной минуты для организации сил, способных немедленно разоружить мятежников, вывести их из строя, лишить возможности расширять и укреплять захваченный ими в первые часы мятежа плацдарм. Подвойский говорил, что он буквально летал, выполняя поручения Ленина, привлекая латышских стрелков, находившихся в летних казармах, поднимая по тревожным гудкам московских рабочих и выполняя десятки других поручений Ленина. Ни одной секунды Ленин не находился в спокойном состоянии: он был весь напряжен, весь кипел, заражая других своей энергией.

...Как же меня неприятно удивило, когда на предварительном просмотре фильма „Шестое июля" уви-

дел понурую фигуру Ленина, который в самый горячий, самый ответственный момент событий как-то отрешенно, медленно движется вдоль окна, завешенного шторой. Я сказал тогда режиссеру картины: „Это не Ленин! Ленин не был и не мог быть в такие минуты вот таким понурым и расслабленным. Напротив, чем тревожнее, чем опаснее была ситуация, тем собраннее, активнее, деятельнее становился Ленин".

Режиссер мне возразил: „Но ведь Ленин был человек, и ничто человеческое ему было не чуждо. Вот я и пытался отразить на экране момент, когда Ленин немножко пал духом". И режиссер не внял моей критике, моим уверениям, что в самый момент восстания (как это изображено в кинокартине) такого на самом деле не было. Так ради допущения абстрактной возможности – должен же Ленин когда-нибудь хоть ненадолго впадать в уныние – внесена явно фальшивая нота в целом неплохой фильм...

В конце мая 1918 года отец по заданию В. И. Ленина организовал „Советскую ревизию" для проверки того, как утверждалась Советская власть в северных губерниях – Архангельской, Вологодской и Ярославской. К этому времени союзники – англичане и К^0, высадились в Мурманске и оккупировали мурманский край под предлогом защиты его от немцев. Было ясно, что они на этом не остановятся, а попытаются захватить весь наш Север, а оттуда ударить по Москве. Задача, поставленная Лениным перед „Советской ревизией", заключалась в том, чтобы укрепить органы власти, ликвидировать здесь очаг контрреволюции, подготовиться к тому, чтобы дать отпор на случай интервенции, которую намеревались осуществить англо-французы и американцы.

В поезде „Советской ревизии" я выполнял роль связного, или, как отец говорил более торжествен-

но, роль фельдъегеря. Мне было поручено в кратчайший срок любыми способами доставлять в Москву материалы (пакеты), врученные мне отцом и другими работниками „Советской ревизии", и разносить их по московским учреждениям, куда они будут адресованы. А потом получить от всех этих учреждений обратные письма и столь же быстро и оперативно доставлять их назад. Все материалы были „секретные", „строго секретные" и „совершенно секретные". Ехать же на поездах действительно приходилось всеми возможными способами: когда в теплушке, когда в тамбуре или на паровозе, когда на подножке и даже на крыше вагона вместе с тысячами куда-то едущих и спешащих людей. Железнодорожный транспорт работал из рук вон плохо, топлива не хватало, пробки на дороге образовывались то и дело. У меня через плечо была надета кожаная сумка, как у трамвайных кондукторов, и в ней помещался весь перевозимый мною ценнейший груз. Другого багажа я не брал, дабы все свое внимание и бдительность сосредоточить на сумке.

...Сейчас, вспоминая мои рискованные, скажу резче, опасные поездки между Москвой и Севером, я удивляюсь, как это отец не боялся за меня. Он, очевидно, твердо верил в выносливость, ловкость и сообразительность сына и безгранично доверял мне. И это доверие я чувствовал всем своим мальчишеским сердцем и неизменно оправдывал его на все сто процентов.

А в промежутках между поездками я вел в поезде запись входящих и исходящих бумаг, надписывал адреса на пакетах, запечатывал их сургучной печатью и выполнял другие канцелярские обязанности.

Приехав в Москву, я прежде всего шел в Кремль отнести пакет, адресованный отцом Ленину. Это была довольно своеобразная процедура. Бюро про-

пусков в то время для входа в Кремль ие было, и решать вопрос — впускать пришедшего или нет — целиком предоставлялось на усмотренне часового. Подхожу к Кутафьей башне. Хочу войти. Часовой, опираясь в свободной позе иа винтовку, окликает меня:

— Пареиь, ты куда?

— В Кремль.

— А зачем?

— Вот привез Леиину пакет с Севера.

— А ну, покажь! — говорит часовой повелительно.

Показываю пакет с иадписью: „В. И. Ленину. Секретно. Лично. В собственные руки" — и пятью сургучными печатями — четыре по углам, одна в цеитре. Часовой вертит в руках пакет, что-то думает, а потом пакет возвращает и милостиво разрешает: „Проходи".

У входа в здание Совиаркома опять часовой, и история повторяется: ои тоже долго вертит в руках пакет с печатями, а потом пропускает. Длинные коридоры. Дохожу до иадписи иа двери: „Председатель Совиаркома В. И. Леиин (Ульяиов)". С замиранием сердца стучу и открываю дверь... Вот я сейчас увижу Леиина, совсем близко! Но... вхожу в комнату, оглядываюсь — Ленина нет! Напротив меня в конце комнаты сидит светловолосый молодой человек, смотрит на меня и очеиь вежливо спрашивает, что мне нужно. Отвечаю, что привез Ленину с Севера пакет. „Дайте мие его сюда, я распишусь", — говорит молодой человек.

Я решительио отказываюсь. „Не дам, — говорю, — видите написано: „В. И. Ленину. Секретио. Лично. В собственные руки Леиина!" Как же я отдам вам?"

„Ну, зиаете, — говорит мне молодой человек, — если бы Ленин сам прниимал поступающую к иему

почту, он бы только этим вынужден был заниматься. Я же сижу здесь для этого".

Я упорствую: уж очень мне хочется самому передать Ленину „в его собственные руки" драгоценный пакет. Кто знает? Вдруг Ленин узнает меня или спросит: „Мальчик, а ты чей?" А я с гордостью отвечу: „Я сын Михаила Сергеевича Кедрова". Но пока я мечтаю так, сидящий за столом молодой человек словно изучает меня. Проходит несколько минут, мы пререкаемся, наконец молодой человек встает из-за стола и предлагает: „Ну что ж, хорошо! Садитесь за мой стол, я открою дверь в кабинет Ленина, и вы увидите, как я передам Владимиру Ильичу ваш пакет в его собственные руки".

Я соглашаюсь. Уж, видно, не сбыться моей мечте. Сажусь на место секретаря и через раскрытую дверь вижу, как сидящий в глубине кабинета за столом Ленин разрывает доставленный мною пакет, вынимает из него бумаги и карандашом пишет на нем расписку. С этой распиской я ухожу из Кремля[1]. Мне хочется оставить ее себе, сохранить как самую заветную реликвию. Но этого нельзя: все расписки на конвертах от сданных пакетов я должен вернуть в „Советскую ревизию" ее секретарю, моему двоюродному брату Артуру Фраучи. Отец его зовет Артуром, и тот выбирает себе вскоре псевдоним Артузов, чтобы, когда к нему обращались, слышалось не фамильярное „Артур", а уважительное „товарищ Артузов".

Но все же один пакет с ленинской распиской мне удалось сохранить в своем личном архиве. Конверт разорван. На нем моим почерком написано „Товарищу (вырвана буква „В") И. Ленину" и снизу

[1] Недавно была поставлена телекинокартина „К Ленину в Кремль", в которой меня попросили рассказать весь этот эпизод, что я и сделал.

в скобках „(лично)", а наискось стоит расписка в получении, написанная толстым синим карандашом: „Ленин". Я долго ломал себе голову, как это конверт смог остаться у меня? На его обороте виден кусочек стоявшей на нем четырехугольной печати „...диумъ", очевидно, Моссовета, где работала моя мать. И я вспомнил, что однажды она написала сама личное письмо Ленину („по старой памяти", как она выразилась) и просила меня заодно передать Ленину вместе с корреспонденцией от отца. А ее конверт я мог оставить у себя: сдавать его было некуда...

Каждый раз перед обратным выездом из Москвы на Север я заходил во все учреждения, куда перед тем доставлял почту, и брал из этих учреждений, если оказывались, обратные пакеты. Всего таких поездок „туда и обратно" я проделал немало. Первая была из Ярославля в Москву и снова в Ярославль. Вторая – из Вологды в Москву. Третья – в Архангельск и обратно в Москву в начале июля вместе с поездом, после чего я месяц проработал в „Правде". Август я снова в Вологде, где на привокзальных путях в вагонах находился штаб Северного фронта, командующим которого был назначен мой отец. С фронта я возил донесения главным образом в Кремль Ленину, в военное ведомство и в ВЧК. Таких поездок было три, может быть, четыре. Я, конечно, не знал и не мог знать содержания пакетов, которые вез Ленину и от него в штаб фронта. Но кое о чем отец мне рассказывал, а иногда и показывал. Теперь эти документы опубликованы, и я при необходимости буду цитировать письма и телеграммы В. И. Ленина по Полному собранию сочинений.

2 июля 1918 года отец с частью сотрудников (я в их числе) приехал в Москву для доклада Ленину.

Позднее он вспоминал: „Ильич забросал меня множеством интересовавших его вопросов, на которые не всегда я мог найти удовлетворительный ответ. Уходя, я сознавал, что ничтожной части еще не сделано из того, что необходимо сделать, и твердо решил с удвоенной энергией продолжать возложенную на меня работу".

Время было голодное. Узнав об отъезде отца в Москву, рыбаки Севера, желая сделать подарок Ленину, послали ему две большие семги. Отец передал просьбу архангельских рыбаков принять подарок.

Полюбовавшись рыбами, Ленин сказал:

– Ну и хороша рыба, красивая, чудесная рыба!

И тут же нажал кнопку звонка. Вошел секретарь.

– Возьмите эту рыбу, – сказал Владимир Ильич, – и отправьте ее в детский дом и проследите, чтобы она попала детям. То-то будут довольны ребятишки. А архангельским рыбакам, Михаил Сергеевич, передайте от меня большую благодарность.

Оставив часть сотрудников „Ревизии" в Москве, отец снова по указанию Ленина выехал в Архангельск.

Проезжая Вологду, отец провел важную операцию. От имени Советского правительства он предложил всему составу иностранных посольств покинуть Вологду, так как пребывание их здесь было признано нежелательным[1].

В Архангельске обстановка стала к тому времени еще напряженнее. Получив сведения о появлении кораблей иностранных захватчиков в водах Белого моря, отец решил сам произвести морскую развед-

---

[1] Послы „союзников" с марта 1918 года обосновались в Вологде, чтобы оттуда содействовать началу интервенции. Иностранные посольства вскоре переехали в Архангельск, и Вологда освободилась от контрреволюционного гнезда.

ку иа ледокольной паровой яхте „Горислава", иа которой были установлены две четырехдюймовые пушки и четыре пулемета.

У острова Мудьюгский в море был замечеи морской портовый буксир „Митрофан", лежавший в дрейфе без паров. Явившийся иа шлюпке его капитан сообщил, что иа борту его судна иаходится английская разведка.

Пересадив иа „Гориславу" пленных англичан, яхта взяла курс иа Архангельск, откуда пленные были отправлеиы в Москву.

Результатами разведки отец был удовлетвореи: при допросе англичаие дали весьма ценные показания.

Функции „Советской ревизии" закоичились. Начались действия прямого военного характера.

Оценивая работу отца и его „Ревизии" до захвата Архангельска англо-французами, А. А. Самойло писал в своей киите „Две жизии":

„Большая и весьма положительиая роль в укреплеиии советского строя иа Севере принадлежала М. С. Кедрову. Если говорить коротко, Кедров в кратчайший срок и иа моих, что называется, глазах освободил советские, партийные и общественные организации от засилья неблагоиадежных элемеитов; укрепил моральио-политическое состояние в многочисленных рабочих организациях, иа заводах и фабриках; руководил ликвидацией ряда восстаний; разогнал контрреволюционные организации в Вологде и в тыловых райоиах Севера; пресек ряд измеи. Решительными мерами Кедров сохранил для Советской власти огромные материальные цеииости... упорядочил финансовую систему северного края, подготовил к обороне Архангельск и Архангельскую губериию, обеспечив фланги обороны иа востоке и иа западе... Миого сделал Кедров и для

укрепления военного аппарата вновь создаваемой регулярной армии, установил крепкую связь его с местными организациями. Он непосредственно руководил начальными военными действиями, задержав продвижение интервентов..."[1]

Участник гражданской войны на Севере А. Д. Метелев также вспоминал в своей книге „Падение Архангельска" (М., 1926): „...во многом нам помогла комиссия Кедрова; она спутала первоначальные планы захвата Архангельска. Не будь этой комиссии, Архангельск пал бы по крайней мере месяцем или полутора месяцами раньше, т. е. как раз в момент ярославского восстания, подготовленного тоже с участием дипкорпуса".

Ленин предвидел интервенцию на Севере. Накануне захвата Архангельска интервентами, в конце июля, отец снова приехал в Москву и был у Ленина. Он доложил Ленину об общем положении на Севере и об отдельных заслуживающих внимания моментах: об окончании эвакуации (осталось грузов всего на два-три поезда), о выезде послов, о неудаче мобилизации, о необходимости направить туда войска. Было решено предоставить отцу дополнительную воинскую силу и назначить его отъезд на ближайшие дни.

Все это отец рассказывал нам дома перед отъездом снова на Север. Он говорил о том, как заботливо, как внимательно расспрашивал его Ленин, не забывая даже о мелочах.

Еще до захвата Архангельска интервентами губернские и уездные Советы получили указание об организации отпора интервентам и белогвардейцам, подписанное Лениным и Свердловым. В нем говорилось, что при попытке врага перейти в наступление

---

[1] *Самойло А. А.* Две жизни. М., 1958, с. 219–220.

местное население обязано под руководством своих Советов в первую очередь вывозить боевые припасы, а также зерно, муку, угонять скот; всеми силами и средствами затруднять врагам движение вперед, устраивать засады, действовать огнестрельным и холодным оружием; обеспечить себе тыл, а для этого поголовно истреблять шпионов, провокаторов, белогвардейцев, контрреволюционных предателей, которые оказывают прямое или косвенное содействие врагу.

Трудящиеся советского Севера неуклонно руководствовались этими ленинскими указаниями.

30 июля 1918 года, получив по указанию Ленина в свое распоряжение орудия, пулеметы и боеприпасы, специальным воинским поездом отец выехал в Архангельск. По дороге он остановился в Вологде, где издал приказ: „Северную железную дорогу Вологда — Архангельск объявить на осадном положении. Пассажирское движение на этом участке с сего числа прекратить".

1 августа „поезд Кедрова" выехал из Вологды на Север. На всем пути его следования отец был непосредственно связан через Бонч-Бруевича с Лениным и держал его в курсе событий.

В ночь на 3 августа поезд прибыл на станцию Тундра (в 40 верстах от Архангельска). Машинист, который вел поезд „Советской ревизии", Иван Васильевич Викторов, впоследствии рассказывал об этих тревожных днях:

„Приезд Кедрова в Тундру сразу воодушевил людей, преданных делу революции. Михаил Сергеевич быстро навел порядок и дисциплину. По его приказу в Тундре были задержаны бежавшие из Архангельска воинские эшелоны. Когда работники „Ревизии" обошли все вагоны этих эшелонов, то подчиниться отказались только несколько пьяных солдат.

Для создания отпора иеприятелю, вторгшемуся по железной дороге, М. С. Кедрову необходимо было выяснить, сколько железнодорожников перешло иа сторону интервентов и сколько осталось иа стороне Советов...

Для борьбы с оккупантами по указанию Кедрова тут же, на месте, был создан военный отряд. Его ядро образовали латышские стрелки „поезда Кедрова" и коммунисты, которым удалось вырваться из Архангельска. В отряд влились также рядовые красиоармейцы, отступившие из Архангельска. Большинство сотрудников „Ревизии" вступили в иего добровольцами. Начальником отряда Кедров назначил Александра Эйдука. Отряд быстро погрузился в товарные вагоны, вагоны прицепили к моему паровозу, и я повел этот воинский состав по иаправлению к Архангельску, занятому белыми. В этом же поезде ехал с нами и Кедров. Намерения были такие: выбить белогвардейцев из Исакогорки и двинуться дальше к Бакарице и Архангельску-пристани, чтобы закрепиться иа левом берегу Двины.

По мере продвижеиия поезда приходили иифор-мации о положеиии дел в Архангельске. Кедров тут же передавал получеиные сведеиия по прямому проводу в Москву, Леиину...

Не зная, где иаходится иеприятель, мы вынуждены были ехать тихим ходом. Проехав мост через реку Илас, мы увидели иа пути препятствие – разобранные рельсы и два сваленных паровоза, один из них был еще под парами. Предательская рука свалила паровозы, чтобы преградить иам путь к Архангельску. Пришлось остановиться.

У отряда ие было иикаких приспособлений и инструментов, чтобы удалить с пути паровозы и исправить полотно. Убедившись, что поездом ехать

дальше невозможно, вооруженный пулеметами отряд выгрузился из вагонов и пошел дальше пешком. До Архангельска оставалось всего 14 километров. Но попытка захватить Исакогорку не удалась. Сил для этого оказалось слишком мало. Пришлось отступить сначала к Тундре, а затем дальше на юг до станции Обозерская, сыгравшей впоследствии такую важную роль в развитии событий на Севере. Кедров решил сделать эту станцию опорным пунктом нашей обороны, а затем и развернутого наступления на Архангельск. Сюда я и доставил „поезд Кедрова".

Итак, Архангельск оказался в руках интервентов и белых. Этому в значительной мере способствовала измена военных специалистов, пробравшихся в штаб обороны города..."

Приостановив на станции Обозерская дальнейшее продвижение неприятеля на юг, командование утвердило надежных командиров для прибывших на фронт воинских частей. Кедров организовал фронтовое управление и штаб. Начальником штаба был назначен А. А. Самойло. Несколько дней спустя на заседании Высшего военного совета Кедров был назначен командующим Северо-Восточным участком отрядов завесы.

„Кедров не сразу согласился с этим назначением. Он написал даже заявление, в котором так объяснял причины своего несогласия: „Для меня, никогда не служившего в строю, неискушенного в военном искусстве и имевшего боевой стаж только как организатора боевых дружин в 1905 году и в 1917 году, как член „Военки", подготовлявший большевистские силы для Октябрьской революции, было бы непростительной ошибкой принять ответственность за военные операции на новом фронте, где выступили на сцену регулярные англо-французские войска".

Кедров просил назначить другого командующего, но его просьба не была удовлетворена. Непосредственную помощь буквально во всем оказывал новому командующему Ленин. Он и резко критиковал, и всемерно поддерживал, и давал советы, и тщательно проверял. Это был строгий, требовательный и вместе с тем удивительно чуткий, внимательный, а главное, бесконечно мудрый руководитель: он глядел далеко вперед, неизмеримо дальше всех, кто с ним работал, кто под его руководством отстаивал плоды Великой Октябрьской революции.

Всякий раз по приезде в Москву Кедров прежде всего бывал у В. И. Ленина".

Так рассказывал И. В. Викторов, вспоминая впоследствии о тех днях, когда иностранные интервенты захватили Архангельск и рвались к сердцу Советской России – Москве, надеясь прорваться к ней „с ходу" через Вологду и Ярославль. Но их зловещий план был сорван, по общему признанию, благодаря смелой и решительной деятельности М. С. Кедрова и его сотрудников по „Советской ревизии". Я помню, как в Вологде был раскрыт белогвардейский заговор. В него входили бывшие царские офицеры и один бывший генерал.

Пароль у них был такой: на обращение „пэ" надо отвечать „ша". Значило, что это свои.

Александр Эйдук долго и тщетно допрашивал арестованного генерала, который упорно отказывался признать себя заговорщиком и твердил о своей лояльности к Советской власти. Эйдук протоколировал его показания, потом внезапно прервал запись и бросил в лицо оторопевшему генералу „пэ!". Тот от неожиданности привскочил и радостно воскликнул: „Тоже наш?!"

– Вот ты и попался! – со злорадством сказал ему Эйдук.

Тогда генерал молча схватил протокол допроса и наискось начертал на нем, что он ненавидит Советскую власть и участвует в подготовке ее свержения. Я видел этот протокол с генеральской „резолюцией".

В те дни Ленин запрашивал телеграфно отца:

„Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности? Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость или нерадение"[1].

И. В. Викторов впоследствии по этому поводу вспоминал:

„Слабости Кедров не проявил. Некоторые работники в Вологде опасались, что беспощадная борьба с контрреволюцией вызовет восстание, которого до сих пор удавалось избежать. Однако иного мнения на этот счет придерживались сами контрреволюционеры. Один из вожаков „Союза возрождения" писал позже: „...вследствие репрессий по отношению к Вологде, массовых арестов, поквартальных обысков и облав было решено выступление в Вологде не организовывать. Работу в ней „Союза возрождения" ликвидировать и вывести остатки наших сил из Вологды, спасая их от разгрома со стороны Кедрова".

Это произошло после того, как Михаилу Сергеевичу вместе со своими сотрудниками удалось раскрыть широкую контрреволюционную офицерскую организацию, которая действовала на севере республики и преследовала открыто монархические цели. Главный штаб ее находился в Петрограде, а отделения — в целом ряде городов, в том числе и в Вологде. Фактическое руководство организацией осуществляло английское консульство. Первоначально контрреволюционеры предполагали поднять восстание в Вологде 8–9 августа, но из-за недостатка боеприпасов и оружия осуществить этот план не уда-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 172.

лось. Ликвидация офицерской подпольной группы повлекла за собой раскрытие еще одной контрреволюционной организации, значительно более многочисленной н гнбкой, а потому н более опасной. Это так называемый „Союз возрождения России", в который входилн самые различные враги Советской власти – от кадетов до „социалистов".

По зтому поводу М. С. Кедров телеграфнровал В. И. Ленину н Я. М. Свердлову, что в районах Вологды и Череповца обнаружены белогвардейскне ячейки, пренмущественно нз бывших офицеров, намеренные поднять восстание белых в тылу на случай приблнження англичан. „Арестован целый ряд участннков, часть которых собственным сознанием вполне раскрыла всю организацию, действовавшую при помощи н вокруг англнйской миссии в Вологде..."

Напоминанне Ленина о необходимости усилить бднтельность было позтому как нельзя более своевременным.

Леннн шлет Кедрову на фронт пнсьма и телеграммы с указаннямн н практическими советами, которые Михаил Сергеевнч проводил в жизнь с подлинным знтузназмом. Так, получив от Ильича указание об использовании местной буржуазии для рытья окопов, он тут же объявил мобилнзацию, н в результате на фортифнкационные работы было направлено свыше тысячи человек.

Следуя предписаниям Ленина, Кедров после получения сведений о готовившихся контрреволюционных выступлениях в тылу обязал губнсполкомы:

„Немедленно принять решительные меры к остановке в самом зародыше распространившейся волны контрреволюционного движения. Напрячь все силы, чтобы противопоставнть зарождающейся волне контрреволюционного движения свою широкую

волну революциоиного движения в форме организации военно-революционной обороны"[1].

Отец много раз подчеркивал огромную помощь, которую оказывал Леиин Севериому фронту. Он писал: „Всю работу по организации фроита проинзывало личное руководство В. И. Ленина. Ои уделял иам исключительиое виимание. Он лично запрашивал о положенин на фронте, оказывал помощь. Мие помнится, как Ленин нам переслал тяжелую артиллерию. Ленин узиал, что по приказу Высшего воеиного совета три батареи в полном составе отправлены иа Урал. Ленин запросил: по какой дороге отправлеиа артиллерия? Ему ответили: по Северной. Леиин снова запросил: где сейчас иаходится отправлеиная артиллерия? Ему ответили: подходит к Вятке. Тогда Ленин отдал следующее распоряжеиие: предлагаю немедленно эти три батареи разыскать в пути, вериуть с Урала и срочно направить под Архангельск в распоряжеиие Кедрова.

...К шести с половиной часам утра все уже было сделано. Эшелоны с артиллерией повернули на Котлас для установки иа судах Северодвинской речной флотилии".

В организации борьбы с вторгшимися на Север интервентами и белогвардейцами, говорил отец, Ленин отводил большое место речной Северодвинской флотилии.

Бывали сообщения от моего отца, которыми Леиин был особеино доволен. Такова была телеграмма от 13 августа о победе иад врагом на Северодвинском направлеиии: „Наш отряд судов под командой товарища председателя Архангельского губисполкома Павлина Виноградова встретился

[1] *Викторов И.* Подпольщик, воин, чекист. М., 1963, с. 56.

с превосходящими силами противиика в устье Ваги и ианес противнику поражение. Из пяти иеприятельских судов судно „Заря" взято нами в плеи со всеми припасами, грузами и четырьмя пулеметами..."

Телеграмма была помещеиа в „Известиях ВЦИК" 14 августа 1918 года. На ней Ленин иаписал: „В печать. Крупная победа иад англичанами и белогвардейской сволочью".

Еще больший успех одержали иаши войска иа железнодорожном направлеиии в райоие Обозерской, о чем отец также сообщил в Москву.

Отец часто говорил, что Ленину приходилось фактически быть главиокомандующим и что Ленин требовал присылать ему самые подробные отчеты и оперативные сводки и руководил ходом военных операций.

Все эти события проходили иа моих глазах, иередко требуемые Леииным сводки и отчеты из штаба Севериого фронта отвозил ему я. Помню, как однажды приехавший в Москву с фронта отец, очень расстроенный, рассказал матери в иашем, то есть ребят, присутствии, что его страшно изругал Ленин за самовольный выезд в Москву с фроита, но обещал во всем помочь. И отец показал записку, написанную рукой Ленина, в которой он требовал, чтобы ему назвали имена шести бывших генералов, и просил предупредить их, что будут расстреляны, если все запрашиваемое отцом не будет своевременно доставлено на Северный фроит. Показывая эту записку, отец добавил, что он жаловался Ленину на саботаж и волокиту в военном ведомстве.

Теперь я приведу воспоминания из „Красной тетради" об этом поистиие крутом периоде в жизни всей нашей страны:

„Июль 1918 года. Гроза интервенции нависла иад Архангельским краем. Мурман уже удушен со-

юзниками, очередь за Архангельском н Вологдой, где с наглой откровенностью готовится при деятельном участии ниостранных миссий переворот. В тылу подняла голову контрреволюция н вспыхивают белокулацкие восстания в Ярославле, Муроме, Владимире. Не сегодня завтра будет нанесен последний удар на Севере, н замкнется железное кольцо вокруг рабочей республикн. А у нас нет реальной силы, которую мы можем противопоставнть наглому врагу.

Еду с докладом в Москву. На Северном вокзале встречает меня специально посланный Ильичем товарищ с сообщением, что товарнщ Ленин ждет меня. Десяток минут спустя нахожусь в Кремле, в кабинете Ильича. Владимир Ильич в очень хорошем настроении. Когда я докладываю, он то н дело вставляет какое-нибудь лукавое словцо н слегка подшучивает надо мной. Но не только подшучивает. Он уже все обнял, взвесил, решил... В его шуточках нетрудно прочитать и указанне на то, что не все сделано, как надо, и совет, и наставление для будущего".

Далее, рассказывает отец, вошел представнтель военного ведомства. ,,Разговор сразу принял офнциально-деловой характер. Задав несколько вопросов, он сказал:

– Только что получено сообщенне из Архангельска, что на Белом море крейснрует английская зскадра н что со дня на день нужно ожидать интервенции. – Он настаивал на немедлеином моем выезде обратно в Архангельск.

Я запротестовал. Еслн интервенция близка, то необходимо располагать немиого большей боевой силой, нежели 30 имеющихся в моем распоряжении латышских стрелков.

– Да и хотелось бы также день-два отдохнуть, – добавил я.

При последних словах Владимир Ильич громко рассмеялся.

– А, передышку запросил! – заметил Ильич, и я видел, что он на таковую согласен.

Было решено предоставить мне некоторую воинскую часть, а также несколько орудий и пулеметов, с которыми я через 2–3 дня выехал на Архангельск.

И, находясь в пути на Архангельск и участвуя в первых стычках со вторгшимися в край англо-французами, я держал связь с Кремлем и чувствовал невидимую руку, которая направляла и руководила всеми военными операциями.

На одной из станций Владимир Ильич через Бонч-Бруевича по прямому проводу запрашивал о перевороте в Архангельске и давал советы. „Закрыто ли устье Двины, – говорится в телеграмме, – не является ли необходимым произвести заграждение последней где-нибудь далее, выполнены ли задания взорвать два ледокола в устье Двины при наступлении, возможность наступления по Двине, а также не знаете ли, выведены ли пароходы из Северной Двины, и вообще, осветите положение настоящих минут".

Когда затем мы попали в белогвардейскую зону и на 2–3 суток связь с Москвой была прервана, Ильич в течение целой ночи сам вызывал к прямому проводу вологодских товарищей – Ветошкина, Элиаву, Саммера, информировался у них о положении дел и выяснял судьбу нашего поезда.

Не удовлетворившись уверениями о спокойствии в Вологде и предвидя возможность переворота, он в тот же день командирует туда, на случай белогвардейского переворота, в качестве информатора европейски одетого молодого человека, в бархатном костюме, и лично его инструктирует. Его я застал в Вологде неделю спустя: для советской Волог-

ды он являлся белой вороной, привлекавшей к себе общее внимание.

В первую же неделю продвижение англо-французов в глубь страны было приостановлено, и непосредственная угроза занятия Вологды устранена. Но вновь открывшемуся фронту грозила другая опасность: развалиться от отсутствия продовольствия и боевого снаряжения.

Телеграммы не имели действия. Продовольственные управления саботировали снабжение. Я снова выехал за помощью к Ильичу, захватив с собой управделами Эйдука.

Рано утром следующего за выездом дня мы были уже в Москве. Немедленно с вокзала явились в Кремль.

Ильич встретил нас сверх всякого ожидания очень гневно. Но в его гневе чувствовалось доброе, товарищеское отношение.

– Как можно было оставлять в такое время фронт?.. Теперь все дело развалится.

– Позвольте, Владимир Ильич! Ничего не может случиться.

Распекая нас, не хотел выслушивать никаких оправданий.

– Мало того, что сами уехали, так еще его с собой прихватили, – указывая на Эйдука, немного смягчаясь, говорил Ильич. – Оставили на фронте одних мальчишек! Хороших дел натворят они там...

Я улучил момент и, захлебываясь, одним залпом, передал, что в Обозерской организован штаб, что на фронте нам лично сейчас делать нечего, что предполагаем перенести штаб фронта в Вологду и что всего двое суток решили потерять, чтобы при содействии Ильича сломить наблюдающийся саботаж и волокиту.

– Как это двое суток? – перебил Ильич. – Когда вы выехали? Когда будете на месте?

Ответил.

– Все-таки не нужно было ехать, могли бы написать обо всем. Что же вам нужно? – уже спокойно спросил Ильич.

Я прочитал по записке длинный список предметов, в которых ощущалась острая нужда.

Разговор происходил стоя в зале Совнаркома, у небольшого стола, находившегося в нескольких шагах от двери кабинета Ильича. Владимир Ильич нагнулся к столу и написал предписание Высшему Военному Совету:

„9 августа 1918 г.

Немедленно дать просимое;

сегодня же отправить из Москвы;

дать мне тотчас *имена* 6 генералов (бывших) (и адреса) и 12 офицеров генштаба (бывших), отвечающих за точное и аккуратное выполнение этого приказа, предупредив, что будут расстреляны за саботаж, если не исполнят.

М. Д. Бонч-Бруевич должен мне письменно тотчас через самокатчика ответить на это.

Председатель СНК *В. Ульянов (Ленин)*"[1].

– Непременно сегодня выезжайте, – передавая записку, заметил Ильич и затем, прощаясь, сказал:

– Если что нужно будет, пишите!

В тот же день на заседании Высшего Военного Совета, когда состоялось назначение меня командующим фронтом и я собирался уходить, т. Склянский дружески задержал меня: „Владимир Ильич поручил мне взять с вас подписку, что вы больше не будете приезжать в Москву без его разрешения. – На лице его играла свойственная ему усмешечка.

– Выдумываете! – категорически объявил я.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 141

— Нисколько, дословно передаю распоряжение, — еще раз подтвердил он.

Мне стало обидно. Я считал безусловно необходимым выезд в Москву.

— Не приехал бы, — сказал я раздраженно, — больше вреда причинил бы фронту.

Указание Ильича принял к руководству, но подписки о невыезде не дал.

Весь остаток дня меня грызла мысль, что в интересах фронта я должен был так поступить и что, видимо, не сумел достаточно убедительно обосновать мотивы выезда.

С дороги[1] отправил Владимиру Ильичу письмо, в котором сообщал, что, несмотря на мощную его поддержку и исключительное впечатление, произведенное в военных управлениях его запиской, удалось получить только небольшую часть просимого. „Если бы не выехал, — упорствовал я, — фронт не получил бы и этого". Польза приезда налицо, и напрасно Владимир Ильич встретил меня так немилостиво.

Два дня спустя (12/VIII 1918 года) Владимир Ильич ответил телеграммой:

„Вологда, Губисполком, Кедрову.

Вред вашего отъезда доказан отсутствием руководителя в начале движения англичан по Двине.

Теперь Вы должны усиленно наверстывать упущенное, связаться с Котласом, послать туда летчиков немедленно и организовать защиту Котласа во что бы то ни стало.

Предсовнаркома *Ленин*"[2].

Защита Котласа во что бы то ни стало, но и тут Владимир Ильич, как всегда, предвидит и худший

---

[1] Это письмо было отправлено со мной. *Б. К.*

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 147. *Ред.*

конец и, зная, что в Котласе сосредоточены громадные запасы взрывчатых веществ, не ограничивается одним приказом, а командирует ко мне двух товарищей (Уралова и Ногтева) с собственноручным письмом. В письме Ильич рекомендует товарищей как преданных и стойких, хотя и незнакомых с подрывным делом, и указывает цель командирования: произвести подготовительные меры к взрыву котласских огнеприпасов и взорвать их в критическую минуту.

Одновременно товарищ Ленин отдает приказ Муралову, бывшему тогда командующим войсками Московского округа: разыскать отправленную из Москвы на Урал батарею тяжелой артиллерии и срочно переотправить ее в распоряжение Кедрова...

Батарея, направленная в Котлас, возможно, спасла Котлас с его неисчерпаемыми запасами от уничтожения. И помощь, оказывавшаяся нашему фронту, который товарищ Ленин считал „особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу"[1], вне сомнения, оказывалась и остальным фронтам. В критическую минуту все спешили к Ленину, как к якорю спасения.

Иных военачальников и партийных бюрократов раздражали подобные обращения не по команде. Вот телеграмма одного из таких лиц: „Указываю вам на недопустимость обращения к тов. Ленину помимо Главкома и Военного Совета". Но Владимир Ильич, как мы видели, сам разрешал обращаться к нему за помощью и не оставлял без внимания ни одного вопроса, даже специально военного.

Я приведу здесь еще одно письмо Ильича, датированное 29 августа 1918 года — днем кануна его ране-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 240.

ния. Последний абзац письма является ответом на жалобу вологодских товарищей, которые указывали, что благодаря „кедровщине" в Вологде вспыхнет восстание, которое им удавалось до сих пор предупреждать. Ильич, как видно из письма, держался другой точки зрения, чем вологжане.

Вот это письмо:

„т. Кедров! Вы мало сообщаете фактического. Присылайте *с каждой оказией* отчеты.

Сколько сделано фортификационных работ?

По какой линии?

Какие пункты ж.-д. *обеспечены* подрывниками, чтобы в случае движения англо-французов большими силами мы взорвали и разрушили *серьезно* **такое-то** (какое именно, надо дать отчет, и где именно) мостов, верст железных дорог, проходов среди болот и т. д. и т. п.

Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности? Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость или нерадение.

Привет! *Ленин*"[1].

...Считаю необходимым подчеркнуть, что если удалось на первых же шагах парализовать наступление превосходящего и по численности и по технике противника и расстроить его планы, то в этом прежде всего заслуга ЦК нашей партии и прежде всего товарища Ленина. Задача была выполнена потому, что среди общей расхлябанности и растерянности твердая рука... вела советский корабль к намеченной цели".

Так писал отец. Как мне кажется теперь, борьба за советский Север была кульминационным моментом всей его жизни, всей его революционной деятельности. И он от начала до конца был связан с Лениным, вдохновлен Лениным. Разумеется, и позже

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 172. *Ред.*

были яркие момеиты в его жизни, тоже связанные с Леииным, но они уже ие имели того масштаба н характера, как те два месяца – июль и август 1918 года.

В жизни отдельиого человека бывает такой момеит, когда в силу виезапного стечения обстоятельств в этом человеке до конца н удивительно полно вдруг раскрываются дремавшие илн не проявлявшиеся в ием до сих пор силы н способиости. На короткие мгновения человек как бы вспыхивает ярким светом, и таким ои потом входит в историю, в память человечества. Так у отца такой яркой вспышкой в его биографии был нюль–август 1918 года.

...Изучая впоследствии творческие биографии различных ученых и изобретателей, я обнаружил такую же картину: в их жизни и творческой деятельности вспыхивают такие же яркне полосы, когда их творчество достигает на короткий срок наивысшего предела, выливаясь в выдающееся научное открытие или изобретение, а затем, словио не выдержав такого иапряжения, постепеиио ослабевает, идет на убыль.

Забегая вперед, скажу, что теперь я нногда спрашиваю себя: была ли в моей собственной жизни такая же яркая и счастливая полоса? Мне кажется, была – это те полтора года, когда по моей инициативе был создан летом 1947 года журнал „Вопросы философни" и мне удалось выпустить в свет его первые номера...

30 августа до Вологды дошла страшная весть: Ленин тяжело ранен... Словно огромная рука протянулась из иеведомого и сжала со всей силой сердце. В глазах потемнело, мысли оборвались... Нет, не может быть! Разве может существовать на свете глаз, который прицелился, рука, которая навела дуло револьвера, палец, который спустил курок? И в кого? В Ленина! Это – как выстрел в иаше собственное

сердце. Не верилось, не хотелось верить... Но это была правда, и от нее нельзя было никуда уйти... А потом ожидание очередных бюллетеней о состоянии здоровья Ленина, неумолкающая тревога за его жизнь, неугасимая надежда на выздоровление.

Как только весть о ранении Ленина дошла до Вологды, моя мать, находившаяся в штабе фронта вместе с отцом, уехала в Москву, сказав, что, может быть, потребуется сиделка для ухода за раненым. Отец писал позднее в своих воспоминаниях:

„Был момент, когда предательская рука готова была дать торжество белогвардейцам... Помню день — день получения на фронте потрясающего известия о ранении Ильича. Дрогнул фронт... Но то был миг... И вспыхнул огонь, ленинский огонь в каждом бойце, и огненной волной прокатилась по необъятному фронту непоколебимая клятва: „Отомстим! Победим!"

Ошиблись враги. Ленин будет жить — такова воля пролетариата. Он и раненый оставался тем незримым вождем Красной Армии, который и в донских степях, и в кавказских горах, и в сибирской тайге, и в архангельской тундре вел красные полки вперед, к конечной победе. И смерть в бессилии отступила перед гением Ильича..."

Прошло несколько дней, и военное ведомство добилось смещения моего отца с поста командующего фронтом; явной причиной было то, что отец не соблюдал военной субординации и через голову начальства обращался непосредственно к Ленину.

Итак, мы снова с отцом в Москве. Нельзя передать той радости, которая охватывает нашу семью и весь советский народ при чтении известий о начавшемся выздоровлении Ленина. „Он снова с нами!" — эти слова звучат в сердце каждого из нас.

Очерк 7

Курьер Московского комитета партии. Слышу Ленина. Сентябрь – ноябрь 1918

„Ленин – с нами!"
Демьян Бедный

Первые тревожные бюллетени о состоянии здоровья Ленина сменялись все более успокоительными, и наконец пришла радостная весть – Ленин поправился.

После возвращения с Северного фронта в сентябре я до декабря 1918 года работал курьером в агитотделе Московского комитета партии, секретарем его был тогда В. М. Загорский, а заведовала агитотделом (мой непосредственный начальник) А. Д. Розовская. Помню, что весь МК размещался на третьем этаже в трех угловых комнатах („номерах") бывшей гостиницы „Дрезден" на углу Тверской (теперь ул. Горького) и Скобелевской (ныне Советской) площади. В первой комнате помещалась канцелярия. Она выходила окнами на Скобелевскую площадь. Следующая за ней – комната агитотдела, в ней разместились заведующая и сотрудники, среди них Аня Халдина. Эта комната выходила окнами на Тверскую. Наконец, последняя комната – кабинет секретаря МК В. М. Загорского – выходила окнами во двор. Здесь я проработал около трех месяцев курьером, а потом вернулся в редакцию „Правды".

В МК моей главной обязанностью как курьера было своевременное вручение путевок докладчикам, которым предстояло в очередную пятницу выступить с докладами перед рабочей аудиторией. Такие доклады именовались отчетами народных комиссаров перед рабочими. Именно во время такого доклада Ленин и был ранен на бывшем заводе Михельсона. Он продолжал теперь снова выступать, однако путевку ему передавала сама Розовская, с тем, чтобы никто, кроме нее и самого Ленина, не знал, где, на каком именно заводе состоится выступление. Это держалось в строжайшем секрете. Мне было строго наказано относить повестки только домой, так как (пояснила мне Розовская) на работе они могут затеряться. И вот я объезжаю квартиры всего московского партактива и застаю многих товарищей в домашней обстановке: вот И. И. Скворцов-Степанов в деревянном одноэтажном домике внутри сада на Б. Калужской (ныне Ленинский проспект), если я его застаю дома, читает. В кремлевской квартире Я. М. Свердлова хозяина обычно нет. Он приходит очень поздно. Но дома его дети, с четырехлетним Андреем я знакомлюсь. Иногда с детьми Свердлова играет секретарь ВЦИК Аванесов, худой, болезненного вида человек. Но уже на следующий раз от Я. М. Свердлова поступило указание: повесток на его домашнюю квартиру не посылать, а доставлять во ВЦИК: ему удобнее будет сразу включить выступление в свой план работы.

Во время этих посещений я получил возможность увидеть, как жили руководящие партийные и советские работники, их домашние условия. Условия эти были исключительно скромные, я бы даже сказал, бедные, у них не было ни дворцов, ни хоромов, которые им приписывали наши враги.

За это время я видел н слышал Ленина три раза. Один раз — в день первой годовщины Октябрьской революции. Мы с отцом стоим на Воскресенской площади (ныне площадь Революции), там, где она смыкается с Театральной. Здесь был установлен временный памятник Марксу н Энгельсу, сделанный нз гипса. Вокруг памятннка — кольцо пришедших сюда демонстрантов. Среди них вижу Подвойского с маленькнм сыннщкой Левой. С деревянного постамента памятника выступает Ленин, но он заслонен от меня цоколем, на котором возвышалась статуя Маркса н Энгельса. Мы стоим за памятннком, но хорошо слышим голос Ленина. Он говорнт о велнкой всемирно-исторнческой заслуге Маркса н Энгельса, доказавших неизбежность крушения капитализма н перехода к коммунизму. „...Это предвидение великих социалистов стало сбываться!" — сказал Ленин.

Затем мы всей группой демонстрантов во главе с Лениным перешлн на Красную площадь, где на Кремлевской стене была расположена большая цветная меморнальная доска над Братскими могилами героев Октября. Доска была завешена большим белым покрывалом, н Ленин его в назначенный момент опустил. Взору открылась живописная картина. На ней была нзображена высокая женщина в венце, державшая в руках золотистую ветку илн большой колос. Ленин произнес короткую речь, говоря о павших в дни Октября. Он пронзнес клятву: „Победа или смерть!" — прнзывая идти по стопам борцов, героев Октябрьских дней.

Это был первый советский памятник, увиденный мною. За ним вскоре последовал обелиск Свободы, воздвигнутый на Советской площади против здания Моссовета на месте разрушенного памятника Скобелеву. Внизу обелнска на чугунных плитах была на-

чертана первая Коиституция РСФСР, созданная под руководством Ленина.

Второй раз я слышал н видел Ленина вскоре после празднования первой годовщины Октября. Бурей разиеслась весть о начале революции в Германии. Было объявлено, что 11 ноября 1918 года на собрании московских коммунистов Ленин сделает доклад о международном положеиии. Я сидел вместе с матерью в одной нз лож. Большой театр утопал в свете люстр, золоте и красном бархате. Сцена была совершенно пустая, видны были голые доски. Чувствовалось напряженное ожидание. Вдруг из-за кулис быстрыми шагамн, наклонившись немного вперед, вышел Леиин. В его руках, словио по ветру, развевались длинные тонкие бумажные телеграфиые леиты... Раздались бурные аплодисменты, перешедшие в овацию. Дойдя до середины сцены, Леиин, как мне помнится, начал:

– Товарищи! Я не буду вам делать доклада, а просто зачитаю полученные из Германии последние телеграммы. Германская революция, которую предсказывали большевики, совершилась. Позориый Брестский мир теперь будет отброшеи вместе с германской моиархией.

Вспыхнула бурная овация, раздались восторжеиные выкрики, и Леиин начал читать телеграммы, одну за другой. Теперь я жалею, что ие записал их тогда же, а тех, которые запомнил, было очень мало. Ленин читал их отрывисто, без комментариев, сообщая текст в зал, слушавший его чтение с замиранием, буквальио затаив дыхание. Вот те иемиогие телеграммы из прочитанных Лениным, которые я привожу по памяти: император Вильгельм Второй бежал из Германии и перешел голландскую границу, власть в Киле перешла в руки Совета рабочих и матросских депутатов, в Берлине создано новое прави-

тельство — Совет народных уполномоченных. Потом выяснилось, что это было правнтельство предателей германской революции — немецких правых социал-демократов Шейдемана н Носке, убивших два месяца спустя вождей революции — Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Но в первый момент это было еще неясно, неизвестно н казалось, что германская революция родила действительно революционное правнтельство н что оно под стать Совету Народных Комиссаров (с эаменой слова „комиссаров" словом „уполномоченных"). Далее Ленин прочел сообщение о том, что советское посольство в Германии, высланное только что кайзеровскнм правнтельством, возвращено в Берлин по решению Берлинского Совета рабочих н солдатских депутатов.

Когда Ленин кончил читать телеграммы, которые он держал в руках, из-за кулис молодой человек принес ему целый ворох новых, только что полученных, которые Ленин сам еще не читал. И он стал их читать вслух, так что новую ннформацию о самых последних событиях в Германни получалн одновременно с Лениным н все прнсутствовавшие в зале. Так Ленин сливался в одном революционом порыве с сотнями н тысячами коммунистов, собравшихся в этот торжественный час в Большом театре.

В третий раз эа эти два месяца работы в МК я слышал Ленина в самом конце ноября 1918 года. В этот день МК проводил собрание московского партактива с докладом Ленина об отношенни пролетарната к мелкобуржуазной демократии. По райкомам н парторганизациям былн роэданы специальные билеты, по которым только и разрешалось пропускать участннков этого собрания; оно должно было состояться в одном нэ малых залов Дома союзов. Мне поручилн контроль, н я стоял вместе с красноармейцами у входных дверей, выходивших на Большую

Дмитровку. Вдруг входит Мария Ильинична, а с ней Н. Л. Мещеряков и еще два-три работника „Правды". Увидев меня, она с заговорщическим видом шепчет мне: „Ну, Фаня, по старой памяти пропустите, пожалуйста, меня и этих членов редакции „Правды" — нам почему-то не прислали билетов". И я, гордый тем, что хотя и нарушаю этим строжайшее указание, но действую в соответствии с революционным существом дела (так я оправдывал в своих глазах мой поступок), пропустил Марию Ильиничну и ее спутников, а потом вместе с ними и сам слушал доклад Ленина.

Появился Н. И. Подвойский с палочкой, с которой он ходил после покушения на него. Я только приготовился строго спросить у него пропуск, как подбежал комендант здания, отстранил меня и сказал уважительным тоном: „Товарищ Подвойский, проходите, пожалуйста!" Так я и не успел показать своему дяде, что я стою на боевом посту.

Собрание началось, я запер входную дверь и, оставив на всякий случай красноармейца у дверей, сам бросился в зал. Зал был набит до отказа, стояли в проходах. Я примостился на ступеньках подмостков, с которых говорил Ленин, у самых его ног, и просидел так до конца собрания, глядя на говорившего Ленина в буквальном смысле снизу вверх и записывая кратко то, о чем он говорил.

Когда я вошел в зал, Ленин говорил о том, что в подходе к среднему крестьянству недопустимо никакое насилие с нашей стороны. Он говорил о Брестском мире и о недавнем восстании левых эсеров, говорил про споры о том, придет или нет революция в Германию и что, когда она пришла, то подтвердила наши ожидания. Ленин объяснил потом, почему мелкобуржуазные массы отвернулись от нас в первые месяцы диктатуры пролетариата,

а с нами был пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством. Ленин объяснил также, почему пришлось прибегать к террору в условиях обострения гражданской войны. Но Ленин говорил и о колебаниях в рядах мелкой буржуазии. В результате враждебных действий бывших союзников царской России — западных капиталистов — у мелкой буржуазии стали рассеиваться иллюзии в отношении врагов революции. Изменилось отиошение мелкобуржуазной демократии к большевикам. Поэтому надо замеиить иаши прежние лозунги иовыми, а ие отворачиваться от мелкой буржуазии, когда оиа иачинает поворачиваться к иам. Если раньше мы были за иасилие, то теперь мы за соглашение, так как изменилась обстановка в стране. Раньше мы были за террор, теперь — за соглашение, делая акцент голосом, сказал Ленин. Это касается и старой интеллигенции, которая пошла было за чехословацким восстанием, ио теперь заколебалась. Оиа нужна для социализма, и с ней следует достичь соглашения, так как она ие может уже заниматься саботажем и к иам (Леиин сделал удареиие иа „к иам") стала относиться „по-соседски", а не враждебно. А иам предстоит строить социализм, а для этого нужна культура. Вот почему иадо смеиить старые лозунги иовыми. В войие иельзя преиебрегать никакой помощью, даже косвенной.

Когда я впоследствии сравнил мои записи с опубликованным текстом доклада Ленина, то обиаружил, что я уловил далеко ие все, но, пожалуй, главное.

Потом были прения, но я их не записывал. Из заключительиого слова Ленина я записал только первую фразу, что иаше учение ие догма, которую иадо заучить, а руководство к действию. Остальная часть леиинского заключения осталась незаписанной, не

знаю почему. Может быть, меня к кому-нибудь послали в зале.

Когда собрание кончилось и все стали расходиться, я в толпе столкнулся с Аней Халдиной. „Слышали? — спросила она меня. — Ленин предлагает соглашение с мелкой буржуазией, вот до чего он дошел". Я ответил: „Что ж тут плохого? Он ищет для нас союзников". — „Хороши союзники — меньшевики да эсеры. С ними надо бороться, а не соглашаться, если ты революционер". Я же сказал ей, что доклад Ленина мне очень понравился и я думаю, что Ленин прав. В ее ответе прозвучало что-то ироническое, и она взглянула на меня как на ребенка, с которым нельзя говорить и спорить о серьезных вещах. Мне же показались дикими ее замечания, сделанные в адрес Ленина. „Как можно усомниться в правоте Ленина?" — думал я в недоумении.

Дома я передал матери мой разговор с Аней и добавил, что не могу ее понять: она кажется такой умной, хорошей и вдруг говорит про Ленина такие вещи. Мать сказала, что в этом нет ничего удивительного, она — ученица и последовательница своего школьного учителя — Н. Н. Кропотова, а он — из „левых коммунистов". Соглашение с мелкой буржуазией, о чем говорил Ленин, они считают отходом от революционного марксизма (она сказала резче: „изменой" ему).

Наступила небывало холодная и голодная зима 1918/19 года. Тяжело заболел старый большевик О. Пятницкий. Врачи рекомендовали усиленное питание. Ему выписали немного черной икры, сливочного масла, белой муки. Встал вопрос: кому доверить получение и доставку по назначению этих продуктов? При свирепствовавшем голоде требовалась немалая воля, чтобы удержаться от соблазна, не попробовать этих вкусных вещей. Загорский пору-

чил это дело мне, и я полностью с ним справился, даже не понюхал то, что привез Пятницкому. Я даже в мыслях не мог не оправдать оказанного мне доверия.

Другой раз – я работал уже в „Правде" – нигде не оказалось портрета Франца Меринга, который умер в начале 1919 года. А портрет надо было поместить в „Правде" вместе с некрологом. Оказалось, что портрет Меринга был у В. М. Загорского в запертой комнате на Плющихе, где он уже давно не жил. Загорский сказал Марии Ильиничне, что доверит ключ только мне. И вот я, вторично облеченный его доверием, везу нужный портрет в редакцию „Правды".

Как я уже рассказывал выше, в декабре 1918 года я вступил в ряды партии. Тогда кандидатский стаж не был установлен и вступали прямо в члены РКП(б). Для этого требовалось две рекомендации. Одну, как уже было сказано, мне дала Мария Ильинична, за другой я обратился к Загорскому. Он охотно согласился ее дать и вполне одобрил мое намерение. Прием в партию проводил тогда непосредственно районный комитет. Весь центр Москвы в пределах бульварного кольца (А) составлял тогда Городской район. Секретарем Горрайкома был Л. С. Ривлин, которого я помнил еще по Лозанне. Однако он заколебался: созрел ли я для вступления в ряды партии. „Ведь он же совсем еще мальчик!" – воскликнул он, как мне потом передавала работавшая в райкоме сотрудница. Об этом стало известно Загорскому, он позвонил Ривлину, сказал, что меня хорошо знает, уверен во мне, что я буду настоящим коммунистом (содержание этого разговора мне передала та же сотрудница). И вот мне вручен партийный билет с пометкой, что вступил в партию в декабре 1918 года.

Очерк 8

По призыву Ленина на страже революции. 1919 – январь 1920

„Незабываемый 1919-й"
Вс. Вишневский

1919 год был, несомненно, самым тяжелым и, скажу сильнее, самым страшным годом для молодой Советской республики. Гражданская война против белогвардейцев и интервентов достигла тогда наивысшего накала. Решались судьбы революции, и это требовало предельного напряжения всех моральных и физических сил советского народа – это в условиях тяжелейшей голодной блокады и жуткого холода...

Моя мать тогда по-прежнему работала в Моссовете, заведуя отделом корреспонденции. Ее стол помещался в громадной комнате на втором этаже, с балконом, выходившим на Скобелевскую (Советскую) площадь. Он стоял у стены налево, как войдешь в эту комнату с большой лестничной площадки. Как сейчас, помню, на нем стоял телефон „добавочный 17" при общем коммутаторе всего Моссовета 64-20. Но дозвониться куда-нибудь было очень трудно. Я всегда при этом вспоминал, как Ленин просил к телефону Марию Ильиничну. Он звонил тогда из своей квартиры и сам соединялся с „Правдой". Получить нужный номер в тех условиях было не так-то просто. Сперва дожидались, когда откликнется телефонистка дребезжащим го-

лосом, после зтого надо было назвать иомер, барышня его повторит и скажет: „Готово". А может быть, и ие готово. В общем, целая процедура...

В середине января были зверски убиты в Берлине вожди германской революции – Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

Узнав об зтом убийстве, вся наша семья – отец и мы, трое подростков,– собрались на работе у матери с тяжелым чувством на сердце. В зале никого, кроме нас, не было. Виезапно входная дверь иа лестницу распахнулась, и в зал быстрыми шагами в пальто и теплой шапке вошел Леиин. Увидя нас, ои улыбнулся, снял шапку и издали нас приветствовал, быстро пройдя на балкои. В глазах отца я увидел радость.

Ленин кончил свою речь с балкона Моссовета, обращенную к собравшимся на площади демонстрантам, и вернулся в зал с товарищами, находившимися на балконе, подошел к нам. Он поздоровался с каждым из нас за руку, спросил у родителей о их здоровье, кивнул иам, ребятам, иа прощание и быстро вышел.

В зти дни в Москве, в Доме союзов, проходил II Всеросснйский съезд профсоюзов, иа котором с докладом должен был выступать Ленин. Мать достала два гостевых билета на зтот доклад, но отдала их Юрику н двоюродному брату Виктору Фраучи. „Ты бывал на докладах Ленниа, пусть послушают и они", – сказала она.

Когда они вернулись с доклада, то рассказали о том, как Ленин в своей речи гневио осуждал зверское, предательское убийство Либкнехта и Люксембург и вдохновителей зтого преступления.

Той же зимой (только я не запомнил до или после 1 декабря 1918 года, когда я из МК вернулся

в „Правду") со мной произошло следующее событие: как всегда, вечером я либо ходил в Кремль за материалами для „Правды", либо, вероятнее всего, разносил по квартирам путевки для выступлений на пятничных отчетных докладах наркомов перед московскими рабочими. На этот раз – разнес, хочу уже уйти домой, вдруг возле Большого Кремлевского дворца вижу идущего мне навстречу Ленина. Я прямо остолбенел и замер на месте. На Ленине была зимняя шапка и теплое пальто с опущенным воротником. Я осторожно стал следить, куда пойдет Ленин. Он прошел мимо дворца, повернул направо и у Боровицких ворот, не выходя из Кремля, стал спускаться вниз к Кремлевской стене, отделяющей кремлевский холм от набережной Москвы-реки. Я тут же бросился мимо дворца, Ивана Великого и царь-колокола к Спасской башне, возле которой тогда стоял памятник Александру II. Это была небольшая галерейка с двумя крыльями, и на ее потолке мозаикой были выложены портреты русских царей. В центре галерейки находился сам памятник. Вся эта галерейка вместе с памятником стояла на искусственном выступе, сооруженном на склоне кремлевского холма, как раз напротив дорожки между кремлевским холмом и Кремлевской стеной, выходящей на Москву-реку. Из этого памятника-галереи хорошо просматривалась узенькая, протоптанная в глубоком снегу тропинка, идущая вдоль Кремлевской стены. По ней внизу гулял Ленин, то приближаясь ко мне, то удаляясь. А я сверху, как завороженный, следил за ним. Вдруг навстречу ему откуда-то от стены, примыкающей к Спасской башне, выехал грузовик. Чтобы пропустить его, Ленин шагнул далеко в сторону прямо в сугроб и стоял там, ожидая, когда пройдет грузовик. Но тот, едва поравнялся с Лениным, вдруг

заглох. Водитель, повозившись в кабине, вылез и стал ручкой заводить мотор. Он никак ие хотел заводиться. Водитель склонялся иад мотором, Ленин, ступая в глубокий снег, прошел вдоль кузова и тоже стал заглядывать в мотор. Так продолжалось довольно долго, пока иаконец мотор не затарахтел. Грузовик уехал, Ленин сиова вышел иа тропку, отряхнул низ своих брюк от сиега и пошел домой. Только тогда я покинул свой наблюдательный пост. Долго после зтого вспоминалась мне картина: внизу по колени в снегу стоит Ленин и ждет, когда заведут мотор грузовика, а я, как на вышке, прирос к перилам памятника.

В марте 1919 года умер Я. М. Свердлов – председатель ВЦИКа. Он был замечательным организатором. Я помню, как в 1918 году ои ввел моего отца в состав ВЦИКа. О деловых беседах с ним нам коротко рассказывал отец. При зтом отец говорил, что у Свердлова есть иебольшая записная книжка, куда он записывает множество вопросов, которые иадлежало рассмотреть, и все то множество дел, которые надо было выполнить. Отец удивлялся зтому и спрашивал Якова Михайловича, как все это умещалось в его записиой книжке. Свердлов улыбался и пожимал плечами, показывая зтим, что ничего удивительного в зтом иет. Я ходил прощаться с Яковом Михайловичем в Колонный зал Дома союзов, а потом с похоронной процессией, в которой шел и Ленин, дошел до Красиой площади. Здесь у подножия Сеиатской башни Кремля, между двумя Братскими могилами, гроб с телом Свердлова был опущен в могилу. Ленин произиес короткую речь, из которой я приведу первые слова: „Мы опустили в могилу пролетарского вождя, который больше всего сделал для организации рабочего класса, для его победы". Да, действительно, это было так.

Свердлов был человеком, который в своих руках соединял все нити государственной жизни страны, будучи первым помощником Ленина.

С конца мая до конца ноября 1919 года — почти полгода — я ездил поездом с отцом по всем тогдашним фронтам. Ленина я видел за это время всего один раз — на Красной площади на трибуне во время демонстрации по случаю второй годовщины Октябрьской революции. Было холодно, шел снег. На мне был полушубок и ушанка. Я стоял недалеко от основной трибуны и, не отрывая глаз, смотрел на Ленина.

До этого я побывал вместе с отцом и работниками Особого отдела ВЧК в Петрограде. Там готовился белогвардейский заговор, связанный с деятельностью остатков иностранных посольств и миссий в Петрограде. Отец составил план, каким образом можно было выловить заговорщиков, блокируя иностранные миссии и посольства. С этим планом он пришел вместе с нами всеми к Сталину в Смольный. Сталин сидел на диване в своей кожаной фуражке и что-то писал. Он пожал нам руки, не вставая. Отец рассказал ему про свой план. Выслушав отца и кивнув головой, Сталин произнес только одно слово: „Давайте!"

В июле поезд отца выехал на Южный фронт, и я снова вместе с ним. В Козлове (ныне Мичуринск) стоял штаб фронта. Я участвовал в организации проверки документов в прифронтовой полосе и в задержании подозрительных лиц. Ездили мы вдвоем с таким же подростком, как и я сам. Иногда с нами был старший из числа взрослых сотрудников отцовского поезда. Работа была сопряжена с большим риском: мы могли получить пулю в лоб от какого-нибудь пьяного „героя" или задержанного врага...

В сентябре 1919 года анархисты бросили бомбу в здание МК РКП (б) в Леонтьевском переулке. При взрыве погиблн секретарь МК РКП (б) В. М. Загорский н другие товарнщи. Участникн собрания, живые свидетелн зтой трагедии, рассказывали: когда через открытое окно, выходившее в садик, влетела бомба н упала к столу президиума, Загорский бросился к ней со словами: „Тише, товарищи! Спокойно!” Он хотел выбросить ее назад в окно, но не успел. Раздался взрыв. Погнбла Аня Халдина, с которой я работал в агитотделе МК, погнб н ее друг н учитель Н. Н. Кропотов, за которым она пошла в революцию, хотя сама происходила нз буржуазной семьн. Мне рассказывалн, что, умирая, она порывалась что-то спросить, и я подумал, что в зти последние мгновения ей хотелось узнать, жив ли ее друг н учитель...

Хоронилн их на Красной площади. Среди провожавших я запомнил Ленина н его близких. Когда на минуту открыли крышкн гробов, раздался громкий плач родных. Была младшая сестра Ани, очень похожая на нее, очевидно, со своими родителями. На сердце было невыноснмо тяжело. Я думал о Загорском, Кропотове н Ане, о том, что по воле злых преступников ушли из жизни такне замечательные люди...

Той же осенью 1919 года отец отправился на Западный фронт, н я, конечно, с ннм. На зтот раз у него был уже не поезд, а только вагон, в котором жилн н его сотрудники. Задача состояла в том, чтобы создать в Гомеле укрепленный район: не дать белогвардейцам, орудовавшим на юге, образовать общий фронт с врагами, действовавшимн на западе Советской Россин.

В ноябре, после известного мамонтовского рейда по нашим тылам, поезд отца должен был „прочесать”

район этого рейда, начиная с Тамбова. В Моршанске мы ловилн сбежавшего начальника местной милиции Антонова, который возглавил в 1920–1921 годах кулацкое восстание, известное под названием „антоновщина".

Это было тяжелое, очень тяжелое время для Советской республикн. Все силы были напряжены до предела. Но сильна была вера в победу над врагом, н снмволом зтой веры неизменно служилн нмя н образ Ленина.

В начале зимы 1919 года наступили сильные морозы. Весь состав ВЧК во главе с Дзержинским поехал на субботник для заготовки дров в подмосковном лесу за Останкино. Отец взял меня с Юрнком. Мы, как н все, пилили деревья. У меня не было рукавиц. Увидя зто, Дзержинский отдал мне свон. Вообще я должен сказать, что среди работников ВЧК я видел много хороших, отзывчивых людей, настоящих революционеров. Они пришли на зту работу с убеждением, что зто исключительно важный, ответственный, трудный н опасный участок работы. В работе ЧК могли быть промахи. Но в зтом были повинны не чрезвычайные органы защиты революции, а проникавшие в них, примазавшиеся злементы. Я вспоминаю, как мне рассказывал позднее работник ВЧК П. И. Валескалн[1] о речи Ленина в клубе ВЧК в первую годовщину Октябрьской революции.

Ленин тогда говорил о трудностях в работе ЧК, о ее необходимости в интересах революцин н о том, что ошибки в ее работе должны нсправляться н нсправляются. Теперь я прнведу несколько

[1] Недавно с Петром Ивановичем Валескалном мы сидели в помещении как раз этого самого бывшего клуба ВЧК, где в 1918 году выступал Ленин. И он мне показал место, откуда выступал Владимир Ильич.

мест из этой речи Ленина по ее опубликованному тексту. Ленин сказал, что ему „хочется остановиться на тяжелой деятельиости чрезвычайных комиссий.

Нет ничего удивительиого в том, что ие только от врагов, ио часто и от друзей мы слышим нападки иа деятельиость ЧК... естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза. Обывательская ннтеллигенция подхватывает зти ошибки, ие желая вннкнуть глубже в сущность дела... У иас выхватывают отдельные ошибки ЧК, плачут и носятся с ннми.

Мы же говорим: на ошибках мы учимся"[1].

Свою речь Леинн кончил так: „Для иас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в зтом отношении их роль иеоценнма. Иного пути к освобождеиию масс, кроме подавления путем иасилия зксплуататоров, – иет. Этим и занимаются ЧК, в зтом их заслуга перед пролетариатом"[2].

Читая в те годы отдельные белогвардейские газеты и листовки, слыша порой злобиое шипенне врагов Советской власти, я со всей отчетливостью видел, что иет такой лжи и клеветы, которую ие возводили бы иа ЧК и ее сотрудников иаши враги. Даже сегодня отголоски зтого злобиого шипеиия появляются в качестве „воспоминаний".

Вернусь к событиям коица 1919 года.

Конец 1919 и начало 1920 года я провел в специальном поезде ВЧК и Всероссийской комиссии по борьбе с сыпным тифом, которую возглавлял мой отец. К концу 1919 года иа Восточном фронте Красиая Армия преследовала и громила развали-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 173.
[2] Там же, с. 174.

вавшуюся колчаковскую армию. Убегавшая армия Колчака была заражена сыпняком (сыпным тифом) н оставляла нам массы тифозных солдат. Необходимо было ие дать волне сыпняка распространиться в центральные губернии Советской России, где изголодавшиеся люди стали бы жертвами эпидемии, надо было создать прочный кордон, да не один: сиачала на Волге, вдоль больших волжских городов, потом иа Урале н в Зауралье н, наконец, в самой Сибири — Западной н Центральной. Вот для зтой цели и была создана комиссия, которую организовал и возглавил мой отец, соединив задачи борьбы против сыпняка с задачами и функциями Особого отдела ВЧК, который он тогда возглавлял. Ибо борьба с сыпняком была ие меиее сложной и ответственной, чем борьба с коитрреволюцией.

Я тоже входил в число сотрудников названной комиссии и вел в ней активиую работу, выполняя всякого рода поручения. А дел было по горло. Начали с Симбирска. Здесь организовалн санитарный пункт, дезинфекцию, походную баню-поезд, прачечную, медпункт н т. д. На станции был создан иаблюдательный пункт проверки всех отъезжающих в сторону Москвы, то есть иа запад. Мосты через Волгу, так же как через Иртыш под Омском, были взорваны, по льду проложены рельсы. Мы выходили из вагоиов и шли вперед, а вагоны — один за другим — паровозик перекатывал под хлюпающие звуки, раздававшиеся из-под льда. За Симбирском была Уфа, потом Курган, Омск, Новониколаевск... Везде вдоль железнодорожного полотиа в сиегу валялись трупы колчаковских солдат. Госпитали были переполнены тифозными. Врачей н медперсоиала не хватало. Мы работали день и иочь. Отец считал, что от заражения сыпняком может предохранить иастойка из иескольких капель йода в мо-

локе, и действительно, товарищи (я в том числе), которые принимали ее, не заболели.

Мы выехали из Москвы, как мне помнится, в конце ноября 1919 года, во всяком случае, я помню, что 10 декабря, в день моего рождения (мне исполнилось 16 лет), наш поезд пересекал Уральский хребет, и я стоял на паровозе, любуясь зимним пейзажем Уральских гор. Мне было известно, что наша комиссия выполняет прямое задание Ленина. Как раз в эти самые дни Ленин выступал на VIII Всероссийской конференции РКП(б) в Москве и говорил, что наша задача – „борьба со вшами, теми вшами, которые разносят сыпной тиф. Этот сыпной тиф среди населения, истощенного голодом, больного, не имеющего хлеба, мыла, топлива, может стать таким бедствием, которое не даст нам возможности справиться ни с каким социалистическим строительством"[1].

Так Ленин говорил 2 декабря 1919 года. А спустя три дня на VII Всероссийском съезде Советов он сказал еще резче: „И третий бич на нас еще надвигается – *вошь, сыпной тиф,* который косит наши войска. И здесь, товарищи, нельзя представить себе того ужаса, который происходит в местах, пораженных сыпным тифом, когда население обессилено, ослаблено, нет материальных средств, – всякая жизнь, всякая общественность исчезает. Тут мы говорим: ,,Товарищи, все внимание этому вопросу..." И в этом вопросе мы, товарищи, действуя такими же методами, начинаем достигать успешных результатов"[2]. И дальше Ленин снова высказал твердую уверенность в успехе нашей борьбы против сыпняка: ,,...если мы напряжем все свои силы для того, чтобы стереть с лица русской земли сыпной тиф, – резуль-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 359.
[2] Там же, с. 410.

тат некультурности, нищеты, темноты и невежества, — если мы все те силы, весь тот опыт, который мы приобрели в кровавой войне, применим в этой войне бескровной, — мы можем быть уверены, что в этом деле, которое все же гораздо легче, гораздо человечнее, чем война, что в этом деле мы завоюем себе успеха все больше и больше"[1].

Почта тогда работала плохо, и московские газеты, в которых были напечатаны речи Ленина, мы смогли прочитать с большим опозданием. В приведенных только что словах Ленина, его призывах мы читали такую поддержку в нашей трудной работе, что выразить это на бумаге просто невозможно. О результатах нашей деятельности отец регулярно сообщал в Москву. Обратный путь мы совершили через Екатеринбург (ныне Свердловск) и Казань.

Теперь, как я делал это не один раз, вновь приведу воспоминания отца об этой санитарно-защитной экспедиции на Восточном фронте, которую он возглавлял: ,,Кажется, ни одно начинание в центре и даже на местах не обходилось без того, чтобы Владимир Ильич не был посвящен в мельчайшие детали его или не был так или иначе в него втянут. В каждом комиссариате руками Ильича закладывался фундамент, на котором в дальнейшем комиссариат строился и развивался.

Возьмите такой комиссариат, как Наркомздрав... Наверное, не всем известно, что идея передать все дворцы, роскошные дачи, санатории и пр. комиссариату здравоохранения принадлежала Владимиру Ильичу, и лозунг „Курорты для трудящихся" впервые был брошен им. Миллионы лет жизни сбережены пролетариатом с тех пор, и в этом великая заслуга Ильича.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 411.

А вот другой случай. Осень 1919 года. Гражданская война близнтся к концу. Деникин отогнан от Москвы, Колчак откатился к Уралу. Победа сменяет победу.

Но появился новый враг, готовый свестн на нет результаты всех побед и задавнть вздохнувшую было страну. Плюгавая вошь, пожирающая больше жертв, чем все фронты вкупе... „Товарищи, все вннмание зтому вопросу, – говорил Ильич в докладе на VII Всероссийском съезде Советов. – *Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!*"[1]

Канун Октябрьской годовщины. Торжественное заседание Моссовета. Я только что вернулся нз Тамбова, куда был командирован после налета Мамонтова.

Увидевший меня на заседании в Большом театре Фелнкс Эдмундовнч Дзержинскнй остановил меня.

– Вот хорошо, что прнехалн, – радостно сказал он. Речь его, торопливая, нервная, увлекающая, всегда волновала н захватывала собеседннка. – Образована специальная комиссия по выработке положения об улучшении санитарного состояния республикн. На днях должен выйти соответствующий декрет. Вот познакомьтесь с матерналами...

Феликс Эдмундович достал нз портфеля несколько лнстков н передал их мне.

– ...н скажите ваше мненне, а также, согласны лн от ВЧК возглавнть образуемую комиссню. Необходимо устроить День топлнва, чтобы банн работалн непрерывно, а также День санитарни, провести кампанию пошивки белья и пр. Полагаю, что зта работа по вашему духу.

Я поблагодарил Фелнкса Эдмундовича, взял ма-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 410.

терналы для ознакомления, но я был уже согласеи. Из переданных мне Феликсом Эдмундовичем материалов наибольший ннтерес представляло постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 5 ноября 1919 года. Хотя о Владимире Ильиче в этом постановлеиии сказано всего несколько слов, но эти слова воскрешают целую эпоху, когда всякое дело начиналось и венчалось Ильичем.

Вот это постановленне:

„Совет Рабоче-Крестьянской Обороны в заседании от 5-го иоября с. г. п о с т а и о в н л:

Поручить тов. Дзержинскому делегировать вместо тов. Аванесова, еслн последний не выздоровеет, в самые ближайшие днн заместителя его, в Комиссию по выработке проекта декрета, по иаблюдеиию н контролю по проведению в жизнь санитарных мероприятий.

Пополнить Комиссию тов. Лениным и поручить ей утвердить декрет от нменн Совета Обороиы.

Заседание Комиссии назначить в пятницу. Созыв поручить тт. Склянскому н Бричкиной.

Секретарь Совета Рабоче-Крестьянской Обороны Бричкина".

Как зти слова – „пополнить Комиссию тов. Лениным" – в то время просто и естествеино звучалн! Сплошь н рядом вводились дополннтельно в разные комиссии представителн от заинтересованных ведомств, почему не ввести и Владимира Ильича! Ведь без него все равно ин одно дело ие обойдется.

Образованная несколько дней спустя комиссия первоначально находилась при НКЗдраве, а с января 1920 года – при Совете Рабоче-Крестьянской Обороны. Борьба с охватившей всю страну тнфозной эпидемией велась в ударном порядке, н неред-

ко приходилось, как и раньше, обращаться к Владимиру Ильичу и в тех случаях, когда комиссия была вынуждеиа превышать свои полиомочия или когда требовалась поддержка Ильича.

Помню, в Челябинске иа звакопуикте вместимостью в 3 тысячи человек оказалось приблизительио 15 тысяч тифозиых. Точное число не могло быть установлеио, так как все проходы, коридоры, вся площадь полов были завалены больиыми; чтобы попасть внутрь, иужно было через приставные лестницы влезать в окна. Почти все больиые лежали в кишащей паразитами одежде и белье за полным отсутствием смеиы белья и халатов. Миогие срывали с себя одежду, предпочитая оставаться совсем голыми. Выздоравливающие возвращались в части или в свои деревни, уиося с собой и заразу. Немногим лучше обстояло дело и в лазаретах и в больницах.

В целях изготовления достаточных комплектов белья комиссия решилась на крайнюю меру — забрать из Губпродкома иесколько сот тысяч аршин мануфактуры из забронированиых Совнаркомом для товарообменных операций. Об зтой мере мы поставили в известность Владимира Ильича, но, насколько помню, ответа иа иаше сообщеиие ие получили. Как впоследствии мне говорили, Владимир Ильич не хотел санкционировать таких наших действий, с другой стороиы, ие считал возможным их и осудить, если они были приняты действительно ввиду крайней иеобходимости.

Вспоминаю еще одии случай обращения к Ильичу.

Прекратив решительиыми мерами эвакуацию тифозных из города в город и в глубь страны и установив принцип лечения больных в месте их заболевания, комиссия натолкнулась во всех городах иа отсутствие оборудованных госпиталей и вообще

свободных помещений. Приходилось забирать помещения государственных учреждений и приспосабливать их под бараки, лазареты, распределители.

В Омске было решено использовать громадное здание управления Омской железной дороги под центральный коллектор-распределитель. Но выселение встретило отчаянное сопротивление не только со стороны руководящего персонала железной дороги, но и со стороны НКПС в лице замнаркомпути В. М. Свердлова, который находился в пути на Омск. Несмотря даже на постановление Сибревкома (Косарев, Смирнов И. Н., Фрумкин) очистить помещение, управление со дня на день оттягивало передачу.

Тогда снова пришлось обратиться за поддержкой к Владимиру Ильичу. Очень скоро был получен телеграфный ответ от товарища Ленина. „Раз имеется постановление Сибревкома, — говорилось в телеграмме, — здание ж. д. должно быть освобождено для устройства распределителя..."

Еще один маленький эпизод из того же времени.

В начале 1919 года Главное санитарное управление оказалось в беспомощном положении. Был издан и переиздан приказ о мобилизации медперсонала, но часть медицинского персонала — преимущественно врачи — не являлась в призывную комиссию, а те, кто являлся и был признан годным, игнорировали предписание об отправлении на фронт. Тогда же выяснилась и причина этого явления: высшая призывная комиссия, состоявшая сплошь из матерых белогвардейцев, освобождала за скромную мзду от службы в армии весь врачебный персонал. Наглость дошла до того, что на Сухаревском рынке почти открыто продавались чистые бланки этой высшей комиссии за печатями и подлинными подписями всего состава комиссии, удостоверяв-

шие, что врач или лекарский помощник... такой-то призиан вовсе иегодным для военной службы. Фамилию вписать могло любое лицо, уплатившее всего сто рублей за зту своеобразную отпускную грамоту.

Разрешение зтого дела ие обошлось без Владимира Ильича. По его предложеиию переосвидетельствование всего медперсоиала было возложеио Советом Рабоче-Крестьяиской Обороиы иа иедавио образованный Особый отдел ВЧК. Владимир Ильич зтим ие удовлетворился. Он дал подробиую инструкцию Особому отделу, как провести операцию с иачала и до конца: ие ограничиваться одним переосвидетельствованием, ио проверить и своевремеииое иазиачение Главсанупром признанных здоровыми, а также проследить отбытие и прибытие их на фроит; беспощадно расправляться с дезертирами; о ходе работ регулярио представлять ему отчет. Первые группы медперсонала доставлялись иа вокзалы под специальиым конвоем, иа который возлагалась обязанность посадки отправляемых в вагоны и наблюдение за ними вплоть до отхода поезда.

Сейчас кажется почти иевероятным, что такими суровыми мерами приходилось первое время обеспечивать Красную Армию иеобходимым ей медперсоиалом. Подчеркиваю, лишь первое время, так как очеиь скоро дело иаладилось, и все пошло иормальио, как по маслу".

Так писал отец, вспоминая то исключительио тяжелое для Советской республики время.

В итоге еще одио ответствениое задание Ленина было выполнеио, и я горжусь, что своими слабыми силами я участвовал в его выполиеиии.

Я быстро рос и мужал и из подростка иезаметно превратился в юиошу. Началась новая полоса моей жизни.

Цикл III

ГЛАЗАМИ ЮНОШИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

3-я Хамовническая районная партконференция.

Мандат № 422

Фамилия, имя Кедров Б. М

От какой ячейки 1ой МГУ [illegible]

9 мая 1924 года.

Председатель Организационной Комиссии

С решающим голосом.

Очерк 9

**Полгода в Свердловке.
Штудирование ленинских работ.
Последний раз вижу Ленина.
Февраль–август 1920**

> И самое главное, чтобы... вы вынесли уменье подходить к этому вопросу самостоятельно...
>
> *В. И. Ленин*

Еще в поезде в Сибири отец мне сказал: „Ты уже много читал, но, наверное, все отрывочно, бессистемно. Попробуй теперь изложить все прочитанное и переваренное тобою — о капитале и социализме, о революции и войне, о государстве и классах — словом, о всех коренных вопросах современности. Вспомни, что ты прочел у Ленина и попробуй связать все это вместе. Тебе же самому интересно будет".

Как всегда, советы отца я с радостью исполнял. А тут он поставил передо мной действительно интересную и важную задачу: проверить, насколько я сознательно участвую в борьбе за коммунизм, следую за Лениным, понимаю, что вокруг меня делается. Мне 16 лет, я уже больше года состою в партии, а разобрался ли я достаточно глубоко и серьезно в тех грандиозных революционных событиях, в которые я вовлечен?

Я сел писать то, что рекомендовал отец, и сразу стал в тупик: с чего начать? Никакого плана у меня в голове не было и в помине. То мне казалось, что надо начать с капиталистической эксплуатации, от

которой потом перейти к борьбе пролетариата против капитализма и к пролетарской революции, то с мировой войны и уже от нее к революции, то вести изложение в описательно-историческом плане, излагая последовательно то, как я сам шаг за шагом, читая работы Ленина, проникал в суть событий. Так н ие решив для себя этого вопроса, я принялся излагать свои мысли в таком порядке, в каком они мне приходили в голову в данный момеит. Исписал я целую тетрадку, и получился, разумеется, детский лепет с иекоторой претеизией на научность, главным образом в части терминологии. Как жаль, что этот первый в жизни мой опус, написанный на теоретическую тему, ие сохранился. Как бы иитересио было прочесть его сегодня.

Свое „сочинение" я дал прочесть отцу. Ознакомившись с ним, он сказал: „Для первого раза получилось ничего, но тебе надо обязательно учиться". С мыслью, что мне надо учиться, я вернулся в Москву вместе с отцом.

В Москве мать сказала, что идет иабор иа шестимесячные курсы Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. Я ринулся туда, но оказалось, что нужна командировка от какой-нибудь партийиой организации илн партийиого учреждения. Я вспомнил о Марии Ильиничне и бегом бросился к ией.

Застал я ее в такой знакомой мне комнате секретаря редакции „Правды". Говорю, что хочу учиться в Коммунистическом университете имени Свердлова, н прошу у нее командировку от „Правды" на шестимесячные курсы этого университета. Она взяла листок бумаги н, так же, как писала когда-то мне рекомендацию в партию, написала командировку, подписалась и поставила ту же небольшую печатку.

– Когда кончите, приходите к нам работать, – сказала она.

Но этому пожеланию не пришлось осуществиться. В конце августа 1920 года началась партийная мобилизация на фронт, и я записался добровольцем...

С командировкой от „Правды" я принят в Комуниверситет, который с этого момента коротко именую Свердловкой. После зачисления проводится вступительное собеседование. Оказывается, здесь имеются два отделения: одно – основное, для более подготовленных, другое – параллельное, для малоподготовленных и совсем неподготовленных. Первое помещалось иа Миусской площади, в здании бывшего университета Шанявского (теперь здесь иаходится Академия общественных наук при ЦК КПСС); второе отделение разместилось в иачале теперешней улицы Чехова в здании, где сейчас помещается театр Ленинского комсомола. Вступительное собеседование проводилось для того, чтобы определить, иа какое из двух отделений надо направить поступающего.

Со мной беседовала девушка из лекторской группы, образованной из предыдущего выпуска Свердловки. Она задавала мне всякого рода вопросы, в том числе спросила, существует ли еще в нашей стране эксплуатация? Я ответил: „Да". – „А где?" – „В деревне", – сказал я. Она осталась довольна. Под конец задала мне вопрос, который, по-видимому, задавали всем поступающим в Свердловку: „Почему вы вступили в партию?" Я хотел было патетически ответить, что я верю в победу мировой революции и хочу по мере своих сил участвовать в борьбе за коммунизм, следуя за Лениным, и т. п., но вдруг почему-то застеснялся и ответил весьма прозаически: „Да потому, что мои родители – старые больше-

вики". Она уточнила: „Значит, вы хотите сказать, что в партию вы вступили под влиянием родителей?" Я молча кивнул головой, а мой зкзаменатор поморщился. Когда я уезжал иа фронт, я увидел свою вступительную анкету с ее резолюцией: „Развит. В политике разбнрается. На основное отделение. Но психология не совсем пролетарская".

Коиечно, я сразу догадался, что такой вывод сделан на основании моего ответа иа вопрос, почему я вступил в партию. Но зтот вывод показался мне тогда несправедливым и обидным. Я действительно, не задумываясь и не колеблясь, мог отдать жизнь за коммунизм, за партию, за Ленина. Но сказать об этом вслух, да еще постороннему человеку, экзаменующему тебя, которого видишь в первый раз, было как-то иеудобно, иеловко. Что ж тут поделаешь? Таким уж я был в свои юные годы.

Итак, я в стеиах Свердловки.

Мой рассказ пойдет о молодежи первых лет революции, молодежи, какой оиа мне запомнилась, и о журиале „Пламя", который стремился удовлетворить хотя бы отчасти ее духовные, мировоззренческие запросы. Конечно, советская молодежь тех лет в своей массе не могла еще читать Канта и Гегеля, да н „Анти-Дюринг" был для нее тогда иепосильиой задачей. И тем ие менее глубочайшие философские вопросы волновали нас ие меньше, чем вопросы о любвн и браке. Свое мировоззрение молодежь тех лет выковывала в процессе осмысления реальных противоречий живой жизни, в острейших классовых битвах, на фроитах гражданской войны, ио уж никак не путем заучивания диалектических формул по школьному или вузовскому учебнику.

„Мы диалектику учили ие по Гегелю", — сказал позт о тех годах. И, несмотря на зто, на деле глубо-

чайшая диалектика проиизывала первые шаги молодежи тех лет.

Этому помогали, в частности, статьи М. Чуносова на философские темы, которые печатались в журиале „Пламя" в 1920 году. О иих я скажу ниже. Но сначала мне хочется иесколько слов сказать о самой Свердловке.

Когда я вспоминаю Свердловку, перед глазамн встает прежде всего большой зал бывшего университета имени Шанявского. Зал гудит. Сюда съехались люди со всех концов молодой Советской страны, люди революции. Кто в военной шинели, кто в рабочем пиджаке, кто в деревеиском армяке, кто в кожаной куртке. Это те, кто только что принят в иашу первую партийную школу — Свердловку. Все горят одним желанием — учиться! Октябрьская революция открыла им дорогу к учебе, и они потянулись к ией отовсюду — с фабрик и заводов, с деревеиских пашеи, из рядов Красиой Армин. Как ясио и теперь, спустя 60 лет, я вижу зту шумящую, многоликую, подлинно рабоче-крестьянскую молодежную аудиторию. Таких, как я, выходцев из семей партийиой интеллигенции, здесь иемного. И людей пожилого возраста тоже ие так много. В осиовиом зто молодежь, впервые дорвавшаяся до иастоящей учебы. Лица все молодые, голоса громкие. Тридцатилетние — их иемного — выглядят здесь стариками. Уральцы и москвичи, питерцы и волжане, украинцы и сибиряки. Многие уральцы и сибиряки были в белых заячьих капелюшниках. Фронтовики выделялись будеиовками и солдатскими шинелями. Было много девушек. Слышу вокруг себя разговоры:

— Вот раньше говорили: студенты. А мы курсанты. Это звучит по-иовому — курсант! По-настоящему революционно!

– А за сколько дней можно прочитать „Капитал"? Я когда-то пробовал начать, но не было времени.

– Интересно, а будет у нас выступать Ленин?

Да! Сколько интересного и важного придется узнать за полгода нескольким сотням молодых людей, которые, может быть, впервые в жизни станут знакомиться с теорией, с марксистским учением.

Первой была обзорная лекция. Преподаватель рассказал, как надо работать над книгой. На всю жизнь запомнились мне его слова: „Я семь раз прочел „Капитал" Маркса и каждый раз читал его как новую книгу".

Пока шла лекция, на кафедру сыпались записки, и к концу их выросла целая куча. Спрашивали буквально обо всем: о вселенной, о боге, о классах, о любви, об архитектуре, о зарождении жизни, о буржуях, о коммунизме, о личности лектора – кто он? Как сейчас, я вижу растерянное лицо лектора и слышу его недоуменное замечание:

– Товарищи, да разве я смогу ответить на все эти вопросы? О них вы еще услышите здесь от других лекторов, а я только об одном должен был вам рассказать. Потерпите немного...

Но аудитория не хотела терпеть, она хотела узнать поскорее все, что ее волновало и интересовало, все, что живо касалось запросов молодежи тех лет. И действительно, мы много, очень много узнали из последующих лекций и групповых занятий.

Мы были курсантами Свердловки второго набора. Первый – 1919 года – почти целиком ушел на фронты гражданской войны, пылавшей тогда на севере и на юге, на востоке и на западе нашей страны. От первого набора осталось только небольшое число товарищей, которым предстояло вести преподавание курсантам следующих наборов, и нашего прежде всего. Это была так называемая лекторская

группа. От ее члеиов мы н узнали о содержании ленинской речи, которую он произнес в стеиах Свердловкн летом прошлого года.

Первые же наши вопросы к ректору Свердловки, В. И. Невскому, былн: а будет ли у нас выступать Ленин? Что он нам прочтет?

Ответ был неутешительным: Ленин очень занят и вряд ли сможет еще раз выступить. О чем он читал в Свердловке, вы можете узиать у своих старших товарищей из лекторской группы.

Мы — к ним. У них есть записн лекции „О государстве", которую прочел Ленин. Затаив дыхание, слушаем пересказ ленинских мыслей и выражений, которые успели записать наши старшие товарищи. Мне особенно врезалась в память одна мысль Ленина, один его совет, обращенный к молодежи, которая только еще приступает к учебе, к овладеиию марксистским учением: стараться самостоятельно разбираться в сложнейших н запутанных нашими противниками вопросах общественной жизни, марксистской теории, таких, как вопрос о государстве. Не догматически подходить к такнм вопросам, ие нскать готовых на них ответов, какнх-то закончеиных решений, а именно самим продумывать эти вопросы н нскать иа них ответы самим, вникая в их существо.

И еще мие запомиился настоятельный совет Владимира Ильича — подходить к таким вопросам, как и к любым вопросам вообще, с исторической точки зрения, выясняя, как развивался этот вопрос, какие шлн вокруг него споры, для того чтобы понять, как он стоит перед нами сейчас, в сегодняшней исторической обстановке.

Я, разумеется, передаю далеко не все содержание ленинской лекции, рассказанной нам, молодым курсантам Свердловкн, а только то, что произвело иа

меня особенно сильиое впечатление и запомнилось иа всю жизнь.

Много лет спустя я читал и вчитывался в опубликованный текст ленинской лекции „О государстве", н теперь мне хочется привести уже не по памяти, а точно, по напечатанному, замечательные слова, обращенные к молодежи, приступающей к овладению наукой, к нзучению марксизма.

Ленин начал с того, что указал на трудность и сложность вопроса о государстве. „Если я ие ошибаюсь, — сказал он, — курсы ваши только что открыты, и вам приходится в первый раз систематически к зтому вопросу подходить". „Поэтому, — продолжал он, — никогда ие следует ждать, чтобы можно было в краткой беседе, за один раз достигнуть полного выяснения этого вопроса. Следует после первой беседы об этом отметнть себе непонятные илн неясные места, чтобы вернуться к ним второй, третий н четвертый раз, чтобы то, что осталось непонятным, дополнить н выяснить дальше, впоследствии, как из чтеиня, так и из отдельиых лекций и бесед"[1].

Указав далее иа необходимость чтення хотя бы некоторых главнейших пронзведений Маркса и Энгельса, Владимир Ильич говорил, что „хотя опять-таки сразу кое-кого, может быть, и отпугнет трудиость нзложения, — иадо опять предупредить, что этим ие следует смущаться, что непонятное на первый раз прн чтении будет понятно при повториом чтении, или когда вы подойдете к вопросу впоследствии с несколько иной стороны, ибо еще раз повторяю, что вопрос такой сложный и так запутан буржуазными учеными и писателями, что к этому вопросу каждому человеку, который хочет его

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 64.

серьезно продумать н самостоятельно усвонть, необходимо подходить несколько раз, возвращаться к нему опять н опять, обдумывать вопрос с разных сторон, чтобы добнться ясного н твердого понимания"[1].

В качестве образца маркснстской лнтературы по данному вопросу Владимир Ильич назвал сочинение Энгельса „Пронсхождение семьн, частиой собственности н государства". Прежде всего он предупредил, что в этом сочинении „можно с доверием отнестнсь к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного нсторического н политического матернала"[2].

В приведенной характернстике сочинения Энгельса кроется скрытый совет, обращенный к молодежи, что еслн кто-ннбудь в будущем, становясь ученым, будет писать научный труд, то такой труд надо писать на основании теоретического обобщения громадного фактического материала, но никак не наобум, не высасывая ничего из пальца, не выдумывая красивые, но пустопорожние конструкции.

А далее Ленин вновь предупреждал своих слушателей: „Нет сомнения, что в этом сочинении (Энгельса. — *Б. К.*) не все части одинаково доступно, понятио нзложены: некоторые предполагают читателя, обладающего уже известными нсторнческими н экономическнми познаниямн. Но опять скажу: не следует смущаться, еслн это пронзведенне по прочтении не будет понято сразу. Этого никогда почти не бывает ни с одним человеком. Но возвращаясь к нему впоследствии, когда интерес пробудится, вы добьетесь того, что будете понимать его в преобладающей части, еслн не все целнком"[3].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 65.
[2] Там же, с. 67.
[3] Там же, с. 67–68.

Так Ленин давал молодежи глубоко продуманные, мудрые методическне советы; так он учил ее не бояться трудных, сложных и запутанных вопросов; так ои предупреждал ее против попыток находить сразу, с наскока, ответы на такого рода вопросы; так ои показывал, как иастойчиво следует искать ответы на эти вопросы, возвращаясь к ним сиова н сиова по многу раз, стараясь разбирать их с разных сторои, прнменительно к различным нсторическим условиям.

„И самое главное, — говорил Ленин, — чтобы в результате ваших чтений, бесед н лекций, которые вы услышите о государстве, вы выиеслн уменье подходить к этому вопросу самостоятельно, так как зтот вопрос будет вам встречаться по самым разиообразным поводам, по каждому мелкому вопросу, в самых иеожиданных сочетаниях, в беседах н спорах с противниками. Только тогда, еслн вы иаучитесь самостоятельио разбнраться по зтому вопросу, — только тогда вы можете считать себя достаточио твердыми в свонх убеждениях и достаточно успешно отстаивать нх перед кем угодно и когда угодно"[1].

Этот замечательный, нсключительно мудрый ленинский совет илн, можио сказать, завет советской молодежи, как иадо овладевать марксистским учением, нужно глубоко продумать. Самая сокровеиная суть его состоит в том, что ие следует заучивать, зазубривать формулы марксизма, полагая, что они могут быть автоматическн прнмеиены ко всем случаям жизии, а иадо иаучиться самому правильно ориеитироваться в любых условиях, в любой обстановке, опираясь прн этом иа понимание существа марксистского учения.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 65.

Другими словами, Ленин популярно разъяснял молодежи смысл марксистского положения: наша теория не догма, а руководство к действию. Именно с этим положением и связано многократно повторенное ленинское указание на необходимость выработать умение самостоятельно разбираться в сложных вопросах.

Ленин углубляет свою мысль. Он поясняет молодежи, каким образом следует приобрести это умение. „Для того чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу (о государстве. – *Б. К.*), – говорил он, – надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло и как оно развивалось"[1].

А затем следует указание на самое надежное и важное, чем надо руководствоваться в подобных случаях: „Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, – самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это – не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь"[2].

И немного дальше Ленин вновь разъясняет, что „ко всякому такому вопросу можно солидно, с уверенностью подойти, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом"[3].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 68.

Именно зто, своимн словами, заглядывая в свон прошлогодние записн, рассказывалн нам наши старшие товарищи из лекторской группы. Я сопоставлял впоследствии, когда ленинская лекция „О государстве" была опублнкована, с тем, что мне запомнилось нз устных рассказов о ней моих старших товарищей по Свердловке. Оказалось, что я уловил тогда н сохранил в памяти общий дух ленинской лекции, ее главное направление, основной совет, данный Лениным молодежи. И самым главным, что я понял тогда из рассказов своих старших товарищей о лекции Ленина, был его настойчивый совет научиться самим самостоятельно разбнраться в сложнейших вопросах современности – теории и практики. И невольно вспомнил о своей попытке по совету отца изложить свон коммунистические взгляды так, как они у меня сложилнсь и выработались за годы революции, н как я беспомощно корпел в отцовском поезде над тетрадкой, куда записывал свон взгляды, не заглядывая в литературу, которой, кстати сказать, у меня в поезде н не было под руками. Но главным все же было то, что я пытался разобраться во многих вопросах самостоятельно, – это я понял после рассказов о лекции Ленина. Пусть на первый раз у меня получилось коряво н наивно, но теперь я знаю, как достичь желаемого. И помогло мне в зтом больше всего то, что я вынес из лекции Ленина „О государстве". Я привел в точном изложении те два места зтой лекции, которые запечатлелнсь в моей памяти как самое главное, самое надежное н важное нз услышанного мною 60 лет назад в рассказе старших товарищей об зтой лекции. И как прямое развитие и продолжение зтих положений звучит ленинская речь на III Всероссийском съезде РКСМ „Задачи союзов молодежи" (2 октября 1920 года). Но, как я сказал, наш набор курсантов Свердловки

не мог ее слышать, хотя оиа была произиесена в стенах Свердловки, потому, что, как н предыдущий на набор, мы все ушли на фронт — большей частью на Южный, а частью (в том числе и я) на Западный.

Вспоминая сегодня то время, я вижу, что речь шла об умении вырабатывать самим коммунистические взгляды, — это и значило, что надо добиваться твердости в своих убеждениях, о чем и говорил Ленин в лекции „О государстве". Нужны не вызубренные иаизусть положения, фразы из марксистских произведеиий н ие простое запоминание фактического материала — нужны твердые и ясные убеждения, опирающиеся на знание зтого матернала. А чтобы добнться зтого, необходимо находить самостоятельио ответы на возиикающие животрепещущие вопросы, опираясь иа знание существа марксизма, его основ, необходимо самим вырабатывать в своем сознании коммунистические взгляды.

Такова общая линия, которую Владимир Ильич провел н в своей лекции, а позднее в своей речи на III Всероссийском съезде РКСМ.

В Свердловке начались систематические лекции по политической зкоиомии (их читал И. И. Скворцов-Степаиов), по истории всемирной и русской, по вопросам государства и права (читал И. Л. Брауде), по исторнн рабочего движения (Ю. Мархлевский) н по многим другим предметам. И свердловцы с головой ушли в трудное дело теоретической учебы. Помню такой зпизод: во время одной лекции, кажется читал ее Феликс Кон, зашла речь о том, что такое товар. Лектор спросил кого-то из слушателей и получил ответ:

— Товар, ну, это, например, мануфактура или, скажем, москательный товар.

Лектор рассердился, сказал, что это иеверно. Затем он спросил об этом второго слушателя. Тот

недоумевал н решил, что надо назвать какне-то другие предметы торговли — чай, сахар, крупу.

Лектор снова сердито отверг иеверный ответ и стал опрашивать уже всех подряд. Одни называли отдельные предметы торговли — лес, одежду н т. д., другие — их было большинство — говорили коротко: не знаю. Я в ответ просто помотал головой. Но вот наконец очередь дошла до худощавого юноши в военной форме. Я узнал потом его фамилию: Мендельсон. Он встал н глуховатым голосом коротко сказал:

— Товар — это не вещь, а отношение.

— Ну наконец-то! — обрадованно воскликнул лектор.

Потом я занимался с Александром Мендельсоном и А. Поповым, сыном писателя А. Серафимовича, в семинаре по политической экономии. Руководил семинаром Александр Кон, руководил очень живо и нтересио. Выступления Мендельсона были всегда содержательными, лаконичными, лишенными всякой „воды". Мне пришлось слушать Мендельсоиа еще раэ в начале лета того же 1920 года на летучем митинге перед отправкой свердловцев на врангелевский фронт. Он говорил от нменн уеэжавших иа фронт добровольцев — так же лаконично н тем же глуховатым голосом, по привычке облизывая время от времени сухие губы. Потом я встретил его в Институте экономикн Академии наук СССР, где он бывал: он стал крупным ученым-экоиомистом. Но до сих пор его короткий ответ — всего несколько слов! — „товар — это не вещь, а отношение" — звучит в монх ушах. Он запомнился мне, как н многим свердловцам, я думаю, на всю жизнь — ведь это была первая иаучная абстракция, так своеобразно преподнесенная иам: „...не вещь, а отношение". Потом уже легче воспринимались

нами такие, например, положения, что стоимость лишена вещества чувственности, что законы движения небесных тел не написаны на небе.

Вообще же абстрактные категории воспринимались нами куда труднее конкретных, скажем, исторических фактов, не говоря уже о материалах лекций и занятий по вопросам партийной и советской работы. Но именно трудность понимания абстракций и привлекала наше внимание. Это особенно касалось философии и вообще изложения общетеоретических вопросов любой науки. Из занятий по практическим вопросам партийной и советской работы мне особенно хочется отметить лекции комсомольских руководителей тех лет. Лазарь Шацкий, высокий, совсем еще юный, читал о международном революционном движении молодежи; Оскар Рывкин, нервный, постоянно размахивавший руками, рассказывал о работе с советской молодежью, о комсомоле; Николай Чаплин, серьезный, уравновешенный, говорил о задачах, связанных с учебой молодежи, — ведь это было всего за несколько месяцев до III съезда комсомола и до выступления на этом съезде Ленина.

К сожалению, самого выступления Ленина мне услышать не удалось: еще в августе 1920 года я уехал добровольцем на польский фронт.

...Много десятилетий прошло с тех пор. Но как ярко встают сегодня передо мной картины того времени, стены Свердловки 1920 года, снова оживают молодые лица и слышатся звонкие голоса тех, которых почти никого не осталось теперь в живых.

От времени Свердловки у меня осталось несколько тетрадок с записями прослушанных лекций и семинарских занятий. Я постараюсь разобрать их и рассказать более подробно о том, как проходила учеба свердловцев в 1920 году; это будет небезын-

тересно для нстории наших партийных школ, первой из которых после Октября была Свердловка.

Несколько слов хочу сказать о философин. Поначалу эта наука казалась иам слишком отвлеченной и утонченной, возвышенной, н заниматься ею в состоянии были, как нам казалось, не юнцы, подобные нам, а убеленные сединой старцы-мудрецы. Ведь и перевод слова „философия" с греческого языка, как мы узнали, означал „любомудрне". А какая любовь к мудрости может быть в 18–20 лет? И все же хоть и нздалека, но к философии мы приближались.

Лекции по философии, в том числе по диалектике, читал нам Бобинский. Философских вопросов касались в своих лекциях многие н среди них особенно В. П. Волгин, читавший историю социалнстических учений, В. И. Невский, излагавший историю партии и в связи с этим историю философской борьбы против махистов, М. Н. Покровский, читавший русскую историю; философию затрагивали также и те, кто читал курсы по естествознанию, – Понятский, а также А. К. Тимирязев (физика), Я. С. Пржеборовский (химия), А. А. Михайлов (астроиомия) и другие. Философских вопросов коснулся в своей лекции, прочитанной у нас, и М. Горький, причем в зтой лекции я впервые услышал об атомиой зиергии и ее необъятных источниках. Как сейчас, вижу: Горький показал нам старую царскую монету и спросил, по обыкновению сильно окая: „А знаете лн вы, сколько в ией заключеио знергии? Не знаете? Вот если бы удалось ее всю получить, то большой товарный состав груженых вагонов можно было бы прогиать вокруг земли шесть раз. Вот оио что!"

С тех пор, когда мне приходится выступать с популярными лекциями по философским вопросам современного естествознания, я всегда вспоминаю о том, как Горький сумел довести до сознания

слушателей Свердловки так просто и доходчиво вопрос об атомной эиергии, о которой тогда почти никто ничего ие эиал. Ведь это было всего год спустя после открытия искусственного разложения элементов, осуществленного Резерфордом (1919 г.).

Особенно много уделял внимания философии А. В. Луначарский в лекциях по истории культуры.

Вот почему статьи иа философские темы и вообще иосящие мировоззренческий характер, помещенные в журиале „Пламя", нас, слушателей Свердловки, очень иитересовали тогда. Весь этот материал исключительио интересен для характеристики той эпохи вообще и в особенности состояния философской мысли в первые годы после Октябрьской революции.

Вот и сегодня, перелистывая страницы журиала „Пламя" и вспоминая первые послеоктябрьские годы и духовную-жизнь Москвы того времени, я представил себя шестнадцатилетним юношей, который жадно впитывал все, что слышал и видел вокруг себя.

Я хочу особо рассказать об одном ныне совсем забытом философе – М. Чуносове. Его статьи мне запомнились, возможно, потому, что в то время в нашей стране публиковалось вообще очень мало философских работ. Поэтому легко понять, какой большой иитерес у нас, свердловцев, вызывали философские статьи в журиале „Пламя", подписанные „М. Чуносов" или инициалами „М. Ч.". Они были иаписаны доходчиво, лишеиы всякой нарочитой заумности, которой иевыгодно отличаются статьи иекоторых современных философов-профессиоиалов.

Философские статьи М. Чуносова, помещенные в 1920 году иа страницах журиала, были весьма разнообразны по тематике. Вот передо мной № 4, в ко-

тором помещеиа его статья „Нищета философии и Маркс", где освещается критика Марксом взглядов Прудоиа. В № 6 – его же статья „Религия рабов". В № 11 опубликована интересиая статья М. Чуносова „Маркс и печать", носившая полубиографический характер.

Особенно интересиа его большая статья „В. И. Ульяиов (Н. Ленин) (к 3-ей годовщине Октябрьской революции)", помещенная в сдвоенном (17-18) иомере с портретом Ленина. Это один из первых опытов научной биографии Ленина с освещением вопросов, касающихся его теоретической и научиой деятельиости. В статье имеются иеточности, ио иадо помнить об обстановке, когда оиа писалась: ведь тогда ие было Института марксизма-ленинизма, который сейчас ведет огромную систематическую иаучно-исследовательскую работу по всем вопросам, касающимся жизии и деятельиости Ленина. Но очень странно, что М. Чуносов, будучи сам философом, ни словом ие упомянул о главиой философской работе Леиина „Материализм и эмпириокритицизм", второе издание которой вышло иезадолго до его статьи (книга Леиина вышла в сеитябре, а статья о Леиине иапечатана была в иоябре 1920 года). Говоря о годах реакции после поражеиия русской революции 1905 года, автор писал: „Ни меньшевики, ни эмигранты разных революционных цветов ие сочувствовали им (большевикам. – *Б. К.*). Все были увереиы, что революции рабочих никогда ие будет. Верил один только Ленин, да иесколько его товарищей. Ои засел снова за изучение марксизма, и в своих сочинениях твердо защищал исторический материализм".

Любопытна маленькая заметка М. Чуносова „Гривенник и вечность" (№15), в которой в виде диалога между беспартийным и коммунистом освеща-

ются вопросы, связаиные с деиежным обращением и усиливающейся инфляцией. К форме диалога тот же автор прибег и в другой своей статье – „Диалог о диалектике" (№ 9), которая показывает, как пропагандировалась тогда диалектика иа страницах иаучно-литературиого журнала, хотя в зтой статье несколько упрощенно (но по-своему страстно) излагается предмет диалектики.

Так философ пропагандировал диалектику и делал это, иадо призиать, по-своему талантливо.

Перечитав сегодня его „Диалог", я мысленно вернулся к первым годам Советского государства, когда многим из нас приходилось учить диалектику действительно „не по Гегелю".

Но все же разбираться самому в философских вопросах было трудно, тем более, повторяю, что марксистской литературы по этим вопросам почти ие издавалось. Но мне повезло: по счастливой случайиости, когда я было решил изучать подряд иемарксистскую литературу по философии – ее было много, и я уже с интересом прочел книжечку Шопеигауэра „Метафиэика любви" и собирался приступить к книжке П. С. Юшкевича „Материализм и критический реализм", – мой товарищ И. Ф. Тубала решительно предостерег меня от такого чтения. Он рассказал мне, что примерно в моем воэрасте начал штудировать „Критику чистого разума" Канта и совсем запутался в ией. Однажды он так устал, что стал ходить по комнате и чувствовал, что в середине комнаты образовался какой-то мешающий ему двигаться невидимый столб. И ои оставил Канта...

Совет пригодился, я твердо решил, что иачну с изучения той философии, которую создали наши учители – Маркс, Эигельс и Ленин, и зто было разумное решение. Ииаче я бы просто запутался, хотя

и полагал, что могу уже самостоятельно разбираться чуть ли не во всех научных вопросах.

Это было следствием первого приобщения к науке в Свердловке, породившего юношескую самонадеянность и самоуверенность. Позднее эта „детская болезнь" начинающего у меня благополучно прошла.

Весной 1920 года умер профессор К. А. Тимирязев, и мы, свердловцы, участвовали в его похоронах. Откуда-то после стало известно (возможно, об этом нам рассказал Понятский, читавший нам лекции по биологии) о том, что незадолго до смерти Тимирязев подарил Ленину свою книгу „Наука и демократия" и что Ленин ответил ему благодарственным письмом. В этом письме Ленин приветствовал Тимирязева как передового советского ученого. Вскоре после смерти Тимирязева я присутствовал на заседании московских естествоиспытателей, посвященном его памяти, которое проходило в зале 2-го Дома Советов (бывшая гостиница „Метрополь"). В 1923 году я участвовал в открытии ему памятника у Никитских ворот. Добавлю, что сын Тимирязева, профессор физики, читал нам лекции по физике в 1920 году и рассказывал нам иногда о своем отце. Когда был создан журнал „Под знаменем марксизма", то в его первом номере А. К. Тимирязев выступил со статьей. Ленин ее приветствовал как свидетельство того, что новому журналу удастся наладить союз с передовыми естествоиспытателями.

Теперь перехожу к главным событиям в моей жизни лета знаменательного 1920 года. В течение этого лета я дважды имел счастье слышать речи Ленина, и об этом мне хочется рассказать. Но прежде скажу о первомайском празднике 1920 года. Вся Свердловка была в этот день на субботнике

в железиодорожных мастерских. Но мои тети, жившие во 2-м Доме Советов в комнате № 427, выходящей окиом иа Театральную площадь, рассказали о том, что они видели в зтот день из своего окна. Они видели, как в самом центре площади (ныне площадь Свердлова) Лении, работая лопатой, заложил камень будущего памятника Карлу Марксу и произнес короткую речь. Тогда через зту площадь проходила трамвайная линия, и камеиь был заложен недалеко от нее, перед входом в сквер, что напротив 2-го Дома Советов. (Сейчас зто место, где Леиин заложил камень, стало проезжей частью. Памятник Марксу стоит иесколько в стороие от зтого места.)

Вспоминаю, как незадолго до первомайских дней 1920 года Подвойский попросил меия подготовить материалы для доклада об Интериациоиале, который ему предстояло сделать в красноармейской аудиторин. Я горячо взялся за выполиение его просьбы и сам подробио изложил историю первых двух Интернационалов, а затем с пафосом изложил, как под руководством В. И. Ленина создавался III, Коммунистический Интернациоиал, который покончил с оппортунизмом лидеров II Интериационала, изменивших делу революции, делу социализма. Николай Ильич моей работой остался в общем доволеи, ио заметил, что я ие сумел обрисовать роль Интернационала как штаба мировой революции. Последние три слова он повторил иесколько раз. Я пошел слушать доклад Подвойского и испытывал радостиое чувство, видя, как иаписанные миою слова доходят до слушателей. Особенно те, которые были посвящены Леиину и прозвучали они с трибуны как боевой призыв к борьбе. В конце доклада Подвойский рассказал о роли Коминтериа как штаба мировой революции. „Вот мы оба, иа пару, и сделали, кажет-

ся, неплохой доклад", — подумал я, видя перед собой рукоплескавших красиоармейцев.

В мае большая часть наших товарищей уехала на фроит, с оставшимися свердловцами продолжались занятия. В Свердловке началась разбивка слушателей по секциям соответственно избранной ими области будущей работы. Меия в зто время увлекла работа в деревие, и я записался в зту секцию, хотя сначала собирался пойти в секцию печати, как это я обещал Марин Ильиничне. Секцией работы в деревие руководил Владимир Иванович Невский, ректор Свердловки. Он читал нам курс лекций по истории партии, много говорил о Ленине, о его деятельиости как вождя партии и революции, о его иаучных трудах. Помню, один раз, отклонившись от осиовиой темы своей лекции, В. И. Невский стал рассказывать нам о том, как держится Леиин иа трибуне во время своих выступлений, каковы типичные для него жесты и позы. При зтом Невский сам так увлекся, что пытался иллюстрировать свой рассказ жестом, наклоняя вперед плечи или же отступая иемного назад, словом, стараясь передать иаглядно жесты Леиина. Особенно мне запомнились два момеита.

Первый: Невский показал, что по ходу своего выступления Лении любит закладывать большие пальцы рук за жилет, а потом раздвигать локти, ие вынимая пальцев из-за жилета.

Второй: заканчивая аргумеитацию и завершая свою мысль, Леиин режет воздух рукой.

Так рассказывал и так показывал, жестикулируя, Невский. А я в тот момеит вспоминал, видел ли я сам у Ленина такие жесты, и мне казалось тогда, что видел, иастолько образно изображал их Невский.

Я думал тогда, что мне удастся много раз увидеть

Ленина на трибуне и услышать его выступлеиия, ио ошибся: всего два раза я слышал Ленина, летом того же иеповторимого 1920 года.

В первой половине июня в Москве в Колонном зале бывшего Московского дворянского собрания (ныне Дом союзов) собралось второе Всероссийское совещание ответственных организаторов по работе в деревне. Свердловцев, записавшихся в секцию по работе в деревне, Невский включил в число гостей, и мы присутствовали иа всех заседаниях совещания. Не помню как, ио вдруг стало известно, что иа совещании должен выступить Ленин. Возможно, что об зтом нам сказал сам Невский, который был осиовным организатором и руководителем этого совещания.

Колонный зал полон. За столом президиума сидит несколько человек, но председательское место пусто, а слева от него, через одного или двух человек, я вижу моего дядю Н. И. Подвойского, который возглавлял тогда дело всеобщего военного обучения (Всевобуч).

Вдруг быстро входят Ленин и Невский. Невский, заняв председательское место, предоставляет слово Ленину. Владимира Ильича встречают бурными аплодисментами, ио ои быстро начинает говорить, и зал стихает. Ленин говорит сиачала о международном положении, а потом переходит к работе в деревне. Он говорит о советско-польской войне, о положении иа фронте и об успехах Красиой Армии. Так как я ие оставлял иадежды самому попасть на фроит и сражаться с оружием в руках за Советскую Родину, я слушал речь Ленина с особым вниманием. Я и сейчас помню, как Ленин подчеркивал, что, иесмотря на мириые предложения и огромные территориальные уступки с нашей стороны, панская Польша, науськиваемая на иас Антантой, внезапно напала на

нашу страну и вынудила иас к войне. А раз война началась, то надо отбить охоту у польских капиталистов и помещиков впредь иападать иа иас. Я твердо помню, что Ленин говорил именно о том, что панская Польша вынудила нас к войне, а раз так, то все для войны. И Ленин рассказал о начавшемся контрнаступлении Красной Армии на фронте – о взятии Житомира, что прервало связь Польши с захваченным ею Киевом.

Я, конечно, ие могу по памяти дословио воспроизвести то, что говорил тогда Ленин, и рассказываю лишь об общем тоие его выступления. Но чтобы точно изложить те мысли его речи, которые мне особеино запомнились с тех пор, я процитирую иесколько мест из опубликованного текста его речи. Ленин иачал с того, что иапомнил, как было дело: „...отиосительио польского наступления дело изображается (капиталистами. – *Б. К.*) так, что большевики предъявили Польше иеисполнимые требования и иачали наступление, тогда как... мы вполие соглашались даже иа те иеобъятные границы, которые до начала иаступления были поляками заняты. Мы ставили сохранение жизнн наших красноармейцев выше войны из-за Белоруссии и Литвы, которые поляками были захвачены. Мы самым торжественным образом... заявили польскому правительству, буржуазному помещичьему правительству независимо от нашего обращения к польским рабочим и крестьянам, что мы предлагаем мирные переговоры иа основе того фронта, который тогда был, т. е. того фроита, который Литву и Белоруссию, непольские земли, оставлял полякам...

Мы шли иа такие уступки, иа которые ни одно правительство идти ие может".

Далее Ленин говорил, что „сейчас, иесмотря на те успехи, которые мы одерживаем иа польском

фронте, положение все же такое, что мы должны напрячь все силы... Поэтому по отношению к войне, которая навязана нам, несмотря на то, что мы сильнее поляков, нашим лозунгом должно быть — подтягивание всякой распущенности. Раз война оказалась неизбежной — все для войны, и малейшая распущенность и недостаток энергии должны быть караемы по законам военного времени. Война есть война, и никто в тылу или на каких угодно мирных занятиях не смеет уклониться от этой обязанности.

Должен быть лозунг — все для войны! Без этого мы не справимся с польской шляхтой и буржуазией; необходимо, чтобы покончить с войной, отучить раз навсегда последнюю из соседних держав, которая смеет еще играть с этим"[1].

Вторую половину своей речи Ленин посвятил работе в деревне. Его речь очень проста и конкретна; он разбирает один за другим отдельные участки работы в деревне, различные ее звенья, ставит перед работниками в деревне конкретные задачи, дает практические советы, указывает, где работа слаба, где и как нужно ее усилить, на что обратить главное внимание.

Когда Ленин дошел до Всевобуча, то очень резко сказал, даже голос у него стал суровым, осуждающим, что работа по всеобщему военному обучению ведется еще очень плохо, что аппарат Всевобуча слаб и засорен, что там мало преданных людей, — и тут Ленин повернул голову и строго поглядел в сторону Подвойского. Надо было видеть, как от этих ленинских слов критикуемый Подвойский вдруг сразу сжался, опустил голову. И весь зал почувствовал, что нельзя работать плохо, когда Ленин следит за твоей работой и проверяет тебя.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 144–145.

Когда совещание кончилось (это было через несколько дней после выступления Ленина), Невский собрал нас, свердловцев, которые готовились к работе в деревне, и рассказал, как ему удалось упросить Ленина выступить с той самой речью, которую мы только что прослушали с таким вниманием в Колонном зале. Невский говорил, что, когда он приехал к Ленину просить его выступить на совещании, тот сначала наотрез отказался, ссылаясь на большую загруженность работой. Зная, как Ленин всегда подчеркивал важность работы в деревне, особенно с середняками, не говоря уже о батраках и бедняках, Невский продолжал упрашивать Ленина выступить, упирая на важность этой работы и ссылаясь на тот интерес, какой проявляют участники совещания к ожидаемой ими с нетерпением речи Ленина. Владимир Ильич наконец сказал: „Ладно, ладно, я все это знаю" – и согласился выступить, но с условием, что Невский его тут же информирует о том, как шло совещание, какие вопросы на нем обсуждались, как налажены отдельные звенья общей работы в деревне. „Обо всем этом, – продолжал рассказывать нам Невский, – я информировал Владимира Ильича, пока мы ехали с ним в автомобиле от Кремля до Дома союзов. Так буквально за несколько минут езды Владимир Ильич составил весь план своего выступления на совещании. Быстро задавая мне один за другим вопросы по существу работы нашего совещания и всей работы в деревне, он сразу же составил себе общую картину и вместе с тем план своего выступления. А когда Владимир Ильич услышал о Всевобуче, то сердито прервал меня и сказал, что эта организация работает из рук вон плохо и что ее надо обязательно подтянуть".

Я, конечно, передаю смысл рассказа Невского, точной записи у меня не сохранилось.

Замечу, что Н. И. Подвойский был одним из самых близких друзей Невского, его товарищем по подпольной революционной работе в царской России, а потом — в „Военке" (в 1917 году). А тут, подробно рассказывая нам о том, как Ленин сердился на плохую работу Всевобуча и как он отчитал за это Подвойского на совещании (хотя не назвал его по имени), Невский даже не поколебался рассказать и не попытался хотя бы смягчить все то, что наедине с ним, с глазу на глаз, высказал ему Ленин по поводу того учреждения, которое возглавлял один из лучших друзей Невского. И мы чувствовали, что каждое ленинское слово, каждая ленинская оценка выше любых наших личных чувств, симпатий или антипатий. Раз Ленин сказал так, значит, это действительно так, и если он сказал, что то или иное дело обстоит плохо, надо немедленно приложить все силы, чтобы как можно скорее исправить создавшееся положение.

Нечего говорить о том, что ленинская речь всех нас, будущих работников в деревне, буквально вдохновила, и мы с удвоенной, с утроенной энергией продолжали теоретические занятия в Москве, в стенах Свердловки, и практическую работу, выезжая все чаще агитаторами в различные уезды Московской губернии.

Второй раз я слышал речь Ленина 19 июля при следующих обстоятельствах. В середине июля 1920 года стало известно, что скоро в Петрограде откроется II конгресс Коммунистического Интернационала. Я стал просить Н. И. Подвойского взять с собой в Петроград меня и моего товарища, тоже свердловца, комсомольца Илью Федоровича Богданова (он потом стал химиком, доктором наук, работал в одном из институтов Академии наук СССР в Москве). Подвойский скептически отнесся

к возможности моей поездкн в Петроград. Тогда за нас вступилась его жена. Она очень рассердилась на него, сказала, что я молод н полон революционного воодушевления н зто надо всячески приветствовать. Они еще долго спорилн, но в конце концов победила ссылка на „революционное воодушевление", и вот мы едем в Петроград. Утром на Николаевском (ныне Московском) вокзале я вижу группу — идет Ленин, с ним рядом Мария Ильинична, Макснм Горькнй н еще много народу.

Подвойскнй взялся довезтн нас только до Петрограда, но гостевых билетов на открытие конгресса достать для нас не обещал. Мы сталн действовать самостоятельно. Узналн, что гостевые билеты распределяются в Петроградском совете профсоюзов. Пришлн туда. Молоденькая девушка — секретарша нас внимательно выслушала. „Мы, — говорим ей, — свердловцы, слушатели Коммунистического университета нмени Свердлова, специально прнехали сюда из Москвы, чтобы попасть на открытие II конгресса Коминтерна, услышать речь Ленина. Помогите нам, пожалуйста!"

Девушка нам явно сочувствует, но ничем помочь не может, так как все билеты уже давно распределены по различным организациям, а желающих получить гостевые билеты так много, что Таврический дворец не сможет нх всех вместить. Мы совсем упалн духом н понурили головы. Было видно, что девушка нас жалеет — ее тоже тронуло наше революционное воодушевленне, — что ей хочется нам что-то посоветовать, но она колеблется. „Впрочем, — говорнт она неуверенным голосом, — еслн товарищ Анцелович разрешит, то вы, возможно, еще сможете получить билет на завтрашнее открытие".

„А где сидит зтот товарищ Анцелович?" — с внезапно вспыхнувшей надеждой воскликнулн мы

в один голос. Девушка указала нам дверь, и мы вошли в комнату, полную людей, что-то взволнованно обсуждавших. За столом сидел товарищ Анцелович, и по его лицу было видно: он устал и нервничает. Мы протиснулись к нему. „Что вам тут нужно? Кто вы такие?" — отрывисто и весьма недружелюбно спросил он. Я ему коротко изложил суть дела: мы — двое свердловцев из Москвы и хотели бы у него получить билеты на завтрашнее открытие конгресса Коминтерна. „Как вы сюда попали? Кто вас ко мне послал?" — еще более резко спросил Анцелович. „Да вот девушка-секретарша, что сидит в соседней комнате". — „Вы лжете! — взревел тут товарищ Анцелович, — она не могла вам этого сказать! Я сейчас это проверю, и, если вы наврали мне, я вас арестую!" Мы оторопели, не зная, что и подумать.

Однако пришедшая девушка подтвердила, что именно она направила нас к нему; ей показалось очень несправедливым, если два мальчика, с таким трудом добравшиеся до Петрограда специально для того, чтобы попасть на открытие конгресса, не смогут на нем присутствовать. Анцелович сразу успокоился, устало махнул на девушку рукой и сказал: „Вот я оскорбил этих молодых товарищей, заподозрив, что они лгут, а теперь мне придется перед ними извиниться. Извините меня, пожалуйста, что так все вышло. А вы, — обратился он к девушке, — выдайте им два гостевых билета".

Так, вместо грозившего ареста, нам дали то, о чем мы мечтали, ради чего приехали из Москвы в Петроград, — два гостевых билета на хоры большого зала Таврического дворца на 19 июля 1920 года. Этот эпизод мне запомнился на всю жизнь. Сколько раз я вспоминал его позже и думал: соври мы тогда — и нас с позором прогнали бы прочь, как жал-

ких обманщиков, и ничего другого, кроме острого чувства стыда, это воспоминание в нас позднее не вызывало бы. Но мы говорили правду, и даже такой человек, занятый сверх меры организацией предстоящего открытия конгресса Коминтерна, как Анцелович, уловил в общей сумятице, что он нас незаслуженно обидел, так как тот, кто сомневается в правдивости слов другого человека, причиняет этому человеку большую обиду. Я никогда не забуду и то, что девушка, увидев разгневанное лицо своего начальника, не побоялась взять вину на себя, хотя, как всякий разумный человек, конечно, понимала, что посылать двух неизвестно откуда появившихся мальчишек за гостевыми билетами в самый канун открытия конгресса было нельзя. И я по гроб жизни буду благодарен этой девушке — она своим чутьем угадала, что нами руководило не праздное любопытство, а именно революционное воодушевление, которое, вероятно, было написано на наших лицах и можно было прочесть в наших глазах. Благодаря ей нам удалось услышать одну из самых замечательных речей Ленина.

И еще одно: обращаясь к Анцеловичу, я не хотел говорить, кто мой отец и что мой дядя — Подвойский, не хотел воспользоваться этим словно протекцией, я считал возможным говорить только о себе как о свердловце, молодом коммунисте, который не прячется за спину своих родных и близких (я не сомневался в том, что Анцелович хорошо знал и Подвойского, и моего отца).

Я пишу сегодня обо всем этом так подробно потому, что в моей памяти большие события мирового масштаба и мелкие, незначительные события тех лет не разделены между собой, а слиты в одно яркое понятие, имя которому — Ленин и революция. Не будь инцидента в кабинете Анцеловича,

я, наверное, не попал бы на открытие конгресса Коминтерна и не пережил бы одного из самых волнующих дней моей жизни.

19 июля мы с Богдановым вошли в Таврический дворец на Шпалерной (ныне ул. Воинова), куда два с половиной года перед тем я входил, чтобы присутствовать на открытии Учредительного собрания и где я тоже видел Ленина. На книжном прилавке я купил только что вышедшую из печати книгу Ленина „Детская болезнь „левизны" в коммунизме".

Те же лестницы, те же хоры. Только на открытии Учредительного собрания я был на боковых хорах, а теперь нахожусь на средних, прямо против трибуны и президиума. Перед открытием заседания в зале обычный гул голосов, кто-то проходит на свое место, кто-то стоя указывает рукой на трибуну. Мне сверху видны главным образом затылки сидящих в зале делегатов конгресса. Я различаю внизу среди делегатов людей всех цветов кожи, вижу итальянца Серрати, которого узнаю по белой бороде (его портрет я уже где-то видел раньше), заметил негра и еще много, много лиц... И вдруг все в зале замерло, все головы повернулись в ту сторону, откуда должен был появиться Ленин. Наступило напряженное ожидание. Еще момент — и должно произойти что-то такое, чего ждут все эти люди, съехавшиеся сюда со всего света.

Надо напомнить, что то было время, когда казалось, что долгожданная революция вот-вот вспыхнет во всем мире. Ее признаки уже были ощутимы в разных странах Европы, гребни революционной волны поднимались все выше и выше. В Италии складывалась революционная ситуация, забастовочное движение грозило перерасти в баррикадную борьбу. Германия стонала под гнетом Версальского договора, и ее Ноябрьская революция 1918 года,

казалось, лишь на время сдержана деятельностью кровавой своры убийц и предателей — шейдеманов и носке.

В Венгрии и Баварии, где только недавно была подавлена Советская власть, казалось, снова вспыхнет революция. И на этом фоне — победа Красной Армии, которая, разбив напавшие на Советскую страну войска панской Польши, быстро продвигалась на запад. Красная Армия — армия победившего буржуазию российского пролетариата — несла в себе ту искру, которая, упав на подготовленную уже политическим кризисом почву, могла вызвать всеобщий революционный взрыв не только в Европе, но и во всем мире. Известно, что история пошла иначе, но в тот момент коммунисты ждали именно такого развития событий, которое приведет к победе мировой революции. В такой обстановке собрался II конгресс Коминтерна; все его делегаты и гости с замиранием сердца ждали появления Ленина на трибуне, так как Ленин воплощал в себе эту мировую революцию, был ее реальным выражением, ее живым образом, ее олицетворением. Сейчас он войдет и скажет делегатам коммунистических, революционных, рабочих партий всего мира свое мудрое ленинское слово...

И он вышел, как всегда, быстрыми шагами, держа в руке бумажные листы. Зал увидел Ленина, и тут произошло что-то невообразимое. Никогда ни до, ни после этого я не видел и не слышал ничего даже отдаленно похожего. То, что произошло, ничем не напоминало выполнение заранее установленного церемониала. Нет, это походило на какой-то внезапно налетевший вихрь, словно электрический ток пробежал по залу, и все присутствующие в нем вдруг вскочили, стали выкрикивать на разных языках приветствия Ленину, люди ликовали от внезапно ох-

ватившего нх чувства радости н какого-то небывалого восторга. Они вндели Ленина (многие впервые), Ленина, о котором говорилн во всем мире как о гении революцин, — однн с сияющимн лицами, другне со скрежетом зубовным, но говорилн все. И вот теперь он стоял перед делегатамн спокойный, уверенный, твердый как скала и ждал, когда наконец кончится весь зтот ураган бурных приветствий. Впечатленне усиливалось еще н потому, что все время вспыхивали „юпитеры"(пронзводилась киносъемка), направленные на Ленина, н почтн непрерывно оркестр, спрятанный на хорах где-то сзади, играл туш.

Я ничего не сознавал в тот момент, будучи, как и все, захвачен вихрем, налетевшим на зал, я не вндел никого, кроме Ленина, н смотрел только на него. Потом я вспоминал, кричал ли я вместе со всемн, когда Ленин вошел на трибуну, и не мог вспомнить. Думаю, что кричал н рукамн махал.

Также не могу сейчас вспомнить, а тогда не мог даже заметить, сколько времени продолжалась зта буря. Наверное, долго, н я видел, как Ленин, стоя на трнбуне, несколько раз делал руками нетерпелнвые жесты, словно стараясь утихомирнть, успокоить бушующее в зале человеческое море. Но зтого достичь ему никак не удавалось, н каждый его жест вызывал вместо успокоения новый взрыв оваций. Наконец зал как будто утих, н Ленин произнес свонм такнм знакомым мне голосом, слегка картавя, первое слово: „Товарнщи!" Но достаточно было людям, собравшимся в зале, услышать первые звукн ленинского голоса, как все повторилось снова, н снова вспыхнула овация с бурным выражением чувств безграничной любвн н преданности Ленину как вождю революции, как гению человечества.

По лицу Ленина я видел, что он недоволен, что он с нетерпением ждет момента, когда кончатся овации — эта пустая трата времени и сил на приветственные крики, тогда как важно и нужно было скорее перейти к серьезному обсуждению проблем той самой мировой революции, которую уж слишком долго приветствуют, словно малые дети, собравшиеся здесь взрослые люди — руководители революционных партий разных стран. Так мне тогда казалось, когда я с восторгом, как и все, кто был в зале и на хорах, глядел на Ленина.

Но вот Ленин стал наконец говорить. Он простирал вперед руки — в одной из них он держал текст доклада, который он так и не раскрыл в течение всей своей речи. Насколько бурной была реакция зала на появление Ленина на трибуне, настолько все затихло и замерло, когда Ленин делал доклад. Буквально затаив дыхание, в глубокой тишине, боясь проронить хотя бы одно слово, прослушали делегаты конгресса то, что хотел сказать им Ленин, чем он хотел с ними поделиться, обсудить и обдумать сообща. Только раз или два в середине доклада вспыхивали аплодисменты.

Доклад Ленин сделал очень темпераментно, с большим подъемом, и тишина, в которой он был прослушан, очень резко контрастировала с бурей оваций, вспыхнувшей при встрече Ленина. Доклад Ленина опубликован, и я не буду здесь пересказывать его содержания, тем более что мне сейчас уже трудно отделить то, что мне запомнилось тогда из этого доклада, от того, что наложилось позднее после его чтения в изданных Сочинениях Ленина. Ясно помню, как Ленин удивительно выпукло сказал тогда, что абсолютно безвыходных положений не бывает и что, в каком бы тяжелом положении мировая буржуазия сейчас ни оказалась, у нее всег-

да найдется возможность выбраться из этого положения, найти выход из создавшегося революционного кризиса.

Ленин говорил, что закончившаяся империалистическая война велась ради передела мира, чтобы определить, какой из групп крупнейших государств удастся получить возможность и право грабить, душить и эксплуатировать всю землю. Война поставила ряд стран в условия, которые равносильны колониальным. В их числе и Германия, которая была одной из самых передовых и культурных, технически оснащенных стран. А вот Соединенные Штаты Америки только выиграли от войны: из государства, имевшего массу долгов, превратились в державу, которой все должны. Но положение трудящихся масс становится все тяжелее не только в побежденных странах, но и в странах-победительницах. Поэтому рост революционных идей неизбежен. Надо, предупреждал Ленин, использовать этот кризис для победоносной революции.

Я коснулся лишь некоторых моментов, содержавшихся в ленинском докладе, которые мне запомнились, хотя с тех пор прошло более 60 лет. И странно: то, что было очень-очень давно, мне представляется так ярко, словно это было вчера. Не потому ли образ Ленина, как живой, до сих пор стоит перед моими глазами, а его голос звучит в моих ушах, несмотря на пролетевшие с тех пор десятилетия? И это лучшее воспоминание всей моей жизни.

Помнится, что меня поразила и увлекла тогда удивительная ясность ленинской мысли, весь ее ход, простота ее изложения при анализе сложнейших вопросов международной обстановки и развития мировой революции. Невольно напрашивалось сопоставление с недавно прослушанным мною докладом Ленина о работе в деревне: очень просто, доходчиво

н вместе с тем удивительно содержательно и глубоко Ленин ставил перед своимн слушателямн обсуждаемые вопросы и формулировал задачи, несмотря на всю их сложность, причем так, что отнюдь не поучал других, говорил не наставительным тоном, а как равный с равнымн обсуждал поставленные им проблемы, советуя, какнм образом надо поступать в том илн ином случае, или ожидая, что скажут сами слушатели на зтот счет.

Во время открытия конгресса Коминтерна в Петрограде состоялась многолюдная демонстрация, и я в ней тоже участвовал.

Так прошел зтот замечательный день, оставнвший у меня неизгладимое впечатление на всю жизнь. И особенно запомнилось зто еще потому, что тогда я в последний раз видел н слышал живого Ленина. Мог ли я тогда знать зто илн хотя бы подумать об этом? Конечно нет.

...Не так давно в Комитете по прнсуждению Ломоносовских премий за лучшие научно-популярные и учебные фильмы, председателем которого я состоял, был просмотрен фильм о Ленине „Один день из бессмертия", составленный нз кадров кинохроникн, снятой в Петрограде 19 июля 1920 года. Была снята н демонстрация. И в рядах демонстрантов я увидел Н. И. Подвойского. А я ведь был где-то рядом с ним. Но, может быть, я себя просто не узнал? Ведь прошло столько десятилетий с тех пор.

Очерк 10

На польском фронте. Боевое крещение. Письмо, переданное Ленину. Август–декабрь 1920

В броне,
В крови,
В заплатах –
Вперед,
Вперед,
Вперед
Страдал и шел двадцатый
Неповторимый год!

И. Уткин

В 1920 году гражданская война продолжалась полным ходом. На юге, в Крыму, сидел со своей армией барон Врангель, делавший набеги на побережье Северного Кавказа и на Южную Украину. На западе действовали не разбитые до конца белополяки. В мае 1920 года значительная часть слушателей Свердловки отправилась на польский фронт (а оказалось, что на Южный врангелевский фронт). Записывались очень многие товарищи, и я, конечно, в том числе. Но меня вычеркнули из списков отъезжавших на фронт, так как мне было всего 16 лет.

Но я не успокоился. Написал заявление в ЦК партии и пошел в ЦК, которое помещалось тогда на Воздвиженке (сейчас проспект Калиинна) в здании, где ныне размещен Музей архитектуры. В коридоре я столкнулся с секретарем ЦК партии, которого знал по работе в „Правде". Говорю ему, что хочу на фронт, а меня вот не пускают, говорят, что я еще

мал, а мне ведь уже 17 лет (полгода я себе прнбавил). Прошу его написать на моем заявлении, чтобы меня пустили! Он улыбнулся н написал на заявлении что-то вроде „поддерживаю" илн „разрешаю". Свое заявление с наложенной на нем резолюцней и вместе с пуровской анкетой – личной картой коммунистов (я заполнил анкету, составленную Политическнм управлением Реввоенсовета республнкн для полнтработников Красной Армии, а нменно форму № 1; она до сих пор храннтся в моем личном архиве) я торжественно понес в ректорат Свердловки, но – увы! – не помогла даже резолюция секретаря ЦК партии: меня в число отъезжающих на фронт так н не включили, н я остался в Москве.

Мон товарищи по Свердловке уехалн на фронт, я их провожал на вокзале н чувствовал себя предельно н несправедливо обнженным. Мне так хотелось быть со всемн там, где с оружием в руках Красная Армия громит врага, защищая Советскую Родину.

В августе моя мать с новорожденной дочкой Сильвней (ее так назвалн в честь английской коммунисткн Сильвнн Панкхерст) уехала в подмосковный санаторий. Вскоре была объявлена партийная мобилнзация на фронт. В конце августа я снова записался добровольцем на фронт в Краснопресненском районе РКП (б), в котором состояла парторганизация Свердловкн. На этот раз мое давнишнее желание осуществилось.

Попал я в 12-ю армию (штаб ее стоял в Кневе) в 24-ю стрелковую Железную дивизию, в 70-ю бригаду, полкн которой былн укомплектованы главным образом молодыми татарами нз Казанской губернии. Меня назначили полнтруком отдельной роты связн брнгады, а потом – военкомом этой же роты. Из Киева на поезде мы доехалн до станции Броды – она была совершенно разрушена еще

в первую мировую войну, когда здесь, в Галиции, проходили большие сражения между русской и австро-венгерской армиями. В Бродах, в Красных казармах (недалеко от станции) я нашел свою роту связи и сразу же приступил к работе в качестве политрука. Вместе с ротой я сделал большой переход от Бродов до местечка Стоянов. С белополяками шли тогда напряженные бои, и где-то на севере от нас белополяки осуществили большой прорыв и отбросили далеко на восток Красную Армию, подходившую перед этим уже к Варшаве.

Состоялось организационное партийное собрание работников штаба бригады и приданных подразделений. Меня выбрали секретарем ячейки РКП(б), причем тут же некоторые коммунисты дали мне свои партбилеты то ли для регистрации, то ли на хранение, и я их долго возил в своей старенькой корзиночке, пока шло отступление наших войск. Я тогда думал, что это так и надо, что секретарь должен сохранять партбилеты коммунистов своей ячейки.

Дня три мы пробыли в Стоянове, а потом стало известно, что полки нашей бригады разбиты в первых же боях с противником и что нам надо отходить на восток по направлению к реке Стырь. Было начало сентября, погода стояла ясная, теплая, и мне хорошо запомнилось тягостное чувство, которое охватывает тех, кому приходится отступать во время войны.

Несколько лет назад, будучи на научной конференции во Львове, я попросил местных товарищей свозить меня в Броды и Стоянов, где мне пришлось воевать в 1920 году.

...Когда мы отъехали от Стоянова, недалеко от поворота дороги я вышел из машины, немного отошел и оглянулся. И вдруг так ясно вспомнился тот давний осенний день, когда мы шли по пыльной

дороге и я с зтого поворота также, оглянувшись, увидел красиую стояновскую колокольню и крыши окружающих ее построек.

Когда Стоянов скрылся из глаз, дорога пошла вдоль иебольшого перелеска и соседнего поля, переходившего в лощину; вдруг иа противоположном склоие лощины показались всадники. Расстояние между иами и ими было километр — полтора. Это была польская кавалерия (с приданной ей артиллерией), которая явио иамеревалась отрезать иам путь к реке и захватить в плеи. Кто-то из отступавших, но ие из нашей роты, скомандовал образовать цепь, я поддержал его, и мы залегли и стали отстреливаться. У меня тоже была винтовка, и я стрелял в скачущих иа нас всадников. Тогда я впервые пережил то чувство, которое испытывает человек, когда в иего стреляют. Свист пуль я слышал и раньше — в 1918 году, когда шел иа Учредительиое собрание в Петрограде, и в Москве, когда стреляли восставшие левые эсеры с броиевика. Но, во-первых, тогда зто были пулеметные очереди или одиночные выстрелы, а теперь пули свистели — з-з-зь! — все время и часто и словио со всех сторои, а во-вторых, совершенно иовым было странное чувство, вериее, созиание, что сейчас иельзя от зтих пуль уйти, убежать, спрятаться, как тогда в подворотню, а иадо под пулями стрелять и, делая перебежки, иаступать.

Было ли мне страшио? Поначалу да — слышать свист пуль и уханье пролетавших иад головой сиарядов.

Мы иесколько раз делали такие перебежки, передвигаясь вперед по иаправлению к противнику, и сиова ложились. Было ли мне страшно? Пожалуй, уже нет, во всяком случае, зто ие то слово — было как-то странио, необычно, словио ты уже ие принадлежишь самому себе и ие распоряжаешься

больше собою. И еще: хотелось иаходиться поближе к соседу, а иадо соблюдать дистанцию и не сближаться между собой. И когда мы поднимались, чтобы делать перебежку, я кричал: „Вперед, товарищи! Держите дистанцию!" – а сам иевольно чувствовал, что так и тяиет, словио магнитом, приблизиться к бегущему рядом красиоармейцу. Над нашими головами пролетали сиаряды, глухо завывая, и падали позади иас, за перелеском, громко взрываясь. Противиик спустился в лощину и не стал видеи. Казалось, ои вот-вот появится иа нашем склоие лощины совсем близко от иас, и бой тогда перейдет в рукопашный. Рядом со миой крикнул красиоармеец: „Я раиеи в иогу!"

Пули продолжали свистеть, а сиаряды – рваться где-то поблизости.

Но потом все смолкло. Мы еще иекоторое время продолжали отстреливаться, ио вскоре обиаружили, что атаку противника мы отбили, и он, встретив сопротивление, ушел со своей артиллерией обратио, ие выходя из лощины.

Сохраняя строй, мы продолжали отступать и к иочи подошли к реке Стырь. Мост был через иее иаведеи, и на обоих ее берегах горели костры. Скопилось много войска, и во избежание беспорядка и паники пропускали всех строго по очереди. Только тут я обиаружил, что все командиры нашей роты отсутствуют: оии бежали, их ие было в бою, и я один, иеобстрелянный юиец, привел маленький отряд красиоармейцев иа поле боя, где под командованием настоящих командиров других частей мы вступили в первый бой с противником.

...Когда в середине 60-х годов я рассказал однажды дочуркам, Наташе и Диие, про этот свой первый бой, они почему-то запомнили то, что моя рота осталась без командиров и что я один остался с ией. По-

том они меня просили: „Папа, расскажи, как командиры убежали". Значит, вот что сильнее всего подействовало на детское сознание...

Остаться в строю, участвовать в бою — к этому меня обязывало не только мое положение политрука, но и сознание, что я — коммунист, добровольно ушедший на фронт, и я не могу не только уклониться от выполнения своего прямого долга защитника Советской власти, но не имею права дрогнуть, показать вид, что мне страшно. Было еще одно обстоятельство, которое в тот миг заставляло думать не столько о себе, что меня вот сейчас, сию минуту могут убить, а о других, которые мне доверили свои жизни и за которых я отвечал. Пожалуй, это сознание ответственности за других придавало ту силу духа, которую можно было бы условно назвать в данном случае храбростью.

Свое участие в первом бою и свои переживания во время него я подробно описал в письме к моим родным — отцу, матери и братьям, причем описал в очень взволнованном, как мне помнится, тоне, но очень искренне, без прикрас и хвастовства, писал, что поначалу было страшновато, но я заставлял себя идти вперед. Закончил письмо я словами: „Продолжение следует". Это письмо я просил отправить в Москву одного товарища, который ехал в штаб дивизии (а может быть, в штаб армии), и мои родные его получили. Мать отдала его Марии Ильиничне (хотя я об этом ее и не просил вовсе), а та, по словам моей матери, сказала ей, что показывала мое письмо Владимиру Ильичу.

Вот почему здесь я так подробно описал все то, что само по себе не имело бы большого значения, разве только в плане чисто личном, касающемся только меня.

Но если мое письмо прочитал или хотя бы пробежал глазами Владимир Ильич, если оно побывало

в его руках, то само письмо, его содержание н сама история его напнсания прнобретают для меня большое значенне.

Я не знаю, где н у кого осталось зто письмо, во всяком случае моей матерн Мария Ильинична его не вернула...

1920 год продолжал идтн „в броне, в крови, в заплатах" – н было, конечно, еще много такого, о чем можно было бы вспомнить н рассказать. В конце октября было заключено перемирие с поляками, а потом мы нсколесили почтн всю Подольскую губернию, преследуя бандитскне шайки, возглавлявшиеся всякнми там „атаманамн". В декабре мне нсполнилось 17 лет, а в самом конце декабря я, как не достигший совершеннолетия (по приказу ПУРа), был отозван нз Красной Армии и направлен на учебу. Зима на Украине стояла суровая, а у меня не было теплой шапкн. Когда я в летней фуражке ехал на лошадях в Винницу, где стоял тогда штаб нашей 24-й дивнзии, я отморозил уши. Так с отмороженными ушами, которые сталн похожими на лопухи, я вернулся под Новый год в Москву. Начиналась новая жизнь, полоса мирного строительства в стране. Но еще немало вооруженных схваток предстояло выдержать советскому народу: кронштадтский мятеж, антоновщина в Тамбовской губернии и другне. „Какова-то будет зта новая жизнь?" – думал я.

Очерк 11

Три первых мирных года. Задача – учиться. 1921–1923

Ученье – свет, а неученье – тьма.
Народная пословица

О речи Ленина на III съезде комсомола 2 октября 1920 года весть к нам на фронт не дошла, а на фронте дело шло к перемирию с белополяками. Нас же доимали бандитские шайки. Когда я демобилизовался и вернулся в Москву, я отовсюду слышал ленинский призыв: учиться, учиться, учиться. Товарищи, слышавшие речь Ленина на III съезде комсомола, мне подробно передали ее содержание, но так как я много раз потом ее читал и перечитывал, то, как и в случае с ленинской лекцией „О государстве", я сейчас уже не могу твердо различить, что я запомнил из рассказов товарищей, а что прочел в Сочинениях Ленина. Запомнилось, безусловно, лишь одно – что надо учиться, но так, чтобы тесно связывать теорию, науку с практикой и не быть догматиками и верхоглядами. Поэтому сейчас, как и в предыдущем случае, я ограничусь приведением точных слов Ленина из его речи.

Выдвигая свой призыв, обращенный к молодежи: учиться! – Ленин на вопрос: чему учиться и как учиться? – отвечал: учиться коммунизму, связывая каждый свой шаг учебы с живой революционной общественно-исторической практикой.

Как и в лекции „О государстве", Ленин в своей речи предостерегает против заучивания тех или иных

положений о коммунизме. Эти положения должны звучать не догмой, а руководством к действию, то есть должны быть теснейшим образом связаны с живой текущей работой, с практической борьбой за коммунизм. „Поэтому, – подчеркивал Ленин в своей речи, – простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным. Теперь в наших речах и статьях нет простого повторения того, что говорилось раньше о коммунизме, так как наши речи и статьи связаны с повседневной и всесторонней работой. Без работы, без борьбы книжное знание... продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой..."[1] И далее Ленин раскрывает и обосновывает тот свой совет – научиться опираться на громадный фактический материал, – который был лишь только намечен в лекции „О государстве": „Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания... Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. И такое верхоглядство было бы решительным образом губительно"[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 302.
[2] Там же, с. 305.

А затем в речи Ленина прозвучала та же мысль, которая в его лекции „О государстве" выступала как одна нз главных:

„Мы не верили бы учению, воспитанию н образованию, еслн бы оно было загнано только в школу н оторвано от бурной жизни... А наша школа должна давать молодежи основы знания, уменье вырабатывать самим коммуннстическне взгляды..."[1]

В Свердловке в беседах с товарнщами я получил первое, самое поверхностное представление о диалектике. С тех пор я пытался повсюду ее обнаружить, в том числе и в речи Ленина „Задачи союзов молодежи". „Здесь обязательно должна быть диалектика, – думал я, – ее надо только найти, выявить, по-видимому, она где-то глубоко скрыта". И я нскал ее, но не мог найти.

...Сегодня важно отметить, какнм образом Ленин конкретизнровал материалистическую диалектику в своих обращениях к молодежи, призывая ее учиться н овладевать наукой. Без диалектики нельзя было бы поставнть н решить нн одного серьезного вопроса, касающегося учения, воспитания н образования молодежн. Ибо, как говорил Владимир Ильич, матерналистическая диалектика составляет живую душу марксизма.

Много лет спустя Н. К. Крупская в своих статьях „О Ленине" вспоминала: „„...мы знаем, как живучи старые бытовые обычаи н предрассудки. Стихийный процесс должен быть освещен светом сознания. И Ильич требовал, чтобы вся учеба детей, подростков, взрослых насквозь была пропитана духом диалектического матернализма"[2].

Однако такое „пропитыванне" мыслилось Лени-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.
[2] *Крупская Н. К.* О Ленине. М., 1971, с. 60.

ным отнюдь ие как иаклеивание диалектических ярлыков иа известные вещи, не как жонглирование диалектической терминологией. Подобные упражнения иичего, кроме вреда, ие могли приести и тому материалу, который подвергался бы соответствующей „диалектизации" (диалектической обработке), и самой диалектике, которая бы вопиющим образом дискредитировалась бы в результате всего зтого.

Даже в тех случаях, когда Ленин делал записи только для себя, и тогда ои стремился к тому, чтобы выражать диалектические положення как можно в более простой и доступной для понимания форме. Так, в „Философских тетрадях" он записывает: „Гегель геииальио *угадал* диалектику вещей (явлений, мира, *природы*) в диалектике поиятий". Затем тут же ои делает для самого себя заметку: „Этот афоризм надо бы выразить популяриее, *без* слова диалектика: примерио так: Гегель геииальио *угадал* в смеие, взаимозависимости *всех* понятий, в *тождестве их противоположностей,* в *переходах* одного понятия в другое, в вечной смеие, движеиии понятий **ИМЕННО ТАКОЕ ОТНОШЕНИЕ ВЕЩЕЙ, ПРИРОДЫ**".

Когда один автор, склониый к терминологической схоластике, вздумал щеголять словечком „диалектическое отрицание", В. И. Леиии сурово поправил его, сказав: „Автор злоупотребляет *словом* „д[иалектическое] отр[и]ц[ан]ие": иельзя употреблять его, не доказав *сначала* фактами *осторожно*"[1].

Так именно осторожно поступает Владимир Ильич в своих обращеиинях к молодежи. Его лекция „О государстве", его речь „Задачи союзов молодежи" насквозь пронизаны материалистической диалектикой,

[1] Ленинский сборник XI, с. 378.

но сделано это осторожно, предельно популярно, без какого-либо злоупотребления диалектической терминологией.

Между тем нменно коренные черты материалистической диалектикн Ленин нмел в виду, когда говорил о прннципе развнтия, об нсторическом подходе, о единстве н нераздельности теорин н практики, о связи положений марксизма с условиями общественной жизнн, о соотношении между знаниями и убеждениями молодежи и о многих других вопросах. И через все речи, статьи и книгн Владимира Ильича, через всю его революционную деятельность — теоретическую и практическую — красной нитью проходит матерналистическая диалектика, составляющая живую душу всего марксистского учения. Вселнть зту „душу" в сознание молодежи, начавшей овладевать наукой, составляло заветное желанне Ленина — вождя Велнкой революции. Но все зто я понял значнтельно позднее, уже после смертн Ленина.

Сейчас же на очередь дня вставала непосредственно практическая задача, вытекавшая из ленинского прнзыва учиться, учиться, учиться. Гражданская война кончилась, н сотни тысяч н даже миллноны советских юношей н девушек, следуя прнзыву Ленина, устремилнсь в различные учебные заведения — и среднетехническне, н высшие, чтобы приобрести специальность. Но какую? Ведь такой вопрос обязательно должен был встать перед каждым молодым человеком, желающим нметь определенную профессию. Значит, вопрос конкретно вставал о выборе профессии. А зто порой бывает сделать нелегко, особенно представителям рабоче-крестьянской молодежи, которая впервые прнобщалась к науке. Я помнил, как зто пронсходило в Свердловке на монх глазах.

И вот в самом начале 1921 года мой отец решил заняться практической психологией и вместе с известным психологом К. Х. Кекчеевым организовал лабораторию по изучению вопроса о выборе будущей профессии молодежью, приступающей к учебе. Проблема эта была тогда весьма актуальной с точки зрения задачи массовой подготовки новых кадров специалистов самого различного профиля. Я стал выполнять обязанности лаборанта по обработке полученных результатов.

С самого начала задача исследования была поставлена так, чтобы наблюдения могли вестись одновременно над любым числом испытуемых, то есть в массовом, а не в индивидуальном порядке. Так, для массовой проверки на определение объема внимания, утомляемости, скорости приобретения навыка и т. д. отец придумал зачеркивание букв в напечатанном тексте: одна буква должна была зачеркиваться косой чертой справа налево вниз, другая, наоборот, — слева направо, третья — вертикальной чертой. Каждый испытуемый получал изготовленный мною контрольный образец. Каждую минуту отец или Кекчеев, проводившие опыты, говорили: „Раз!" — и испытуемые должны были ставить в том месте текста, до которого они дошли в данный момент, условный значок. Я ассистировал во время опытов, доставал на складах не нужную никому литературу для их проведения. Помню, достал кучу книжек о житии какого-то святого. Но главная моя обязанность была проверка и обработка полученного во время опытов материала. Это была достаточно трудоемкая и нудная работа, ведь приходилось читать и анализировать большое количество текстов. И для облегчения ее я придумал прозрачную табличку с нанесенными на нее черточками: когда такую табличку накладываешь на обрабаты-

ваемый текст, сразу видно, какие буквы зачеркнуты правильио, какие – иеправильио или пропущены. Мое изобретение существенно улучшило всю технику обработки опытиого материала.

Из опытов, касавшихся отдельных профессий, помню, ставились исследования в школе пошивочиого, швейиого дела. Там внимание обращалось иа скорость иаиесеиия стежков и их качество.

Так прошли у меия первые четыре месяца 1921 года.

Во время дискуссии о профсоюзах и иакануне X съезда РКП(б) мой отец, Н. И. Подвойский и К. А. Мехоиошии, связанные между собой еще с давних пор по партийиой и военной работе, а также близкой дружбой, подготовляли по собствениой инициативе анализ обстановки и практические предложения в виде записки, которую они составляли иа имя Ленина. Они запирались в одной из комнат, занимаемых семьей Подвойских в 1-м Доме Советов (ныне гостиница „Националь", иомер 130-й), и никого туда ие пускали. Когда записка была готова, оии сами передали ее Леиину. О ее содержании я мог лишь догадываться из бесед с отцом, когда говорил с ним о взаимоотношеииях между рабочим классом и средним крестьянством (середняком). О себе могу сказать, что я твердо держался позиции Леиина, уже иаперед будучи увереи, что Ленин всегда прав, а Троцкий, Бухарин и вся так называемая „рабочая оппозиция" глубоко ошибаются, отходят от линии партии.

В конце апреля 1921 года отец отправился иа Южный Каспий с целью организации добычи рыбы иа Каспийском море, включая севериое побережье Персии (Ирана), где Советская Россия арендовала рыбные промыслы. Одновременно в качестве полиомочного представителя ОГПУ отец должеи был

провернть работу зтих органов по путн следования и в Баку, по месту своего нахождения. Я поехал н на зтот раз с ннм, н зто была моя последняя поездка вместе с отцом. Мы выехалн из Москвы 21 апреля, по дороге ненадолго останавливалнсь в Харькове, Ростове-на-Дону н в других городах. Основной базой для нас стал Баку, где отец создал управление рыбных промыслов Южного Каспия. Меня он отправил в качестве информатора в персидский город Энзелн (Пехлевн), где был центр рыбных промыслов, находившихся раньше в руках русского миллионера Лианозова. Там я пробыл месяца трн. Организовал на промыслах партийную ячейку, которая установила контакт с городскнм партийным комитетом в Энзелн.

Откликаясь на прнзывы помочь голодающим Поволжья, мы на промыслах провелн отчисления натурой (рнсом) н отправилн телеграмму в Москву, в „Правду" Марии Ильиничне, за моей подписью и за подписью председателя профсоюза рабочих промыслов. В одном из летних номеров „Правды" за 1921 год наша телеграмма была опублнкована.

Примерно в начале сентября 1921 года отец отозвал меня нз Персии в Баку, н я стал работать в его управлении. Одновременно он н И. Ф. Тубала проверялн работу АзГПУ (по старому Азчека — Азербайджанская чрезвычайная комиссия) н обнаружилн в ней серьезные ошибки н недостатки. Прн этом один из руководителей АзГПУ был прнзнан главным виновником зтих недостатков н был квалифнцирован как не вызывающий полнтического доверия.

Меня отец нспользовал иногда как своего секретаря, который под диктовку пишет протоколы и письма. Такне записи велись в особых личных тетрадках отца (под копирку). Онн так н назывались

тогда и потом коротко „тетрадками". Помню, что я под диктовку отца написал длинное письмо о политическом положении в Северной Персии, где орудовали сразу несколько „ханов", которые придерживались различной внешнеполитической ориентации: одни – английской, другие – русской, третьи – независимой.

Точно так же мне было продиктовано письмо на имя Ф. Э. Дзержинского о положении в АзГПУ.

В ноябре 1921 года я отвез зто письмо в Москву и передал его в ОГПУ для Дзержинского. Было у меня также письмо от отца к Ленину, но о его содержании я ничего не знал. Я его передал в секретариат Ленина.

Перед отъездом из Москвы в Баку зашел в „Правду" к Марии Ильиничне. Я ее не видел почти два года. Она нашла, что я вырос, возмужал (к тому же у меня еще не прошел южный загар). Узнав, что еду в Баку, она очень обрадовалась и сказала, что у „Правды" плохая связь с ним, и попросила отвезти в местную газету несколько пачек правдинских изданий. Она все стремилась дать их побольше, взял сколько мог. Ехать пришлось тогда в ужасных условиях, в битком набитом вагоне, сидя на объемистых пачках, полученных от Марии Ильиничны. В Баку я перенес сыпняк, причем ни разу не терял сознания, даже когда температура поднялась до 41 градуса. К счастью, сердце было молодым, здоровым и вынесло. Так в госпитале и встретил свое совершеннолетие.

Выйдя из госпиталя и чуть-чуть оправившись, я вернулся в Москву с твердым намерением работать с Н. И. Подвойским и сдать экзамены за среднюю школу, а осенью поступить в Московский университет. Подвойский по-прежнему занимался Всевобучем и допризывной подготовкой. Я хорошо помнил, как летом 1920 года Ленин сурово раскри-

тиковал состояние этой работы, и мне захотелось по мере своих сил принять участие в ней. С такими планами в конце декабря 1921 года я приехал домой, в Москву.

Пришел 1922 год. Я начал работать литературным сотрудником Спортинтерна, председателем которого был Н. И. Подвойский. Одновременно я усиленно готовился к вступительным экзаменам на химическое отделение Московского университета (тогда он назывался 1-м МГУ).

Нашу семью постигло страшное горе: в мае 1922 года умер мой брат комсомолец Юрий (ему было 17 лет). Одно время он работал с Марией Ильиничной в „Правде". Для меня он был не просто братом, а товарищем, другом. Я написал некролог, подписал „товарищ" и вместе с его фотографией отнес Марии Ильиничне. Видно было, что она очень расстроилась. Она обещала напечатать некролог вместе с фотографией брата и сдержала свое слово.

После смерти брата у меня долго не проходило тяжелое, мрачное настроение. Подвойские и моя мать, видя это, решили сблизить меня с одним хорошим знакомым, старым революционером и философом-марксистом Владимиром Филипповичем Гориным (Галкиным). Это был почтенный старик, с седыми вьющимися волосами и густыми черными бровями. Он был сначала народовольцем, потом стал большевиком-ленинцем. В 1919 году они совместно с Подвойским написали большую работу о диалектике гражданской войны[1].

---

[1] Рукопись этой работы Н. И. Подвойский отправил в октябре 1941 года в Ташкент вместе с поездом эвакуируемых москвичей. Летом 1943 года я был в командировке в Ташкенте, разыскал ее и вместе с другими важными материалами Подвойского и Горина (Галкина) привез в Москву.

С Гориным (Галкиным) я познакомился еще весной 1920 года. Он часто бывал у Подвойских в 1-м Доме Советов, где жила и наша семья. В 1920 году Владимиру Филипповичу было 57 (возраст по тому времени почтенный). С философией я почти не был знаком, и он взялся мне помогать ее изучать.

С Владимиром Филипповичем мы много говорили о смысле жизни, о его прошлой революционной деятельности. Он рассказывал мне о Ленине, своих беседах с ним по философии. Наши разговоры часто вращались вокруг книги В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм", а также вокруг проблем диалектики. Владимир Филиппович рассказывал мне, как он поддерживал Ленина в его борьбе против Богданова и прочих махистов, разъясняя мне суть их философских разногласий. Владимир Ильич осенью 1908 года, закончив работу над рукописью, просил Горина (Галкина) прочесть ее и сделать по ней свои замечания. Он выполнил просьбу Ленина, читал работу целый месяц, сделал много пометок, исписав, как он выразился, „целую кипу листов". И он показал пальцами, какой толстой была эта пачка. „Куда же потом делись эти замечания?" — спросил я. „Владимир Ильич мне все вернул, и я их использовал в дальнейшем в своей собственной работе", — ответил Владимир Филиппович. В какой именно, он не сказал, а я его не спросил. Когда же книга „Материализм и эмпириокритицизм" вышла в свет весной 1909 года, В. И. Ленин подарил ее Горину (Галкину) с дарственной надписью. И этот экземпляр он бережно хранил у себя. Я был очень любопытным и пристал к нему, чтобы он показал мне подаренную Лениным книгу. Тогда я увидел надпись, сделанную ленинским почерком, начинавшуюся словами: „Дорогому Владимиру Филип-

повичу Горину (Галкину)..." Владимир Филиппович добавил, что Ленин благодарил за оказанную помощь, а между тем замечаний его не принял. „Но я тогда чувствовал, что не имею права принять от Владимира Ильича слова благодарности за будто бы оказанную мне помощь, если он ею не воспользовался", – пояснил мне он.

После смерти Горина (Галкина) в 1925 году дарственный экземпляр ленинской книги оставался у его сестры, а после куда-то исчез.

Впоследствии я страшно себя ругал, что не расспросил подробнее Горина (Галкина), какие же замечания он сделал по рукописи Ленина и почему именно Ленин не принял этих замечаний. Забегая вперед, скажу, что этот вопрос меня стал особенно волновать после смерти Владимира Филипповича. Так иногда бывает в жизни: пока человек жив и можно у него узнать то, что тебя интересует, ты почему-то об этом не задумываешься. Но вот он умирает и уносит свою тайну, и тут ты вдруг спохватываешься и начинаешь мучительно ломать себе голову над тем, что вовремя не удосужился узнать.

В 1920 году я купил брошюру Горина (Галкина) под странным названием: „Долой материализм!". Слова „Долой материализм!", как оказалось, принадлежат не автору, а махистам („эмпириокритицистам"), которых автор как раз критиковал. Он горячо защищал материализм от нападок со стороны махистов. Однако язык и общий стиль брошюры показались мне слишком вычурными и нарочито усложненными, а местами малопонятными. Видимо, Владимир Филиппович о философии, диалектике гораздо лучше говорил, чем писал.

Эту брошюру он в августе 1920 года преподнес Ленину со следующей надписью: „Дорогому учителю и вождю Владимиру Ильичу Ленину от автора

в знак глубочайшей преданности. Вл. Горин (Галкин)".

В том же году он дарит брошюру Н. К. Крупской с надписью: „Дорогому товарищу Надежде Константиновне Крупской (Ульяновой) в знак глубокого уважения от автора".

Обе брошюры хранятся в библиотеке Ленина в Кремле, я их видел в конце 60-х годов, когда снимался телефильм „В Кремль к Ленину", в котором я принимал участие.

После бесед с Гориным (Галкиным) и его рассказов о Ленине образ Владимира Ильича стал для меня раскрываться больше и глубже. Теперь Ленин представлялся мне и как философ. Этому сильно помогло чтение замечательной ленинской статьи, помещенной в мартовском номере журнала „Под знаменем марксизма". Статья называлась „О значении воинствующего материализма". В. Ф. Горин (Галкин) привил мне тогда интерес к философни, и я ему за это всегда буду глубоко благодарен. Что же касается личного отношения Ленина к Владимиру Филипповичу, то могу добавить, что еще в 1913 году, когда он болел туберкулезом легких, Ленин запрашивал Г. Л. Шкловского: „Пожалуйста, узнайте адрес Горина в Давосе и пришлите"[1]. Отсюда видно, что Ленин уже тогда близко интересовался судьбой Владимира Филипповича.

Теперь расскажу о том, как я, разбирая горинский архив, обнаружил в нем машинописную копию письма Горина (Галкина) Ленину, написанного в начале 1921 года. Привожу выдержки из него.

„Дорогой, глубокоуважаемый Владимир Ильич.

Как мне известно стало, на днях деканат 1-го Государственного университета послал Вам две мои

---

[1] Ленинский сборник XXXVIII, с. 106.

работы по философии на предмет Вашего отзыва о том, можно ли мне дать систематический курс по предметам моих книг вместо данного уже мне курса эпизодического. Вышло это, по-видимому, потому, что я протестовал в ученой комиссии деканата по поводу моего эпизодического курса, данного мне в то время, когда буржуазным профессорам, читающим всякую вредную дребедень, дан курс систематический.

Обращаю Ваше внимание, дорогой Владимир Ильич, что мне известно Ваше отрицательное отношение к моей старой книге. Но ведь эта книга написана 10 лет тому назад, и по ней никаким образом нельзя судить о моей нынешней философской позиции. До известной степени о последней можно судить лишь по 2-й книжке... о моей нынешней позиции Вам ничего не известно. На основании этого я бы Вас очень просил раньше отзыва поговорить со мной лично по вопросам философии, в которых у нас вышли разногласия, в частности, по вопросам диалектической логики".

Получив письмо, Ленин переслал его на отзыв в Наркомпрос М. Н. Покровскому, имя которого носил тогда 1-й МГУ. В томе 52 Полного собрания сочинений Ленина на с. 126 читаем: „т. Покровский! Посылаю Вам (письмо Горина (Галкина). – *Б. К.*) *к сведению. По секрету.* Дайте два слова отзыва. Автор – старый (с 1903) большевик, но вполне ли годен как профессор, не знаю. Думаю, что все же годен. Мало искренних, а он таков. NB: его отзыв о Волгине?

4/IV. Ваш *Ленин*"[1].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 126.

Чем зто кончилось, мне иеизвестно.

Упомянутая в письме Горина (Галкииа) его вторая книга — это брошюра 1920 года. Но о первой (старой) книге того же автора никаких сведений у меня не было. И тут я вспомнил о „кипе листов", возвращенных Леииным и которые Горин использовал в какой-то своей собственной работе. Вставал вопрос: в какой же имеино? Я стал доискиваться и выясиил, что ои под псевдонимом Н. Грабовский действительио иапечатал в 1910 году в Екатерииославе книгу „Долой материализм!" с критикой теории позиания змпириокритицизма, то есть махизма. Предисловие к ией было датировано декабрем 1909 года, следовательио, полгода спустя после выхода в свет ленинской книги. Поэтому вполне можно было предположить, что именно в зту кнгу Горина и вошла целая „кипа листов".

Когда я тщательио изучил зту старую (первую) книгу, то понял, почему В. И. Ленин не приият замечаний и рекомеидаций Гориа, сделанных по рукописи „Материализм и змпириокритицизм". Дело в том, что последний вводил свою терминологию, отвергая ту, которая была приията К. Марксом, Ф. Энгельсом и целиком разделялась В. И. Леииным. Разумеется, Ленин ие мог принять замечаний Гориа (Галкииа). Тем не менее он счел нужным поблагодарить его за то, что тот потратил миого труда иа прочтеиие рукописи.

Вериемся к событиям 1922 года.

Я продолжал работать у Подвойского во Всероссийском товариществе образовательио-производственных ассоциаций допризывников (ВТОПАЗ). По замыслу Николая Ильича в зтих ассоциациях кроме воеииой допризывиой подготовки юиошества должна была проводиться работа по образованию молодежи и включение ее в производствеииую деятель-

ность, как это вытекало из указаний Ленина на III съезде комсомола.

В мае 1922 года я помогал ему вместе с ЦК РКСМ создавать пионерскую организацию и все лето того года был пионервожатым одного из первых пионерских лагерей в Пушкино под Москвой. В нем были подростки – дети большевиков, направленные туда детской комиссией при ВЦИК, которую возглавляла К. Новгородцева (вдова Я. М. Свердлова). Всего было 20 ребят (в их числе мой брат Игорь). Большинство из них позднее стали комсомольцами и коммунистами.

В августе 1922 года я сдал вступительные экзамены на химическое отделение физико-математического факультета (физмата) 1-го МГУ. Так я в отношении самого себя реализовал ленинский призыв учиться. В сентябре понемногу начались учебные занятия, а вместе с ними общественная и партийная работа.

Шел 1923 год... В университете уже в первые месяцы 1923 года у меня обнаружился туберкулез легких. Он начался, как считали врачи, еще на фронте, а теперь обострился из-за тяжелого воздуха, каким приходилось дышать в наших химических лабораториях. С мая до конца августа я пробыл в Крыму, в туберкулезном санатории. Вернувшись в Москву, с осени я возобновил занятия. Со мной вместе училась тогда на химическом отделении коммунистка Оля Лепешинская, дочь старых большевиков – Пантелеймона Николаевича (дома жена и дочь звали его ласкательно Пантелеймончиком) и суровой особы – Ольги Борисовны со стрижеными, торчащими вверх седыми волосами. Мы, студенты, часто бывали в гостях у Лепешинских, и нас всегда пленяли юмор и жизнерадостность белого как лунь Пантелеймона Николаевича.

П. Н. Лепешинский хорошо рисовал, особенно удавались ему карикатуры. Он нам их показывал и рассказывал, по поводу чего они были нарисованы. Мне особенно запомнились рисунки с подписью „Как мыши кота хоронили". Кот был изображен с головой Ленина, а мыши — с головами меньшевиков Мартова, Троцкого и других. Старая крыса (с головой Плеханова) предостерегает мышей об опасности: кот, дескать, не умер, а только притворился мертвым, но мыши умную крысу не слушают, и вот кот всех их переловил. Мы все дружно и весело смеялись над этими юмористическими рисунками. При этом Лепешинский нам рассказывал, что эти карикатуры очень нравились самому Ленину, который искренне любил все истинно юмористическое, и что он от души смеялся над этими забавными картинками...

С осени 1923 года в партии развернулась дискуссия с троцкистами.

Я с самого начала был решительно против троцкизма. Мне помог также Н. И. Подвойский, укрепив меня в этой позиции. На первом же дискуссионном собрании я вместе с меньшинством нашей партийной студенческой ячейки проголосовал за линию ЦК партии, против линии Троцкого и потому не был избран на районную партийную конференцию Хамовнического района (на нее были избраны от нашей ячейки одни троцкисты).

В это время все чаще стали распространяться слухи о тяжелом заболевании Ленина; говорили, что болезнь его возникла на почве страшного переутомления. Такие слухи доходили до нас и раньше, но теперь они стали особенно тревожными. Сжималось сердце, на глазах невольно навертывались слезы от сознания, что Ленин болен, тяжело болен, что он не может работать в полную силу, как это делал до сих

пор. И какая радость загоралась в глазах людей, когда они слышали, что Ленину стало лучше, что он поправляется.

Подробностей по поводу болезни Владимира Ильича мы тогда не знали и даже не догадывались, как глубоко поразила его могучий организм опасная болезнь. Помню, в конце декабря 1923 года, когда мне только что исполнилось 20 лет, на собрании коммунистов физмата был сделан доклад о текущем моменте.

Было подано много записок, докладчик на них ответил, а в конце сказал, что в последней записке его спрашивают, как здоровье Владимира Ильича. Он ответил, что Ленину стало гораздо лучше, что он поправляется и есть надежда, что мы все скоро его снова увидим. Как стало на сердце легко и радостно от таких слов!

Очерк 12

Смерть Ленина и прощанне с ннм. Его заветы. И клятва следовать нм. 1924

> Если день смерк,
> если звук смолк,
> все же бегут вверх
> соки сосновых смол.
>
> С горем наперевес,
> горло бедой сжав,
> фабрик и деревеиь
> заговори, шаг...
>
> *Н. Н. Асеев*

Это слова из асеевского „Реквиема" на смерть Ленина.

Январь 1924 года начался с зимних каникул, потом возобновилнсь занятия, собрания, обсуждения н дискуссин. К вечеру 21 января мне позвонила мать и голосом, прерывающимся от слез, сказала: „Ты знаешь, сегодня умер Леннн". Услышав эту страшную весть, я растерялся и прямо у телефонной трубкн расплакался как ребенок. Казалось, что из жизнн ушло что-то самое дорогое, самое важное, на чем держалась вся наша жизнь; внезапно порвалась ее нить. „Как теперь будем жить без Ленина?" — такой вопрос вставал в тот момент, наверное, перед всеми советскими людьми, а не только передо мной. „Без Ленина!" — как сиротлнво звучали этн слова, н все не верилось, что это правда, что Ленина больше нет среди нас, что он умер. Какое это страшное слово, когда оно связывается с кем-то для тебя близкнм и

родным, и каким оно стало неописуемо страшным, неизмеримо более страшным в сочетании с именем Ленина.

Нет слов описать горе, охватившее меня, как и миллионы людей, горе общенародное, чувство утраты самого близкого, самого дорогого, самого любимого человека. Слезы были лишь первой реакцией на сообщение о смерти Ленина. Потом наступило какое-то отупение, какая-то потерянность. Хотелось собраться с мыслями и ходить, ходить и все думать о живом Ленине, вспоминать до мельчайших подробностей все, что знал о нем, что видел и слышал, встречаясь с ним.

Я, как-будто отрешенный, бродил по московским улицам, думал, вспоминал и столкнулся с Олей Лепешинской, которая, во-видимому, была в таком же состоянии, как и я — шла неизвестно куда и зачем. Мы крепко пожали друг другу руки, печально поглядели друг другу в глаза и, словно сговорившись, задали один и тот же вопрос: „Как же теперь без него-то будем жить?"

Для встречи гроба с телом Ленина университет организовал делегацию. От профессуры физмата в нее вошли физик-коммунист А. К. Тимирязев и ботаник Ф. Н. Крашенинников, от студенчества физмата — я. В Москве стояли тогда крепкие морозы. Мы провели несколько часов на площади против Павелецкого вокзала. На мне были полушубок и ушанка (я берег отмороженные уши). Но обут я был в довольно холодные бурки и основательно в тот день отморозил себе ноги.

Когда прибыл траурный поезд, вся масса встречающих двинулась к вокзалу, но я оказался далеко и не видел, как вынесли гроб с телом Ленина.

В эту же ночь, несмотря на отмороженные ноги, я отправился в Колонный зал, чтобы попрощаться

с Лениным. О том, что его тело будет забальзамировано, тогда мы еще не знали, и я думал, что увижу бесконечно дорогое мне лицо в последний раз. В первую ночь очередь была еще сравнительно небольшая: она тянулась через Охотный ряд от Дома союзов и кончалась возле 1-го Дома Советов („Националя"). Стояло по нескольку человек в ряду. Продвигались довольно быстро, и вот я вхожу в тот самый подъезд, куда входил летом 1920 года, чтобы услышать речь Ленина на совещании о работе в деревне. Поднимаюсь по той же лестнице, вхожу в тот же Колонный зал, но только сейчас он весь завешан траурными — красными с черным — лентами и флагами, а посредине зала на большом постаменте, утопая весь в цветах и зелени, стоит гроб с телом Ленина. Сердце мучительно сжалось, на глазах слезы, делаешь неимоверное усилие над собой, чтобы не разрыдаться. В зале полнейшая тишина, люди переговариваются только шепотом. Тихо льются звуки похоронного марша Шопена. Мимо гроба люди проходят молча, многие вытирают слезы, слышатся заглушенные рыдания. Какой-то военный не выдерживает и громко вскрикивает, видно, что он плачет как ребенок, — и зто человек, наверное не раз смотревший смерти в глаза и не дрогнувший, когда речь шла о его собственной жизни. Его берут под руки и осторожно отводят в сторону. Другой падает, с ним обморок...

...А люди все идут, идут, вот и я уже прохожу мимо Ленина и впиваюсь сквозь слезы в него глазами, чтобы на всю жизнь запомнить зто лицо, которое я видел столько раз живым, а теперь в последний раз вижу неподвижным, застывшим навеки.

Но мне довелось еще раз побывать тогда в Колонном зале и еще раз попрощаться с Лениным: моя мать в ЦК партии, где она работала, достала

для меня пропуск в Дом союзов. И снова я видел суровые и печальные лица людей, которые длинной вереницей шли прощаться с Ильичем, снова раздавались тихие звуки шопеновского марша, снова сдавливалось горло, и снова слышались рыдания тех, кто не мог сдержать своего горя и в отчаянии плакал, словно слезами можно было залить это обрушившееся на нас горе...

Потом были похороны Ленина, и в туманном сумраке протяжно звучали над Москвой прощальные гудки фабрик, заводов, паровозов. Я был на Красной площади и видел, как вся Москва, вся страна, весь народ, все рвущееся к свободе человечество прощалось с Лениным.

Теперь партии и народу предстояло идти без Ленина по ленинскому пути. Предстояло завершить начатое при Ленине восстановление народного хозяйства страны, затем — пятилетка за пятилеткой — надо было осуществить индустриализацию страны, потом коллективизацию сельского хозяйства, построить новую, социалистическую культуру и в результате заложить в СССР фундамент социализма. Это завещал сделать Ленин, говоря, что из России нэповской возникнет Россия социалистическая.

Но в те дни, много десятилетий назад, когда вся страна хоронила своего любимого вождя, все это было еще только впереди, все это еще предстояло пройти и пережить.

Советские люди и вся партия отдавали себе тогда полный отчет в том, что только великим напряжением трудовой энергии, сплочением всех коммунистов вокруг ленинских идей и планов можно будет восполнить ту зияющую рану, которую нанесла смерть, отняв у человечества такого гения, как Ленин.

Значит, не унывать, не отчаиваться, не опускать руки надо было тогда и потом, а браться со всей решительностью за выполнение планов и заветов Ленина. Коммунистическая партия и весь советский народ идут теперь без Ленина по ленинскому пути, идут все увереннее и быстрее вперед и вперед к заветной цели — к коммунизму.

И в те дни и часы, когда я прощался с Лениным и хоронил его вместе с миллионами горюющих о нем людей, я сам себе дал торжественную клятву не только идти по пути, указанному Лениным, но и посвятить Ленину всю свою будущую жизнь, направить все свои помыслы и силы к одной цели — разрабатывать и пропагандировать идеи Ленина, осуществлять его заветы и планы. При этом на первом плане у меня стояла разработка материалистической диалектики, завещанная Лениным в его статье „О значении воинствующего материализма".

Мне было тогда 20 лет, и в этом возрасте легко даются клятвы „на всю жизнь". Но это была клятва, записанная кровью сердца. О том, как я сдержал ее, расскажу особо.

И прежде чем говорить о том, как я ее сдержал, приведу еще некоторые эпизоды, которые произошли вскоре после смерти Ленина. Вспоминаю, как я прочел речь Сталина „О Ленине", произнесенную им несколько дней спустя после смерти В. И. Ленина на вечере кремлевских курсантов. Второй раздел этой речи озаглавлен „Скромность". Здесь говорится:

„Принято, что „великий человек" обычно должен запаздывать на собрания с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причем перед появлением „великого человека" члены собрания предупреждают: „тсс... тише... он идет". Эта обрядность казалась мне нелишней, ибо она

импонирует, внушает уваженне. Каково же было мое разочарованне, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов н, забившись где-то в углу, по-простецкн ведет беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что зто показалось мне тогда некоторым нарушеннем некоторых необходимых правил.

Только впоследствии я понял, что зта простота н скромность Ленина, зто стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза н не подчеркивать свое высокое положенне, — зта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших „ннзов" человечества"[1].

Это сказано нскренне н с злементом самокрнтики: и ритуал „обрядностн" казался Сталину нелишним, ибо он „импонирует", „внушает уважение". Но простота Ленина развеяла, казалось бы, это ложное предположение, так что Сталин здесь словно дает обещание следовать в зтом отношении примеру Ленина. Читая зти строки, я думал тогда, как было бы хорошо, еслн бы все строго следовалн за тем прнмером, который показал Ленин своей скромностью.

В мае 1924 года состоялась III Хамовническая районная партийная конференция. Я был нзбран на нее в числе другнх делегатов от ячейкн физмата 1-го МГУ. С докладом ЦК РКП(б) выступил М. В. Фрунзе, заместитель наркома военмора. Он рассказал о партийной работе, которая была проведена за несколько месяцев, нстекших после смерти Ленина,

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. М., 1984, т. 2, с. 126.

о борьбе партии против троцкистской оппозиции, задачах, стоящих перед партией на ближайшее время. Доклад М. В. Фрунзе был очень ярким, я бы сказал – пламенным. Никаких записок при этом у него под руками не было. Его речь текла свободно, без всяких заминок.

Добавлю, что в середине 1924 года в „Правде" было напечатано письмо студентов-коммунистов, стоящих на позиции ЦК партии и осуждающих троцкизм. В следующих номерах „Правда" продолжала печатать списки студентов-коммунистов, присоединившихся к авторам опубликованного письма. И я поставил тогда свою подпись под этим письмом.

Хочу рассказать еще об одном эпизоде все из того же 1924 года. Весной по рекомендации Н. А. Подвойской моя жена, Т. Н. Ченцова, стала работать в архиве Истпарта, который помещался тогда на первом этаже Большого Кремлевского дворца. Заведовала этим архивом О. Н. Мицкевич, старая большевичка, мать моей сокурсницы по физмату Е. С. Мицкевич, тоже члена партии. Обстановка во дворце старомодная. У парадного входа дежурил бородатый швейцар в старой ливрее. Пропусков никаких не было, вход был свободный. Жена рассказывала, что строгого порядка в архиве еще не было. Так, ей пришлось разбирать огромное количество писем, относящихся к предреволюционным годам эмиграции: кто-то додумался вынуть эти письма из конвертов, и теперь приходилось ломать голову, кому и когда адресовалась эта корреспонденция. В ней часто упоминалось имя Ленина, сообщалось о встречах и разговорах с ним. Вечерами, придя домой, жена подробно рассказывала мне о том, что больше всего интересовало меня в этих письмах и, в первую очередь, обо всем, что хоть как-то было связано с Лениным.

Руководил тогда Истпартом старый большевик Михаил Степанович Ольминский. Он часто болел. Его постоянно навещали сотрудники Истпарта. Лежа в постели, весь седой, он любил поговорить с пришедшими, и часто эти разговоры вращались вокруг образа Ленина. При одном из посещений моей женой Ольминского он долго рассказывал о своем впечатлении от чтения ленинской брошюры „Удержат ли большевики государственную власть?". Как раз в это время он писал свои воспоминания о Ленине, назвав их коротко: „Товарищ Ленин". Я, конечно, многого не запомнил из ее пересказа, а потому позволю себе сослаться на сами воспоминания.

Ольминский писал, что весь обиход жизни Ленина всегда был пролетарским, если не считать груды книг в комнате. В названной брошюре „В. И. Ленин мимоходом обмолвился о себе: „О хлебе я, человек, не видавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы".

Это заявление способно только рассмешить всякого, кто знает жизнь Ильича. Что он никогда не думал о хлебе, о материальных интересах – это верно. Но вместо слов „не видавший нужды" несравненно уместнее было бы сказать „не видавший сытости". Отсутствие развращающего влияния буржуазной сытости не могло не сыграть своей роли в том, что В. И. Ленин не сбивался, не в пример другим теоретикам, на буржуазную точку зрения.

В той же брошюре, на той же странице, мы имеем возможность наблюдать, как пролетарское „бытие" (а для В. И. Ленина – пристальное наблюдение за этим бытием) отражается на политическом сознании, на принятии той или иной политической линии. В. И. Ленин рассказывает:

„После июльских дней мие довелось... уйти в подполье. Прятал иашего брата, коиечно, рабочий. В далеком рабочем предместье Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: „Смотри-ка, какой прекрасиый хлеб. „Они" не смеют теперь, иебось, давать дурного хлеба. Мы забыли было и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб".

Меня поразила, – продолжает В. И. Леиин, – зта классовая оцеика июльских дней. Моя мысль вращалась около политического зиачения события, взвешивала роль его в общем ходе событий, разбирала, из какой ситуации проистек зтот зигзаг истории и какую ситуацию ои создаст, как должны мы изменить наши лозунги и наш партийный аппарат, чтобы приспособить его к измеиившемуся положению... К осиове всего, к классовой борьбе за хлеб, мысль подходит через политический анализ иеобыкиовенно сложным и запутанным путем...

...„Какая мучительная вещь, зта „исключительио сложная обстановка" революции" – так думает и чувствует буржуазиый интеллигеит.

„Мы „их" иажали, „они" ие смеют охальиичать, как прежде. Нажмем еще – сбросим совсем" – так думает и чувствует рабочий".

Этот рассказ В. И. Ленина вводит иас в сокровеиную лабораторию его мысли. Голова ищет „интеллигеитским" путем, путем сложного теоретического анализа „простоты и ясности" в определении смысла сложного события, чтобы синтезировать результат анализа в лозунгах, которые должны проводиться „с твердой решительиостью". И где другой теоретик-интеллигеит легко запутается в иеразрешимых противоречиях, там наш вождь выйдет из затруднений при помощи пролетарской классовой точки зреиия...

Коиечно, – продолжает Ольмииский, – не фразой рабочего о хлебе был решеи в данном случае вопрос о выборе лозунгов: оии определились общим результатом теоретического анализа. Но зта фраза сыграла свою роль – приблизительио такую же, какую, по преданию, сыграло падение яблока с дерева в открытии Ньютоиом закоиа всемириого тяготеиия. И кто сможет счесть все яблоки, которые падали перед глазами Ильича с великолепного и вечно плодоиосиого дерева пролетарской мысли, чтобы облегчить ему иахождение простого и ясиого ответа иа сложнейшие политические вопросы?"[1] Я не запомнил из его рассказа, переданного мне жеиой, и десятой доли того, что оиа мне тогда говорила. Но яркий образ ньютоиовских яблок, иаводивших мысль Леиина иа иовые открытия и обобщеиия, засекся в моем мозгу. И я думал: как было бы великолепно, если бы я мог мысленно проникнуть в „сокровенную лабораторию леиинской мысли" и отыскать в ией отпечатки того, что происходило тогда в голове Леиина в случае хотя бы одного падавшего перед его глазами „яблока"...

Вставал и более прозаический и вместе с тем более коикретный вопрос: нельзя ли в повседневиой иашей практике реализовать прямые указания Ленина, касающиеся иашей учебы и вообще различных участков иашей студеической жизни?

Асеевские слова, взятые зпиграфом к зтому очерку, говорят: как бы ни было велико горе, постигшее иаш иарод, иашу страну и весь мировой пролетариат, как бы ии было безмерно тяжело иа сердце, а жить и бороться иадо и прежде всего отдать все свои силы на осуществлеиие заветов Ленина. Ведь

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1960, т. 3, с. 11–13.

когда будут живы идеи и заветы Леиина, то вместе с ними будет вечно жив и Ленин. Ленин будет бессмертен... Так думал я тогда.

А жизнь шла своим буриым чередом: без Ленина, но с Лениным во всех помыслах и делах. Сначала зти дела и помыслы вытекали у меня из повседневиой текущей жизни, так сказать, были сиюминутными, диктовались оии очередными задачами учебы и общественной работы в университете. Но затем эта деятельность стала приобретать целенаправленный характер — мие хотелось связать идеи и мысли Ленина с глубокими теоретическими и методологическими проблемами иауки. Так, думая все время об идейио-теоретическом и философском наследии Ленина, я иезаметно для самого себя втягивался в русло самостоятельной иаучной работы, превращался из учащегося в исследователя.

А пока жизиь нашей страны, московская жизнь, в том числе и иаша студенческая, постепенно входила в свою колею после потрясеиия, вызванного смертью Леиина. С виешней стороиы как будто ннчего не измеиилось, так же ходили трамваи и ездили извозчики, выходили газеты, а иа углу улиц моссельпромщицы торговали папиросами и коифетами. В университете все так же читались лекции по тем же предметам, а в лабораториях велись занятия.

Активио участвуя во всей кипучей студенческой жизни, я постоянно возвращался к мысли о том, каким же образом я смогу выполиить данную мне самому себе клятву. О том, как зто происходило иа протяжении всей последующей моей жизни, я вкратце расскажу в конце зтого очерка, подводя итоги за последние 60 лет моей жизии.

Было естественно, что я обратился к работам Ленина, и прежде всего к речи иа III съезде РКСМ „Задачи союзов молодежи" и статье „О значении воин-

ствующего материализма". Из этих ленинских работ вытекали по крайней мере две громадные задачи, существенно важные для физмата и вообще для перестройки нашей высшей школы в тогдашних условиях. Первая задача состояла в налаживании теснейшей связи университетского образования с производственной практикой. Вторая – в организации преподавания общественно-политических предметов, в том числе философских, которые до тех пор отсутствовали на физмате. С самого начала 1924 года мне пришлось возглавить студенческое исполбюро физмата, и с этого момента мы приступили к осуществлению обеих названных задач. Я встал во главе факультетской комиссии по проведению летней производственной практики студентов. Мы связались со многими производственными предприятиями и лабораториями, геологическими экспедициями, биостанциями, электростанциями с целью выяснения, сколько наших студентов каждая из них могла принять летом 1924 года в качестве практикантов. Одновременно наша комиссия обратилась к профессорам и преподавателям с целью составить инструкции, учитывающие условия работы практикантов на данном предприятии или в учреждении. На производственную практику было послано несколько сот физматовцев, а осенью мы собрали их отчеты о проделанной работе и отзывы о них предприятий. С тех пор летняя производственная практика вошла органически в учебный план нашего физмата.

Вторая задача состояла в том, чтобы сочетать университетское специальное образование с общественно-политическим и философским. Решалась она тоже нашими студентами, их исполбюро. В том же 1924 году мы добились включения в учебный план физмата общественно-политической дисциплины

как обязательного предмета. В качестве факультативного курса нами было организовано чтение лекций по марксистской философии. Читал их профессор Виктор Маркович Познер.

Одновременно мы создали семинар по истории философии, начиная с античной, с тем чтобы подготовиться к изучению диалектики Гегеля, как это и было завещано В. И. Лениным для естествоиспытателей. А ведь все физматовцы были как раз естественниками. С тех пор овладение материалистической диалектикой получило широкое распространение не только среди студенчества, но и значительной части преподавателей физмата. Так прошел у нас первый год без Ленина, но с Лениным в мыслях и в сердце.

А теперь несколько слов по поводу того, как я по мере своих сил и способностей старался выполнить клятву, данную самому себе в дни прощания с Лениным в 1924 году. Все последующие годы (1925–1985) я мог бы охарактеризовать словами А. С. Пушкина: „Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная". Ибо заключением моих воспоминаний о Ленине может служить вся моя последующая долгая жизнь. Я отдавал тогда себе отчет в том, что начатое при моем участии в области улучшения учебного процесса на физмате – только первые шаги в этом направлении. И вскоре я понял, что должен найти в самой науке, которую я тогда изучал, новые задачи, к решению которых можно и нужно применить ленинские философские идеи, ленинский диалектико-материалистический метод. Такую задачу я вскоре нашел в области химической термодинамики. Над ее решением билось много выдающихся ученых, среди них – Гиббс, Планк, Эйнштейн, Ван-дер-Ваальс, Нернст, Шредингер, Лоренц и другие. Но, только опираясь

на методологический анализ, проведенный Лениным в „Материализме и эмпириокритицизме", удалось решить эту сложную, запутанную задачу и тем самым показать всю силу и мощь ленинского подхода к философским проблемам современного естествознания. На это ушло несколько лет напряженного труда.

В 1929–1930 годах были опубликованы ленинские „Философские тетради". Штудируя их, я обнаружил множество новых проблем, требующих решения с ленинских философских позиций. К их числу относился анализ основных категорий диалектики как ступеней естественнонаучного познания, а самой диалектики – как обобщения истории человеческой мысли. Этому был посвящен ряд моих исследований, завершившихся монографией „О количественных и качественных изменениях в природе" (1946 г.).

Разработка мною ленинского философского наследия продолжалась и расширялась. Возникала необходимость в прямой защите ленинских взглядов. Так, в ряде работ допускались серьезные ошибки, состоявшие в том, что при изложении диалектического материализма разрывались диалектический метод и материалистическая теория познания, что закон единства и борьбы противоположностей трактовался односторонне, только как закон их борьбы, а закон отрицания отрицания исключался вовсе из диалектики. По этим и другим пунктам требовалась активная защита ленинских положений философии марксизма от привнесенных в нее ошибочных взглядов и формулировок. Этому были посвящены многие мои статьи, брошюры и монографии, в том числе и учебное пособие „Как изучать книгу Ленина „Материализм и эмпириокритицизм", четвертое издание которого вышло в 1983 году.

В 50–60-х годах мною были созданы труды, по-

священные одному из центральных положений Ленина — о единстве диалектики, логики и теории познания материализма, а также анализу отдельных ленинских философских произведений. В связи со 100-летием со дня рождения Ленина вышли в свет две мои крупные монографии: „Ленин и революция в естествознании XX века. Философия и естествознание" и „Ленин и диалектика естествознания XX века. Материя и движение". Вслед за ними мною были созданы книги „Из лаборатории ленинской мысли" и „Ленин и научные революции".

В начале 80-х годов я начал разрабатывать тему о методе изложения диалектики в том направлении, как это рекомендовал делать Ленин. Этому посвящен ряд книг и публикаций. В настоящее время закончен большой труд, целиком посвященный Ленину и его времени, — „Марксистская концепция истории естествознания. Первая четверть XX в.". Выход ее в свет намечен в 1985 году. Этому же вопросу посвящена моя небольшая книжка „Ленин, наука, социальный прогресс" (1982 г.).

Во всех перечисленных выше и других работах, выполненных за истекшие 60 лет, я стремился, как мог, по мере своих сил и способностей, выполнить данную себе клятву — защищать, разрабатывать и пропагандировать идеи и взгляды Ленина. О том, насколько мне удалось сдержать эту клятву, судить не мне, а читателям моих работ. В дальнейшем я буду стараться столь же активно продолжать разрабатывать ленинское философское наследие. Это я буду делать, пока у меня есть силы, а голова не перестала работать. И до сих пор, когда я тружусь над ленинской тематикой, перед моим мысленным взором неизменно встает немеркнущий образ Владимира Ильича Ленина, такой, каким он запечатлелся в моем сознании в ранней молодости.

Эпилог

Будут внуки потом,
Все опять повторится сначала.

К. Ваншенкин

Вот я и подошел к концу своих повествований, в которых охватил историю четырех поколений – моих родителей, моего собственного, моих детей и только что становящегося поколения моих внуков.

Этот эпилог хочу начать с того, что признателен судьбе, что она дала возможность мне пронести через всю жизнь – от ее зари на ранней молодости до заката в глубокой старости – образ В. И. Ленина. И сделать это не отвлеченно, а вполне осязаемо, реально. И теперь могу сказать, что вся моя сознательная жизнь была связана с именем Владимира Ильича Ленина.

Сначала по мере своих сил я старался выполнять его советы и указания, затем постигать в науке проблемы, подсказанные им, и, наконец, следовать его мыслям, разрабатывать его великое философское наследие, проникая мысленно в его творческую лабораторию.

Конечно, я сделал далеко еще не все, но всего сделать одному человеку не дано. Я глубоко благодарен партии за то, что она высоко оценила мой скромный труд, наградив тремя орденами Ленина и орденом Октябрьской Революции. Такое сочетание глубоко

символично, ибо имя Ленина неотделимо от Октябрьской революции. Однако работа над ленинским философским наследием поистине неисчерпаема. Вот и сегодня, когда мои силы тают с каждым днем, хочется сделать еще так много, на выполнение чего, кажется, не хватило бы еще одной жизни, такой, какую уже прожил. Последние свои силы хочу отдать на завершение уже начатых мною работ.

И странное дело: чем больше слабеет и дряхлеет тело, тем сильнее становится дух, безудержнее стремление к творческой деятельности, словно гонит вперед все время сознание: как бы успеть сделать еще и еще из задуманного и начатого, из завещанного всем нам Лениным. Теперь растут новые молодые силы. К ним, этим будущим марксистам-ленинцам, и обращены прежде всего мои воспоминания. Хотел бы надеяться, что эта моя книжка даст кому-нибудь из молодых философов толчок к тому, чтобы продолжить начатые мною работы. Это мое заветное желание. Может случиться, что среди этих будущих философов окажутся и мои собственные внуки — двоим из них сейчас четыре и пять лет, как было мне и Юрику в 1909 году, когда на небе появилась комета, которую мы выбегали смотреть. С тех пор прошло 75 лет, и она возвращается снова. Но я уже не смогу выбегать, чтобы полюбоваться ею и вспомнить весь длинный путь, пройденный мною с тех пор, как видел ее в раннем детстве. Может быть, еще через 75 лет ее новый возврат на Землю увидят мои внуки, и „все опять повторится сначала". Пусть будет так. И вновь встают образы: в окне комета, а у клавесина сидит старик и вспоминает себя маленьким мальчиком, сидящим на коленях матери и смотрящим в окно на комету...

Содержание

Бонифатий Михайлович
Кедров

Запечатленный образ
ЛЕНИНА
(Автобиографические очерки)

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редактор *З. У. Устенова*
Младшие редакторы:
Н. С. Коблякова, Н. И. Коршикова
Художник *Е. А. Крылов*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 4860

Сдано в набор 01.07.85. Подписано в печать 04.12.85. А 00220. Формат 70 x 90$^1/_{32}$. Бумага книжно-журнальиая офсетная. Гарнитура „Пресс-Роман". Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,22. Усл. кр.-отт. 15,94. Уч.-нзд. л. 9,15. Тираж 200 000 (50 001–125 000) экз. Заказ № 4512. Цена в переплете 45 коп., в обложке 40 коп.
Текст иабран в нздательстве
иа иаборно-печатающих автоматах.

Политиздат. 125811, ГСП,
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Тнпография издательства
„Горьковская правда".
г. Горький, ул. Фигиер, 32.

40 коп.

Обложка „Календаря для всех на 1908 год", в котором была напечатана статья Ленина „Международный социалистический конгресс в Штутгарте". Личный экземпляр В. И. Ленина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ